

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№3 2026 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

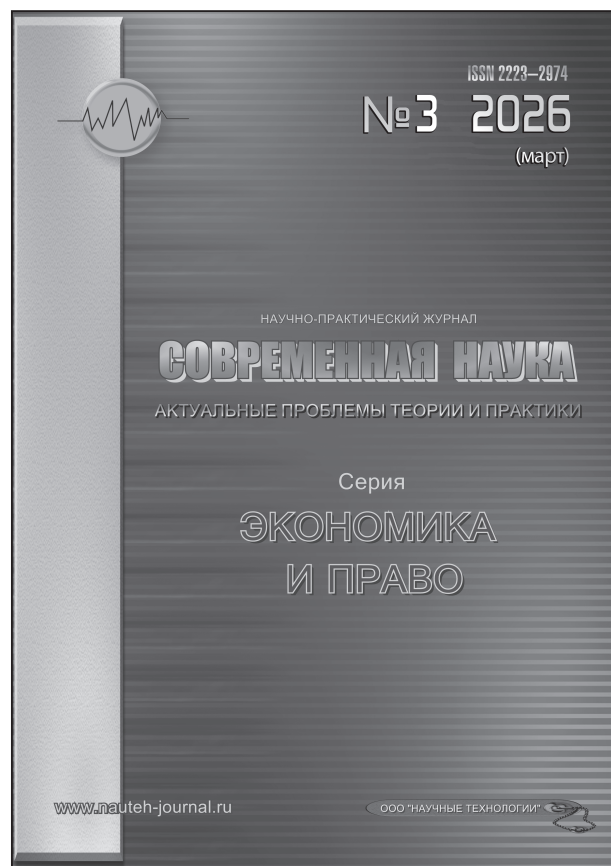
Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 20.03.2026 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

9 7722 2329 7406

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Белянина И.В. — Проблемы управления талантами в условиях дефицита квалифицированных кадров
Belyanina I. — Talent management problems in the context of a shortage of qualified personnel.6

Васькова Ю.И., Дмитриева Е.О., Григорьянц И.А. — Экономический анализ цифрового разрыва как фактора региональной асимметрии (на примере Самарской области)
Vaskova Yu., Dmitrieva E., Grigiryants I. — Economic analysis of the digital divide as a factor of regional asymmetry: the case of the Samara region11

Гудкова О.Е. — Цифровизация и инновационное развитие предприятий ОПК в условиях современных вызовов
Gudkova O. — Digitalization and innovative development of defense industry enterprises in the context of modern challenges16

Казанцев И.С. — Перспективы развития грузового автомобильного транспорта Российской Федерации
Kazantsev I. — Prospects for the development of freight road transport in the Russian Federation20

Куликова О.М., Суворова С.Д., Герасимов М.Б. — Создание видеокреатива с помощью генеративных моделей искусственного интеллекта
Kulikova O., Suvorova S., Gerasimov M. — Creating a videocreative using generative models of artificial intelligence25

Логотова Т.Г., Лазаревская Ю.А. — Обеспечение кибербезопасности логистических систем в условиях растущей цифровизации
Logutova T., Lazarevskaya Yu. — Ensuring cybersecurity of logistics systems in the context of growing digitalization30

Миндлин Ю.Б. — Финансово-кредитные механизмы поддержки агрокластеров в России в условиях высокой ключевой ставки
Mindlin Yu. — Financial and credit support mechanisms for agricultural clusters in Russia in the context of high key interest rates.35

Незамайкин В.Н., Осиповская А.В. — Система управления личными финансами
Nezamaikin V., Osipovskaya A. — Personal finance management system42

Ноздрин В.С. — Роль искусственного интеллекта и машинного обучения в оптимизации планирования на российских предприятиях
Nozdrin V. — The role of artificial intelligence and machine learning in optimizing planning at Russian enterprises48

Ноздрина Ю.И. — Влияние цифровых технологий на процессы стратегического планирования в организациях
Nozdrina Yu. — The impact of digital technologies on strategic planning processes in organizations ...53

Салихова И.С., Салихов Б.В., Спильниченко В.К. — Императивы становления нового социального порядка в современной отечественной экономике
Salikhova I., Salikhov B., Spilnichenko V. — Imperatives for the establishment of a new social order in the modern domestic economy.58

Щенникова В.Н. — Риски и возможности аутсорсинга бизнес-процессов
Shchennikova V. — Risks and opportunities of business process outsourcing64

Юрась И.В. — Финансовая грамотность населения России: дифференциация по социальным группам и эффективность мер государственной политики (2022–2025)
Yuras I. — Financial literacy of the Russian population: differentiation by social groups and effectiveness of state policy measures (2022–2025)68

Право

Адиатуллин Р.И. — Обвинительное заключение в уголовном судопроизводстве: история становления и современные правовые подходы
Adiatullin R. — Indictment in criminal proceedings: the history of its formation and modern legal approaches72

- Балданов Р.В., Марадулин А.Э.** — Злоупотребление корпоративными правами при проведении общего собрания: проблемы правоприменительной практики
Baldanov R., Maradulin A. — Abuse of corporate rights at general meetings: problems in case law.....78
- Ванчиков С.А.** — Способен ли суд при рассмотрении заявления о процессуальном правопреемстве установить переход спорного материального права?
Vanchikov S. — Can the court, considering the application for procedural succession, determine whether there has been a change in the parties of disputed substantive rights?85
- Данилова М.А.** — Digital-CPTED: теоретико-криминологические основы предупреждения преступности в цифровой среде
Danilova M. — Digital-CPTED: theoretical and criminological foundations for crime prevention in the digital environment90
- Дашевский П.А.** — Обязательное примирение в арбитражном процессе: допустимость и пределы конституционной модели
Dashevskii P. — Mandatory conciliation in arbitration: admissibility and limits of the constitutional model.....95
- Иванов Г.Р.** — Цифровой суверенитет в системе правового обеспечения государственной независимости Российской Федерации
Ivanov G. — Digital sovereignty in the system of legal support of state independence of the Russian Federation99
- Ионцев М.А.** — Правовая природа правоотношений между пользователями и узлами распределённого реестра
Iontsev M. — The legal nature of legal relations between users and distributed ledger nodes 103
- Куликова Ю.А.** — Об отдельных ограничениях избирательного права в российском законодательстве
Kulikova J. — On certain restrictions on the right to vote in Russian legislation 110
- Курочкина А.Н.** — Эволюция свободы труда при изменении трудового договора
Kurochkina A. — Evolution of freedom of labor when changing an employment contract..... 113
- Морозова С.Ю.** — Система подготовки административного дела к судебному разбирательству
Morozova S. — The system of preparation of an administrative case for trial 118
- Олихов Д.В.** — Возвращение собственности Русской Православной Церкви: историко-правовые аспекты и современные вызовы
Olikhov D. — Return of property of the Russian Orthodox Church: historical and legal aspects and contemporary challenges..... 122
- Упоров И.В.** — Судостроительство и основы уголовного процесса в Российской империи (конец XVIII — начало XIX веков): организационно-правовой контекст
Uporov I. — Judicial system and foundations of criminal procedure in the Russian empire (late 18th — early 19th centuries): organizational and legal aspect..... 125
- Фатьянов Е.В.** — Эволюция конституционных моделей права на образование
Fatyianov E. — Evolution of constitutional models of the right to education..... 130
- Хамидуллина Ф.И.** — Защита интеллектуальных прав в эпоху онлайн-платформ и генеративного искусственного интеллекта: проблемы квалификации нарушений и распределения ответственности
Hamidullina F. — Intellectual property rights protection in the era of online platforms and generative artificial intelligence: problems of qualification of violations and allocation of responsibility..... 134
- Шабалина Е.И., Легкодимов А.А.** — Государственный контроль в СССР как элемент целеполагания в механизме государства
Shabalina E., Legkodimov A. — State control in the USSR as an element of goal-setting in the state mechanism 139

СОЦИОЛОГИЯ

- Писаревская Н.С., Толмачева И.В., Кожина В.О.** — Специфика коммуникационных компетенций менеджера в условиях цифровых трансформаций
Pisarevskaya N., Tolmacheva I., Kozhina V. — Specifics of managerial communication competencies in the context of digital transformation..... 144

Рубцова А.В., Рубцова М.В. — Понятие управляемого пространства в социологии управления
Rubtsova A., Rubtsova M. — The concept of manageable space in the sociology of management 148

Скопа В.А. — Традиционные ценности молодого поколения в условиях глобальных социокультурных изменений: научные подходы и суждения
Skopa V. — Traditional values of the young generation in the context of global sociocultural changes: scientific approaches and judgments..... 151
Наши авторы 155

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТАЛАНТАМИ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ

Белянина Ирина Владимировна

кандидат экономических наук, Автономная
некоммерческая организация высшего образования
«Московский международный университет»
89168861176@mail.ru

TALENT MANAGEMENT PROBLEMS IN THE CONTEXT OF A SHORTAGE OF QUALIFIED PERSONNEL

I. Belyanina

Summary. In today's global economy, characterized by rapid technological changes and geopolitical turbulence, the shortage of qualified personnel has transformed from an operational problem into a strategic challenge on a national scale. This issue is particularly acute in economies subject to structural shocks, such as large-scale sanctions and the subsequent outflow of intellectual capital. The purpose of this article is to identify systemic problems in talent management caused by a persistent shortage of qualified personnel, and to develop, based on a comparative analysis, promising ways to adapt international experience to Russian conditions. Based on the synthesis of human capital theory and research in the field of talent management, the key dilemmas faced by organizations are identified: the collapse of long-term personnel development strategies, the transition to reactive and costly recruitment and retention practices, as well as the erosion of corporate competencies. Using the example of Russian and foreign cases, it is demonstrated how exclusive and inclusive talent management models are transformed under the pressure of external shocks. In conclusion, strategic recommendations are formulated for building sustainable hybrid talent management systems that combine elements of international experience with adaptation to specific institutional and market conditions in Russia. The author concludes that success will be determined by the ability to move from solving short-term personnel problems to building a holistic ecosystem of talents in which government policies, corporate strategies and educational trajectories will work consistently towards one goal — not just filling vacancies today, but creating sustainable potential for generating knowledge, technology and economic competitiveness in the long term.

Keywords: personnel, talent management, staff shortage, human capital, personnel, brain drain.

Аннотация. В современной глобальной экономике, характеризующейся быстрыми технологическими изменениями и геополитической турбулентностью, дефицит квалифицированных кадров трансформировался из операционной проблемы в стратегический вызов национального масштаба. Особую остроту этот вопрос приобретает в экономиках, подверженных структурным шокам, таким как масштабные санкции и последующая утечка интеллектуального капитала. Целью данной статьи является выявление системных проблем в управлении талантами, обусловленных устойчивым дефицитом квалифицированных кадров, и разработка на основе сравнительного анализа перспективных путей адаптации международного опыта к российским условиям. На основе синтеза теории человеческого капитала и исследований в области управления талантами выявляются ключевые дилеммы, с которыми сталкиваются организации: коллапс долгосрочных стратегий развития персонала, переход к реактивным и затратным практикам привлечения и удержания, а также эрозия корпоративных компетенций. На примере российских и зарубежных кейсов демонстрируется, как эксклюзивные и инклюзивные модели управления талантами трансформируются под давлением внешних шоков. В заключении формулируются стратегические рекомендации по построению устойчивых гибридных систем управления талантами, сочетающих элементы международного опыта с адаптацией к специфическим институциональным и рыночным условиям России. Автор приходит к выводу, что успех будет определяться способностью перейти от решения сиюминутных кадровых проблем к построению целостной экосистемы талантов, в которой государственная политика, корпоративные стратегии и образовательные траектории будут согласованно работать на одну цель — не просто заполнение вакансий сегодня, а создание устойчивого потенциала для генерации знаний, технологий и конкурентоспособности экономики в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: кадры, управление талантами, дефицит кадров, человеческий капитал, персонал, утечка мозгов.

Введение

Актуальность проблематики управления талантами в условиях структурного дефицита квалифицированных кадров достигла критического уровня на фоне наложившихся друг на друга глобальных тенденций. Демографические сдвиги, цифровая трансформация экономик и усиление глобальной конкуренции за высококвалифицированных специалистов создают сложный вызов для компаний и государств по всему миру. Для России этот вызов многократно усугубляется

последствиями масштабных геополитических событий и экономических санкций, которые спровоцировали беспрецедентный отток высококвалифицированных кадров — явление, характеризующееся в научной литературе как «brain drain» («утечка мозгов»). Как отмечается в исследовании, посвященном HR-менеджменту в условиях санкций, массовый отток талантов представляет собой глубокое нарушение среды, имеющее долгосрочные последствия для компаний, подрывающее их стратегические инвестиции в человеческий капитал [10]. Этот процесс привел к парадоксальной ситуации:

несмотря на исторически высокий уровень высшего образования в стране, основные сектора экономики, такие как IT, инженерные услуги, научные исследования и креативные индустрии, сталкиваются с острым кадровым голодом. Ситуация усугубляется тем, что традиционные модели управления талантами, основанные на долгосрочном цикле «привлечение — развитие — удержание», оказались неэффективны в условиях постоянной неопределенности и сверхконкуренции на сужающемся внутреннем рынке труда.

Целью данной статьи является выявление системных проблем в управлении талантами, обусловленных устойчивым дефицитом квалифицированных кадров, и разработка на основе сравнительного анализа перспективных путей адаптации международного опыта к российским условиям.

Материалы и методы исследования

Методологической основой исследования выступает качественный анализ, построенный на принципах сравнительного анализа кейсов. В качестве теоретической рамки используется теория человеческого капитала (Г. Беккер), которая рассматривает инвестиции в знания и навыки как главный драйвер экономической отдачи, а также современные концепции стратегического управления талантами. В фокусе анализа находятся две группы кейсов: национальные модели и государственные программы привлечения и удержания талантов (на примере США, стран ЕС, Китая и России) и корпоративные практики в условиях экономических потрясений.

Материалами для анализа послужили научные статьи в рецензируемых журналах, изучающие трансформацию HR-практик в российском IT-секторе в ответ на санкции и отток кадров. Также были проанализированы документы, отражающие государственную политику в области управления талантами, материалы Агентства стратегических инициатив о поддержке креативной миграции, и отчеты Международной организации по миграции (ИОМ) о регулировании трудовой миграции в России.

Результаты и обсуждения

Дефицит квалифицированных кадров, особенно в высокотехнологичных и наукоемких отраслях, действует как системный сбой, деформирующий все элементы классической модели управления талантами. Исследования, проведенные в российском IT-секторе, наглядно демонстрируют, как компании под давлением санкций и массовой эмиграции специалистов отказываются от логики долгосрочных инвестиций в человеческий капитал в пользу реактивных и часто дорогостоящих «латаний дыр» [3, 6].

В современных условиях можно говорить о том, что произошел коллапс цикла «привлечение — развитие — удержание». В стабильных условиях эти три процесса образуют взаимно усиливающийся цикл: развитие повышает ценность сотрудника и стимулирует его удержание, а репутация компании как инвестора в людей усиливает привлечение [10]. Дефицит кадров, усугубленный внешним шоком, разрывает эту связь. Привлечение талантов сужается до стратегии «переманивания» готовых специалистов у конкурентов на внутреннем рынке, что неизбежно ведет к инфляционной спирали роста заработных плат без сопутствующего роста производительности [7]. Развитие, требующее времени и ресурсов, становится непозволительной роскошью; компании сворачивают долгосрочные программы обучения, заменяя их импровизированными, низкобюджетными форматами обмена знаниями. Удержание трансформируется из системы карьерного роста и нематериальной мотивации в тактику выживания, опирающуюся почти исключительно на денежные бонусы и специальные условия для основных сотрудников [10].

Острая борьба за ограниченный пул специалистов не только взвинчивает издержки, но и создает внутренние дисбалансы. Появление новых сотрудников, нанятых по завышенным рыночным ставкам, может вызывать недовольство и демотивацию у лояльного персонала, годами работающего по менее конкурентным схемам оплаты. Это подрывает командный дух и чувство справедливости, составляющее основу здоровой корпоративной культуры [4]. Более того, постоянный фокус на внешнем найме демонстрирует внутренним сотрудникам ограниченность возможностей для роста внутри компании, что еще больше подталкивает наиболее амбициозных из них к поиску вариантов вовне.

Вместе с тем отказ от системного развития персонала ради решения сиюминутных операционных задач создает серьезные стратегические риски. Организация теряет способность формировать пул кадров, обладающих специфическими для компании или перспективными отраслевыми компетенциями. В долгосрочной перспективе это ведет к эрозии инновационного потенциала и потере конкурентоспособности, ставя под вопрос возможность восстановления после кризиса [10]. Таким образом, дефицит порождает практики, которые, пытаясь смягчить его текущие эффекты, усугубляют его же глубинные причины.

Международный опыт предлагает разнообразные модели управления талантами, которые эволюционировали в ответ на свои вызовы. Их анализ позволяет выявить инструменты и принципы, потенциально применимые в других контекстах.

Американская (эксклюзивная) модель, ярко представленная в практике таких корпораций, как General

Electric, базируется на принципе «войны за таланты». Ее суть — в целенаправленном поиске, идентификации и приоритетных инвестициях в сравнительно небольшую группу высокопотенциальных сотрудников или сотрудников, занимающих основные стратегические позиции. Развитие строится не под конкретную должность, а под следующий управленческий уровень, формируя сплоченную корпоративную элиту, которая становится агентом изменений и двигателем стратегии [3]. Преимущество модели — в создании мощного внутреннего лидерского резерва и высокой отдаче от сконцентрированных инвестиций. Однако ее недостатками являются риски создания «звездной» культуры, демотивации сотрудников, не попавших в элитный пул, и высокой зависимости от успеха в удержании этой избранной группы.

В противовес американской, европейский подход чаще исходит из предпосылки, что каждый сотрудник обладает определенным талантом, и задача организации — создать среду для его выявления и развития. Акцент смещается с поиска «суперзвезд» вовне на внутреннее развитие всего персонала, повышение вовлеченности и построение карьерных траекторий для большинства. Эта модель способствует укреплению корпоративной лояльности, социального диалога и снижению текучести. Ее слабым местом может быть меньшая гибкость и скорость в привлечении уникальных компетенций извне в моменты резких технологических сдвигов [3].

Опыт успешных международных компаний, таких как китайский Huawei, демонстрирует эффективность гибридного подхода. Он сочетает элементы эксклюзивности (активный глобальный рекрутинг топ-специалистов и ученых) с мощными системами внутреннего обучения и развития, характерными для инклюзивной модели. Основным становится не выбор одной модели, а их рациональное сочетание в зависимости от бизнес-единицы, типа компетенций и этапа жизненного цикла компании. Важной составляющей является открытость и постоянная коммуникация с сотрудниками [5].

На государственном уровне ведущие экономики развивают целенаправленные программы иммиграции талантов. США исторически привлекали научные кадры через систему виз H-1B, а теперь озабочены усилением конкуренции со стороны программ Китая, России и других стран. Китай реализует масштабные государственные программы типа «Thousand Talents Plan», предлагая ученым со всего мира щедрое финансирование, инфраструктуру и возможности для исследований. Общей чертой этих программ является создание «зеленых коридоров» — упрощенных процедур получения виз, разрешений на работу и вида на жительство для целевых категорий специалистов [5, 8].

Ответ российских компаний и государства на кризис квалифицированных кадров носит двойственный характер: с одной стороны, это вынужденные реактивные меры бизнеса, с другой — попытки выстраивания проактивной государственной политики.

Корпоративный уровень в значительной степени иллюстрирует описанный выше «стратегический застой». HR-департаменты перешли в режим постоянного «тушения пожаров»: точечный найм по завышенным ставкам, попытки удержать ключевых сотрудников материальными стимулами и импровизированное перераспределение обязанностей [10]. По данным кадровых агентств, в некоторых секторах (например, в фармацевтике и FMCG) российские компании за последние годы значительно улучшили свои HR-практики и бизнес-процессы, что позволило им стать более привлекательными работодателями даже на фоне потенциального возвращения западных корпораций [7]. Однако это скорее исключение, подтверждающее правило: системная работа с талантами остается прерогативой крупнейших игроков.

Государственный уровень демонстрирует растущее осознание проблемы. Сформировался набор инициатив, направленных как на внутреннее развитие, так и на международное привлечение.

Во-первых, следует сказать о том, что Агентство стратегических инициатив (АСИ) и Министерство культуры ведут работу по привлечению иностранных деятелей искусства, дизайнеров, хореографов. Акцент делается на «мягкой силе» российской культуры и создании возможностей для реализации масштабных проектов [2]. Как отмечают эксперты, интерес к российским творческим вузам остается высоким: в них обучаются тысячи иностранцев из более чем сотни стран.

Также следует сказать о Программе «иммиграции талантов» [1] 2025 года. Это первая в России комплексная программа, аналогичная зарубежным, нацеленная на привлечение высококвалифицированных иностранцев в науку, технологиях, культуре и бизнесе. Она предусматривает упрощенное получение разрешения на временное проживание и вида на жительство, а также комплексную поддержку в переезде и адаптации. Ее успех будет зависеть от конкретных механизмов реализации, емкости рынка труда для таких специалистов и общей геополитической конъюнктуры.

Кроме того, Россия остается одним из крупнейших в мире реципиентов трудовых мигрантов, преимущественно из стран Центральной Азии. Параллельно с привлечением «талантов» идет работа над структурированием этого потока, повышением его легальности и эффективности с точки зрения заполнения вакансий в отраслях с дефицитом (часто — неквалифицированно-го и низкоквалифицированного труда) [9].

Адаптация международных практик управления талантами к российским условиям — это задача не прямого копирования, а трансформации с учетом институциональных, экономических и культурных спецификаций.

Прежде всего, необходима гибридизация моделей. Российским компаниям, особенно крупным и технологичным, может быть эффективен комбинированный подход по образцу Huawei. Внутри компании — внедрение инклюзивных программ массового развития и повышения вовлеченности для снижения текучести и построения кадрового резерва. Одновременно — создание эксклюзивных программ для работы с уникальными внешними талантами (как иностранными, так и российскими репатриантами или специалистами из смежных отраслей), предлагая им особые условия и статус.

Также необходимо помнить о возможностях цифровизации и аналитики. Внедрение современных HR Tech-платформ для управления талантами может помочь преодолеть реактивность. Аналитика данных позволяет выявлять потребности в компетенциях, прогнозировать риски выгорания и оттока, а также оценивать эффективность программ обучения, возвращая HR-функции стратегическую осмысленность.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) в подготовке кадров играет немаловажную роль. Опыт Германии или Сингапура показывает эффективность тесной кооперации бизнеса, образовательных учреждений и государства в создании образовательных программ, ориентированных на конкретные, перспективные для экономики навыки. Это позволяет сократить разрыв между теорией и практикой и целенаправленно готовить кадры для секторов с дефицитом.

Кроме того, вместо концентрации всех усилий на Москве и Санкт-Петербурге, перспективным может стать создание центров притяжения талантов в регионах с сильными университетами и кластерами (например, Татарстан, Новосибирск, Томск). Это требует комплексного развития инфраструктуры, жилья и социальной сферы.

Однако успех программ привлечения иностранных талантов критически зависит от простоты административных процедур, предсказуемости регулирования и общих условий ведения бизнеса. Бюрократические барьеры могут свести на нет даже самые щедрые финансовые предложения. Даже успешное привлечение иностранных специалистов в науку или высокие технологии не решит проблему массового дефицита в смежных отраслях (например, инженеров среднего звена, техников,

разработчиков). Кроме того, Россия конкурирует за глобальные таланты не только с Западом, но и с активно действующими странами Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовская Аравия), Азии (Сингапур, Южная Корея) и другими участниками БРИКС.

Опыт показывает, что для долгосрочного удержания иностранных специалистов и репатриантов главное значение имеет не только работа, но и комфортная среда жизни для всей семьи, социальная атмосфера и перспективы для детей. Без решения этих вопросов программы рискуют привести к «циркуляции талантов», а не к их закреплению в стране.

Вместе с тем чрезмерный акцент на переманивании готовых кадров (импорт талантов), в ущерб «выращиванию» собственных (развитие внутреннего потенциала), является стратегически рискованным. Он воспроизводит зависимость от внешней конъюнктуры и не создает устойчивой национальной системы генерации компетенций. Баланс между этими двумя подходами — центральная дилемма современной кадровой политики.

Выводы

Управление талантами в условиях перманентного дефицита квалифицированных кадров перестает быть функциональной задачей отдела HR и становится ключевым элементом национальной экономической безопасности и стратегии развития. Российский контекст, осложненный последствиями геополитического кризиса и «утечки мозгов», обнажил системные слабости существующих моделей, приведя к коллапсу долгосрочного цикла инвестиций в человеческий капитал и замещению его реактивными, затратными практиками выживания. Проведенный сравнительный анализ показал, что ни одна из классических зарубежных моделей (ни эксклюзивная американская, ни инклюзивная европейская) в чистом виде не может быть механически перенесена в российскую действительность. Однако их принципы и инструменты, будучи грамотно адаптированными, могут лечь в основу новой, гибридной и контекстуально-чувствительной системы. Перспективным представляется путь, сочетающий: инклюзивную работу с внутренним персоналом для повышения лояльности, снижения текучести и создания широкого кадрового резерва; эксклюзивные механизмы для привлечения и интеграции критически важных внешних талантов (как иностранных, так и отечественных, находящихся за рубежом); активную роль государства в создании институциональных «зеленых коридоров», развитии ГЧП в образовании и формировании привлекательных региональных экосистем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 декабря 2025 г. № 883 «О поддержке переселения в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, представляющих интерес для Российской Федерации, и об особенностях их правового положения в Российской Федерации».
2. Виза для талантов. Россия создает условия для творческой иммиграции // Агентство стратегических инициатив. — URL: <https://asi.ru/news/205729/> (дата обращения: 16.02.2026).
3. Маколов, В.И. Российские и зарубежные практики управления талантами в организации / В.И. Маколов // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — № 5-2(87). — С. 155–158. — DOI 10.24412/2411-0450-2022-5-2-155-158.
4. Проблемы и риски в управлении талантами // Goodt. — URL: https://goodt.me/blog_info/problemy_i_riski_v_upravlenii_talantami/# (дата обращения: 16.02.2026).
5. Трапицын, С.Ю. Возможности и риски управления талантами: опыт успешных компаний / С.Ю. Трапицын, Н.Н. Покровская // Лидерство и менеджмент. — 2024. — Т. 11, № 3. — С. 865–886. — DOI 10.18334/lm.11.3.121413
6. Чудинова, Н.В. Развитие человеческого капитала: взаимосвязь с инновациями и роль управления талантами / Н.В. Чудинова // Финансовые рынки и банки. — 2025. — № 6. — С. 112–120.
7. How the Return of International Companies Will Affect the Labor Market in Russia // Ancor. — URL: <https://ancor.ru/en/press/news/how-the-return-of-international-companies-will-affect-the-labor-market-in-russia/> (date of application: 16.02.2026).
8. International Talent Programs in the Changing Global Environment // The National Academies. — URL: <https://www.nationalacademies.org/projects/PGA-POLICY-22-11> (date of application: 16.02.2026).
9. Labour Migration // The International Organization for Migration (IOM). — URL: <https://russia.iom.int/labour-migration> (date of application: 16.02.2026).
10. Latukha, M., Dikova D., Panibratov A., Kuleshov N. The double bind: Human resource management under sanctions and skilled labor exodus // International Business Review. — 2026. — V. 35, №1. — p. 102520.

© Беянина Ирина Владимировна (89168861176@mail.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА КАК ФАКТОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

ECONOMIC ANALYSIS OF THE DIGITAL DIVIDE AS A FACTOR OF REGIONAL ASYMMETRY: THE CASE OF THE SAMARA REGION

*Yu. Vaskova
E. Dmitrieva
I. Grigiryants*

Summary. The paper investigates the impact of the digital divide on the reproduction of regional asymmetry in the Samara region within a political-economy perspective. A model is proposed that embeds a composite digital potential index and a proximity-to-core indicator into a regional production function. Empirical analysis of 2020–2024 data reveals a persistent increase in the gap between the agglomeration core and the periphery and a lower digital output elasticity in peripheral areas, confirming the existence of barriers to transforming digital potential into economic growth. Institutional measures are outlined to mitigate asymmetry.

Keywords: digital divide; regional asymmetry; digital potential; core-periphery; digital rent; regional economic growth.

Васькова Юлия Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, Самарский
государственный экономический университет
Rygyk@list.ru

Дмитриева Елена Олеговна

кандидат экономических наук, доцент, Самарский
государственный технический университет
dmitr-el@mail.ru

Григорьянц Игорь Александрович

кандидат экономических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева
market@ofernio.su

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния цифрового разрыва на воспроизводство региональной асимметрии Самарской области в логике политэкономического подхода. Предложена модель, встраивающая интегральный индекс цифрового потенциала и показатель близости к цифровому ядру в производственную функцию регионов. Эмпирический анализ данных показал устойчивое увеличение разрыва между агломерационным ядром и периферией и более низкую цифровую эластичность выпуска на периферии, что подтверждает наличие барьеров трансляции цифрового потенциала в экономический рост. Сформулированы институциональные меры по снижению асимметрии, включая корректировку межбюджетного выравнивания и таргетированную поддержку цифровизации МСП на периферии.

Ключевые слова: цифровой разрыв; региональная асимметрия; цифровой потенциал; агломерационное ядро и периферия; цифровая рента; экономический рост региона.

Введение

В контексте формирования технологического суверенитета и перехода к цифровой экономике проблема пространственного неравенства приобретает новое, системное измерение в связи с тем, что традиционные диспропорции в ресурсно-производственном потенциале регионов накладываются на возникающие асимметрии в доступе, адаптации и использовании цифровых технологий, формируя качественно новую конфигурацию региональной дифференциации. Классические теории регионального развития (полюсов роста Ф. Перру, кумулятивной причинности Г. Мюрдаля и т.д.) рассматривали неравенство как следствие концентрации материальных факторов, но в современной парадигме основным становится вопрос о концентрации

и распределении факторов нематериальных — цифровой инфраструктуры, данных, компетенций. Цифровой разрыв перестает быть исключительно социотехническим феноменом, трансформируясь в устойчивый экономико-политический институт, воспроизводящий и углубляющий пространственную асимметрию.

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, являлась разработка теоретической модели, объясняющей механизм влияния цифрового разрыва на воспроизводство региональной экономической асимметрии через призму политэкономического подхода, и ее последующая эмпирическая верификация на региональном уровне.

В основу работы положен политэкономический подход, который в отличие от неоклассической трактовки

цифрового разрыва как временного «лага» в диффузии экзогенных технологий, рассматривает его как форму структурного неравенства в производстве и распределении «цифровой ренты» [3, 8, 9]. Основными источниками такой ренты являются: контроль над цифровой инфраструктурой и платформами, собственность на данные и концентрация продвинутого человеческого капитала. Внутрирегиональное распределение данных ресурсов и генерируемых ими доходов носит резко асимметричный характер, институционализируя и усиливая пространственное неравенство [5, 6, 20].

В рамках исследования цифровой разрыв в Самарской области интерпретируется через модель «экстрактивного центра» (ядро агломерации) и «цифровой периферии» (малые города, сельская местность) [1]. «Ядро», аккумулирующее инвестиции, IT-компании и кадры, присваивает основную долю цифровой ренты, при этом «периферия», выступая поставщиком сырых данных и потребителем стандартизированных цифровых услуг, оказывается в ситуации чистого оттока экономических выгод, что формирует самовоспроизводящийся механизм асимметрии [2, 13].

Материалы и методы

Работа основана на качественном анализе документов и применении индексного метода. Качественный контент-анализ стратегических и программных документов Самарской области [14, 15, 16] и данных официальной статистики [18] был проведен с целью выявления приоритетов цифровизации и оценки заявленных мер по сокращению внутренней асимметрии. Индексный метод и сравнительный анализ использованы для оценки уровня цифровизации региона на основе данных независимых рейтингов [17] и их соотнесения с ключевыми социально-экономическими индикаторами. Данный метод позволяет количественно оценить межмуниципальные диспропорции и выявить их корреляцию с традиционными показателями регионального развития [7, 12, 19]. Эмпирическую базу исследования составили: официальные статистические данные и стратегические

документы органов власти Самарской области [14, 15, 16, 18]; результаты специализированных рейтингов цифровизации регионов России [17]; научные публикации, раскрывающие концептуальные основы цифрового неравенства [3, 5, 8, 9, 21], методики его оценки [7, 12, 19] и региональные аспекты проблемы [2, 4, 6, 10, 13, 20], в том числе с применением сценарных методов [11].

Сформированный методический комплекс позволил перейти от констатации цифрового разрыва к анализу его экономической природы как фактора, воспроизводящего и углубляющего региональную асимметрию

Результаты и обсуждения

Для верификации выдвинутых теоретических положений автором была разработана двухуровневая методология, сочетающая качественный политэкономический анализ с количественным экономико-статистическим инструментарием.

На первом уровне осуществляется декомпозиция цифрового разрыва на три взаимосвязанных компонента, каждому из которых соответствует система индикаторов, см. рис.1.

На втором уровне строится **формализованная экономическая модель**, описывающая влияние цифрового разрыва на воспроизводство асимметрии. Модель основывается на модификации концепции производственной функции, куда вводится фактор «цифрового потенциала территории» (DP), агрегирующий показатели первых двух компонентов.

Базовая форма модели:

$$Y_{it} = A_{it} \cdot K_{it}^{\alpha} \cdot L_{it}^{\beta} \cdot DP_{it}^{\gamma} \cdot e^{\lambda \cdot Proximity_{ij}} \quad (1)$$

где:

- Y_{it} — выпуск (ВРП на душу населения) территории i в период t ;
- A_{it} — нейтральный технологический прогресс;

Разрыв в возможностях

Инфраструктурная и финансовая доступность цифровых сервисов (плотность покрытия сетями 5G/оптоволокно, тарифы на широкополосный интернет, обеспеченность домохозяйств устройствами).

Разрыв в использовании

Качество и интенсивность применения цифровых технологий в экономической деятельности (доля предприятий, использующих ERP/CRM, Cloud, IoT; доля IT-сектора в ВРП и занятости).

Разрыв в результатах

Конечные экономические эффекты, выраженные в макроэкономических показателях (производительность труда в цифровизованных vs. традиционных секторах, разрыв в медианных зарплатах, объем прямых инвестиций в основной капитал).

Рис. 1. Разработанная система индикаторов

- K_{it}, L_{it} — капитал и труд;
- DP_{it} — цифровой потенциал;
- $Proximity_{ij}$ — показатель близости к цифровому ядру j (вводится для учета эффектов пространственного распространения);
- γ — ключевой оцениваемый параметр, цифровая эластичность выпуска, отражающий вклад единицы прироста цифрового потенциала в экономический рост.

Гипотеза исследования заключается в том, что параметр γ является статистически значимым и положительным, причем его величина для периферийных территорий ниже, чем для ядра, что свидетельствует о наличии нелинейных эффектов и барьеров для трансляции цифрового потенциала в экономический результат на периферии.

Для апробации модели проведен анализ данных по Самарской области за период 2020–2024 гг., с выделением двух кластеров: «Ядро» (г.о. Самара, г.о. Тольятти) и «Периферия» (муниципальные районы северо-востока области). Расчет агрегированного индекса цифрового

потенциала (далее — ИЦП) на основе нормализованных данных Росстата и Минцифры РФ выявил устойчивый и нарастающий разрыв: значение ИЦП для Ядра к концу анализируемого периода в 2,3 раза превышает показатель Периферии.

Регрессионный анализ панельных данных подтвердил основную гипотезу. Оценка цифровой эластичности выпуска (γ) для совокупности муниципалитетов области составила 0,15 ($p < 0,01$), что указывает на существенное влияние цифрового потенциала на экономический рост.

Критичным является результат отдельной оценки: для Ядра $\gamma_{core} = 0,21$, для Периферии $\gamma_{periphery} = 0,07$.

Статистическая значимость и различие коэффициентов подтверждают наличие нелинейности и барьеров трансляции.

Далее был проведен анализ вторичных эффектов. Выявлена сильная положительная корреляция ($R^2 = 0,78$) между ИЦП территории и объемом инвестиций в нефинансовые активы, что свидетельствует о формировании инвестиционной привлекательности как функ-

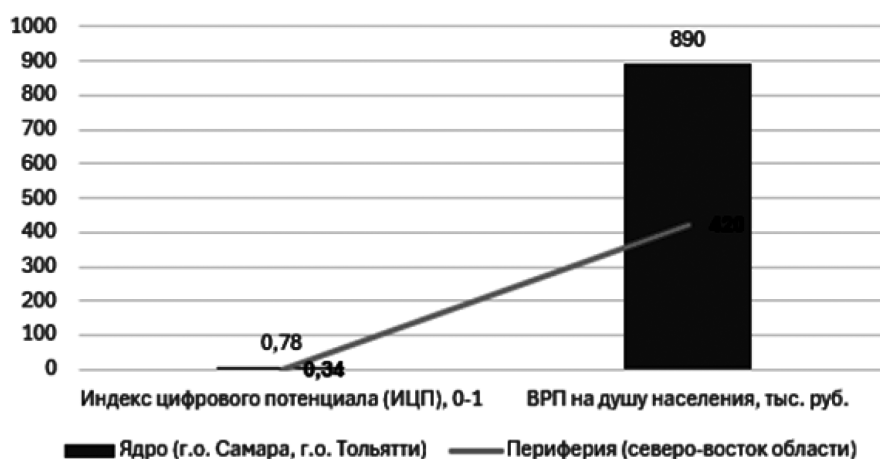

Рис. 2. Сравнительный анализ индекса цифрового потенциала (ИЦП) и ВРП на душу населения по кластерам «Ядро» и «Периферия» Самарской области, 2024 г.

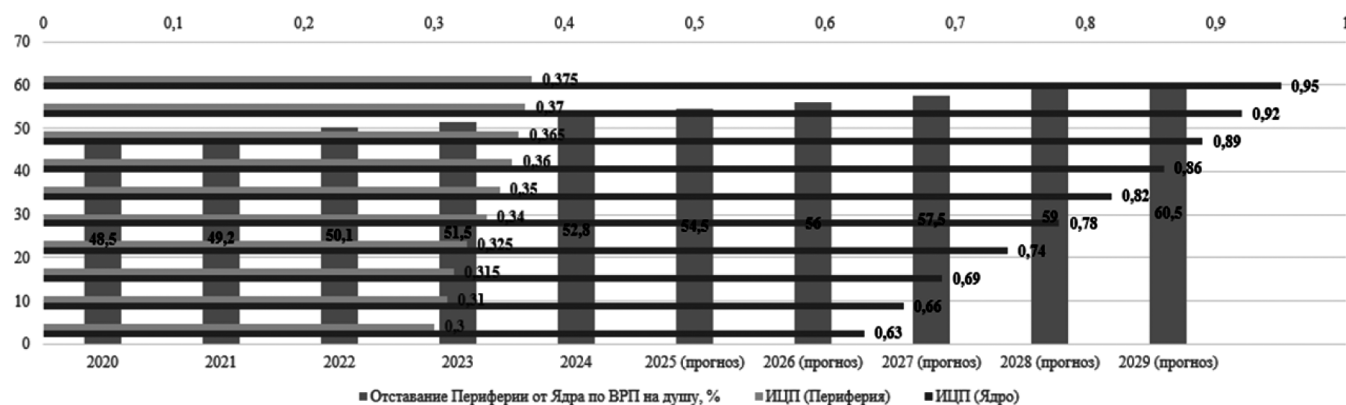

Рис. 3. Динамика ИЦП и экономического отставания кластеров «Ядро» и «Периферия»

ции от цифровой развитости. Расчет «цифрового лага» производительности показал, что предприятия в периферийных районах, даже при сопоставимых объемах основных фондов, демонстрируют производительность труда на 18–25 % ниже, что частично объясняется менее интенсивным использованием современных управленческих и производственных цифровых систем.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что цифровой разрыв выступает не маргинальным, а структурообразующим фактором современного регионального развития Самарской области.

Верификация предложенной политэкономической модели показала, что неравенство в цифровом потенциале инициирует кумулятивные причинно-следственные петли, закрепляющие периферийный статус территорий через механизмы сниженной эластичности выпуска, оттока инвестиций и человеческого капитала, а, следовательно, цифровизация в отсутствие целенаправленной сглаживающей политики рискует стать драйвером

не конвергенции, а дальнейшей дивергенции внутри региона.

Практические рекомендации должны вытекать из диагностики проблемы как системной. Помимо инфраструктурных проектов, необходимы меры по изменению институциональных условий распределения «цифровой ренты». К ним относятся: введение «цифрового» корректирующего коэффициента в формулы межбюджетного выравнивания для компенсации периферийным территориям потерь в налоговом потенциале; создание целевых механизмов минимизирования рисков для привлечения частных инвестиций в цифровизацию МСП на периферии; реализация образовательных и миграционных программ с «обязательствами по локализации», направленных на закрепление цифровых компетенций в малых городах.

Комплексный, институционально ориентированный подход позволяет трансформировать цифровую трансформацию из фактора асимметрии в инструмент сбалансированного регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баккуев Э.С., Сарбашева Е.М. Исследования пространственных различий и региональных неоднородностей // Сельскохозяйственное землепользование и продовольственная безопасность: материалы XI Международной научно-практической конференции, Нальчик, 2025. С. 131–136.
2. Беляева Г.И. Анализ цифрового неравенства региона // Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Самара, 2025. С. 435–439.
3. Гулина С.Т., Мусина Д.Р. Цифровое неравенство как препятствие для развития регионов и отраслей // Human Progress. 2024. Т. 10. № 5.
4. Исмаилова Д.Х. Цифровой разрыв экономического развития в регионах России // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: сборник трудов XXVI Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2025. С. 485–487.
5. Ковалева О.П., Ковалев В.А. Цифровое неравенство как вызов региональной экономике // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2024. Т. 18. № 3. С. 212–224.
6. Кузьменко В.С., Путята Г.А. Цифровая экономика и равенство регионального развития: анализ неравенств и пути их устранения // Цифровые инструменты обеспечения устойчивого развития экономики и образования: новые подходы и актуальные проблемы: сборник научных трудов III-й Национальной научно-практической конференции (с международным участием). В 2-х томах. Орел, 2024. С. 79–86.
7. Курилова А.А. Многомерная оценка цифрового неравенства населения регионов России: основные составляющие и взаимосвязь с экономическими показателями // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2025. № 1 (43). С. 43–61.
8. Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Хайлунь Ч., Кадыров А.М., Фасахудинов В.В. Цифровое неравенство: современные тренды формирования и исследования // Дискурс. 2024. Т. 10. № 6. С. 94–107.
9. Лебединцева Л.А., Чжан Х. Цифровое неравенство: ключевые понятия и постановка проблемы // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование: материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России. Санкт-Петербург, 2024. С. 813–814.
10. Липчанская М.А., Паламарчук С.А. Цифровое неравенство и цифровая трансформация в публичном управлении: эволюция понятия и критериев // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 38–42.
11. Ложкина С.Л., Новиков А.А., Мокрушин П.А. Методы сценарного анализа в цифровой трансформации региона // Экономические и гуманитарные науки. 2024. № 7 (390). С. 77–87.
12. Меликян А.А. Применение индексного метода в исследовании региональной цифровой дифференциации // Инновации и инвестиции. 2025. № 3. С. 406–409.
13. Музаева М.К. Проблема цифрового неравенства в экономике Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 7. № 9 (162). С. 105–112.
14. Постановление Правительства Самарской области от 14.10.2025 № 625 «Об итогах социально-экономического развития Самарской области за восемь месяцев 2025 года и ожидаемых итогах развития за 2025 год, прогнозе социально-экономического развития Самарской области на 2026 год и плановый период 2027 и 2028 годов». Режим доступа: https://economy.samregion.ru/upload/iblock/95d/wfobja70ffmofvfa2rkud5q9eja43o74/PP50_-626-ot-14.10.2025.pdf

15. Прогноз социально-экономического развития Самарской области на 2026–2028 годы // Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области. Режим доступа: https://economy.samregion.ru/activity/ekonomika/prognoz_razvitiya/srednesrochnij_prognoz/prognz-sotsialno-ekon646/
16. Прогноз социально-экономического развития Самарской области на период до 2034 года /Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области. Режим доступа: https://economy.samregion.ru/activity/ekonomika/prognoz_razvitiya/dolgosrochnyy-prognoz/prognoz-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-samarskoj-oblasti-na-period-do-2034-goda/
17. Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь–апрель 2025 года) // Регионы России. Режим доступа: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-cifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/>. (Дата обращения: 20.12.2025)
18. Самарская область в цифрах //Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области. Режим доступа: https://economy.samregion.ru/activity/ekonomika/values_so/
19. Сорокина Н.Ю. Проблема цифрового неравенства населения регионов Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21. № 3. С. 447–460.
20. Стебленко В.В., Ершова И.Г. Анализ взаимосвязи уровня развития регионов и цифрового неравенства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15. № 3. С. 152–162.
21. Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровые блага: философско-методологический анализ // Гуманитарный вестник. 2024. № 4 (108).

© Васькова Юлия Ивановна (Rygyk@list.ru); Дмитриева Елена Олеговна (dmitr-el@mail.ru);

Григорьянц Игорь Александрович (market@ofernio.su)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ОПК В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

DIGITALIZATION AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF DEFENSE INDUSTRY ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES

O. Gudkova

Summary. The article is devoted to the analysis of digitalization and innovative development of enterprises of the Russian military-industrial complex in the context of external constraints. The relevance of the study is determined by the increasing sanctions pressure and the growing demands on the sustainability of high-tech industries. The scientific novelty is due to an attempt to systematize the factors constraining the digital transformation of the defense industry, taking into account institutional, personnel and technological constraints. The paper considers key barriers to digitalization, information security issues and conditions for sustainable innovative development of the industry, the results can be used in the field of industrial policy and innovation management.

Keywords: digitalization, innovative development, military-industrial complex, sanctions restrictions, technological transformation, institutional constraints, information security.

Гудкова Оксана Евгеньевна

*Д.э.н., доцент, Московский университет им. С.Ю. Витте
(филиал в г. Рязань)
gudkovaok@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу цифровизации и инновационного развития предприятий оборонно-промышленного комплекса России в условиях внешних ограничений. Актуальность исследования определяется усилением санкционного давления и ростом требований к устойчивости высокотехнологичных производств. Научная новизна обусловлена попыткой систематизации факторов, сдерживающих цифровую трансформацию ОПК, с учётом институциональных, кадровых и технологических ограничений. В работе рассмотрены ключевые барьеры цифровизации, вопросы информационной безопасности и условия устойчивого инновационного развития отрасли, результаты могут быть использованы в сфере промышленной политики и управления инновациями.

Ключевые слова: цифровизация, инновационное развитие, оборонно-промышленный комплекс, санкционные ограничения, технологическая трансформация, институциональные ограничения, информационная безопасность.

Введение

В научных исследованиях последних лет цифровизация оборонно-промышленного комплекса рассматривается преимущественно через призму технологических решений и отдельных управленческих эффектов, тогда как вопросы системных ограничений и институциональных условий инновационного развития остаются освещёнными фрагментарно. Значительная часть работ сосредоточена на анализе внедрения технологий индустрии 4.0 и оценке производственной эффективности, при этом влияние санкционных ограничений, кадровых дисбалансов и информационной безопасности на устойчивость цифровых преобразований исследовано недостаточно. В условиях внешних ограничений сохраняется научная неопределённость относительно согласованного развития цифровых и инновационных процессов в ОПК, что предопределяет актуальность настоящего исследования. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая трансформация промышленности сегодня признана ключевым фактором повышения эффективности и конкурентоспособности производства.

Цель данной работы — проанализировать особенности цифровизации и инновационного развития предприятий ОПК России в условиях современных вызовов, а также оценить полученные результаты и их значение. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи:

- 1) рассмотрены основные направления и тенденции внедрения цифровых технологий на предприятиях ОПК и связанные с ними эффекты,
- 2) выявлены ключевые проблемы и барьеры, сдерживающие цифровую трансформацию и инновационную активность оборонных предприятий,
- 3) проанализированы преимущества и риски цифровизации в оборонной промышленности, особенно в условиях санкций и иных внешних ограничений,
- 4) предложены подходы к преодолению выявленных проблем, включая аспекты информационной безопасности.

Материалы и методы

Теоретико-эмпирическая база исследования сформирована на основе анализа отечественных и зарубежных

публикаций, посвящённых цифровизации и инновационному развитию предприятий оборонно-промышленного комплекса в условиях санкционных ограничений.

А.К. Гладилин [1] рассматривает особенности цифровизации оборонных предприятий, выявляя институциональные ограничения и дефицит отраслевых стандартов информационной безопасности; его выводы использованы при анализе нормативных барьеров цифровой трансформации. И.О. Жаринов [2] исследует сценарии модернизации государственных корпораций ОПК в условиях санкций, акцентируя внимание на цифровой реиндустриализации и импортозамещении, что позволило учесть внешние ограничения как фактор структурных изменений. А.С. Красникова [3] предлагает этапную модель цифровой трансформации и систему показателей зрелости цифровых процессов, применённую для оценки динамики внедрения технологий. Л. Лугачева и М. Мусатова [4] анализируют влияние санкционного давления на производственный потенциал ОПК, раскрывая механизмы адаптации отрасли. Е.В. Попова [5] исследует трансформацию управленческих практик предприятий ОПК в цифровой экономике, что использовано при рассмотрении организационных изменений. А.В. Свистунов и Ю.А. Туркина [6] выявляют финансовые и кадровые ограничения инновационной активности, представив статистические данные о состоянии основных фондов и инвестиционной структуре. В исследовании С. Gheorghe и О. Panazan [7] показана зависимость финансовых показателей оборонных компаний от геополитических рисков, что позволило дополнить анализ макроэкономическими факторами. В работе Н. Ullah и др. [8] раскрыты проблемы интеграции технологий индустрии 4.0 в оборонное производство и предложены решения по повышению цифровой совместимости и киберустойчивости.

Для подготовки статьи использованы сравнительный и аналитический методы, обобщение научных источников и структурный анализ. Применение указанных методов обеспечило системное рассмотрение технологических, институциональных и управленческих факторов цифровизации ОПК.

Результаты и обсуждения

Анализ основан на обобщении статистических данных, материалах отраслевых исследований и результатах сравнительного анализа публикаций, посвящённых цифровизации и инновационному развитию предприятий оборонно-промышленного комплекса в условиях внешних ограничений. Процесс цифровизации ОПК сталкивается с серьёзными трудностями.

Выявлено, что технологическое отставание по ряду направлений и высокая стоимость внедрения передо-

вых решений ограничивают темпы цифровой трансформации [1]. Многие оборонные предприятия располагают устаревшей производственной базой: если у мировых лидеров обновление оборудования происходит каждые 5–7 лет, то в России цикл обновления основных фондов в среднем составляет 18–20 лет [6]. Дефицит финансовых ресурсов — ещё один барьер: свыше 80 % расходов на технологические инновации предприятия ОПК вынуждены покрывать из собственных средств, тогда как почти каждое второе оборонное предприятие убыточно, что резко сужает возможности инвестировать в цифровое переоснащение. Организационно-нормативные ограничения также замедляют прогресс: отсутствуют единые отраслевые стандарты и регламенты по цифровизации и обеспечению кибербезопасности, недостаточно проработана нормативно-правовая база для новых технологий. Кадровые проблемы усугубляют ситуацию: наблюдается недостаток специалистов, владеющих современными ИТ-компетенциями, и старение кадров ОПК (средний возраст работников отрасли превышает 50 лет) [6]. Отмечается «цифровой разрыв» в готовности разных предприятий: адаптация традиционного высокотехнологичного сектора ОПК к цифровой экономике требует времени, инвестиций и обучения персонала [3]. Отдельно стоят санкционные риски и внешние технологические ограничения. Многие проекты цифровизации зависели от импорта программного обеспечения, электроники и станочного оборудования. Введение жёстких санкций в 2022 году, уход ряда иностранных технологий и поставщиков создали дефицит критически важных компонентов, что грозит замедлением цифровой трансформации [2]. Без доступа к передовым западным решениям предприятия вынуждены искать альтернативы, ускорять импортозамещение и развивать собственную технологическую базу. Например, острая зависимость станкостроения и средств производства от импорта потребовала срочных мер для достижения технологического суверенитета в этой сфере. Информационная безопасность выступает ещё одним серьёзным вызовом: повышение уровня цифровизации и связности систем увеличивает уязвимость к кибератакам, риски утечки конфиденциальной информации и нарушения непрерывности производственных процессов. Случаи кибершпионажа и вредоносных атак на оборонные объекты в мире показывают необходимость особого режима защиты для цифровой инфраструктуры ОПК.

В контексте цифровизации предприятий ОПК особое внимание уделяется вопросам информационной безопасности (ИБ) [5]. Исследования показывают, что существующий уровень регламентации процессов обеспечения ИБ в отрасли недостаточен: отсутствуют полноценные отраслевые стандарты безопасной разработки и эксплуатации автоматизированных систем управления, разрознены требования к защите информации [1]. В ответ на эти проблемы предпринимаются

шаги для создания единого подхода к кибербезопасности оборонных предприятий. Так, Госкорпорация Ростех разработала Единые требования по защите информации в ИТ-системах организаций ОПК, что закладывает основу для унификации практик. Эксперты предлагают формировать централизованную систему обеспечения ИБ: например, модель с созданием единого Центра компетенций по информационной безопасности на базе ведущих холдингов и госкорпораций ОПК, имеющего региональные филиалы [1]. Такой Центр мог бы устанавливать единые стандарты и мониторить защищённость, координировать взаимодействие предприятий по вопросам ИБ, предоставлять им методическую и техническую поддержку. Централизованный подход позволил бы снизить затраты каждого предприятия на кибербезопасность, обеспечить быстрее внедрение лучших практик и преодолеть кадровый дефицит путём концентрации экспертизы. Приоритетными направлениями повышения уровня ИБ в условиях цифровизации названы: унификация требований и стандартов безопасности, ускоренное импортозамещение иностранного ПО и оборудования на отечественные аналоги, а также подготовка квалифицированных кадров в сфере кибербезопасности. Реализация этих мер призвана минимизировать новые угрозы и обеспечить устойчивость цифровой экосистемы ОПК к кибератакам и несанкционированному доступу.

Результаты исследования показывают, что цифровая трансформация оборонно-промышленного комплекса выступает необходимым условием поддержания технологической состоятельности отрасли в условиях возросшей неопределённости внешней среды. Практика последних лет подтверждает прямую зависимость эффективности военной и промышленной деятельности от скорости обработки информации, согласованности управленческих решений и степени автоматизации производственных контуров. В условиях геополитического давления и ограничения доступа к международным технологическим рынкам цифровизация приобретает характер инструмента компенсации внешних ограничений, позволяя поддерживать управляемость сложных производственных систем и снижать инерционность принятия решений.

Санкционный режим и разрыв технологических цепочек существенно осложнили инновационное развитие ОПК, усилив зависимость от внутренней ресурсной базы и накопленных технологических заделов. Дефицит импортных компонентов, оборудования и программных решений после 2022 года потребовал экстренной перестройки логистики и ускоренного поиска замещающих решений, что не всегда сопровождалось сохранением прежнего технологического уровня. Вместе с тем эмпирические данные за 2022–2024 гг. свидетельствуют о частичной адаптации отрасли к новым условиям: фик-

сируется обновление активной части основных фондов, расширение внутренних кооперационных связей и рост инвестиционной активности в отдельных сегментах. Подобная динамика указывает на перераспределение приоритетов в сторону автономного технологического развития, что соотносится с глобальной тенденцией усиления оборонного сектора в периоды геополитической напряжённости. Полученные выводы согласуются с результатами зарубежных и отечественных исследований, фиксирующих рост адаптационных стратегий оборонных предприятий в условиях санкционного давления и технологической изоляции [4,7,8].

Преодоление выявленных ограничений цифровизации требует согласованных институциональных и организационных решений. Эмпирические результаты указывают на потребность в системной поддержке развития критической инфраструктуры, стандартизации цифровых практик и формировании устойчивых кадровых контуров для высокотехнологичных производств. Особое значение приобретает выстраивание единого подхода к обеспечению информационной безопасности, поскольку рост связности и автоматизации усиливает уязвимость производственных систем. Концентрация ресурсов, развитие отечественных технологических платформ и координация цифровых инициатив на отраслевом уровне формируют предпосылки для устойчивого обновления ОПК в условиях долгосрочных внешних ограничений.

Заключение

Проведённое исследование позволило зафиксировать, что цифровизация оборонно-промышленного комплекса России выступает устойчивым направлением трансформации отрасли в условиях внешних ограничений и структурных изменений. Внедрение цифровых технологий в производственные и управленческие контуры способствует повышению эффективности, сокращению сроков разработки продукции и усилению инновационной активности предприятий ОПК. Одновременно выявлен комплекс ограничений, замедляющих цифровое развитие, среди которых технологическое отставание по отдельным направлениям, дефицит финансовых и кадровых ресурсов, износ материально-технической базы, фрагментарность нормативного регулирования и санкционное давление. Полученные результаты указывают на потребность в согласованных мерах государственной и отраслевой поддержки, направленных на развитие критической технологической инфраструктуры, формирование кадрового потенциала и укрепление информационной безопасности. Реализация данных направлений способна повысить устойчивость и адаптивность оборонно-промышленного комплекса, обеспечив условия для его долгосрочного технологического обновления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладиллин А.К. Особенности цифровизации предприятий оборонной промышленности // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 5. URL: <https://esj.today/PDF/77FAVN524.pdf>
2. Жаринов И.О. Сценарии модернизации и цифровой реиндустриализации государственных корпораций ОПК // Известия СПбГЭУ. 2023. № 1 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stsenarii-modernizatsii-i-tsifrovoy-reindustrializatsii-gosudarstvennyh-korporatsiy-opk> (дата обращения: 28.01.2026).
3. Красникова А.С. Этапы цифровой трансформации предприятий оборонно-промышленного комплекса и показатели, ее характеризующие // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 12. С. 5981–5998. DOI: 10.18334/erpp.13.12.119978
4. Лугачева Л., Мусатова М. Санкции и стресс-тест производственного аппарата российского ОПК // ЕСО [Интернет]. 2025. Т. 55, № 4. С. 49–75. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4881> (дата обращения: 05.01.2026).
5. Попова Е.В. Особенности управления предприятиями ОПК в цифровой экономике // Экономика строительства. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-predpriyatiami-opk-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 28.01.2026).
6. Свистунов А.В., Туркина Ю.А. Проблемы и возможности развития инновационной деятельности на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // Журнал экономических исследований. 2022. № 4. С. 32–39. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/51350/view> (дата обращения: 05.01.2026).
7. Catalin Gheorghe, Panazan O. Investigating the effect of geopolitical risk on defense companies' stock returns // Heliyon. 2024. Vol. 10, № 24. Article e40974. ISSN 2405-8440. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e40974
8. Habib Ullah, Uzair M., Jan Z., Ullah M. Integrating industry 4.0 technologies in defense manufacturing: Challenges, solutions, and potential opportunities // Array. 2024. Vol. 23. Article 100358. ISSN 2590-0056. DOI: 10.1016/j.array.2024.100358

© Гудкова Оксана Евгеньевна (gudkovaok@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРУЗОВОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FREIGHT ROAD TRANSPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. Kazantsev

Summary. Under current circumstances, national transport companies lack the potential to successfully compete in the freight transportation market. This article aims to analyze the freight transport services market using general scientific research methods and statistical observations. The fleet of vehicles used for transport services was analyzed and classified. Data from leading rating agencies, including ASM-Holding and the National Agency for Industrial Information (NAPI), was used to write this paper. The article presents an analysis of the performance of transport companies in the freight transportation market.

Keywords: Freight transport, rolling stock, freight trailers, road transport under sanctions, depreciation of vehicles.

Казанцев Иван Сергеевич

Старший преподаватель, Частное учреждение — организация дополнительного профессионального образования «Академия АСМАП», Москва, Россия;
Генеральный директор, ООО «АСМАП-Сервис», Москва, Россия
ikazantsev@asmap-service.ru

Аннотация. В нынешних обстоятельствах национальные автотранспортные предприятия не обладают требуемым в современных условиях потенциалом для успешной конкуренции на рынке перевозки грузов. Цель статьи — проведение анализа на рынке автотранспортных услуг в грузовом его сегменте на основе общенаучных методов исследования с применением и использованием информации статистического наблюдения. Изучен и классифицирован парк автотранспортных средств, реализуемых для оказания транспортных услуг. Для написания работы были использованы материалы ведущих рейтинговых агентств — «АСМ-Холдинг», Национальное Агентство Промышленной Информации (НАПИ) и др. В статье представлен анализ работы автотранспортных предприятий на рынке грузовых автомобильных перевозок.

Ключевые слова: грузовой автомобильный транспорт, подвижной состав, грузовая прицепная техника, автомобильный транспорт в условиях санкций, износ автотранспортных средств.

Введение

Важное значение в развитии национальной экономики страны выполняет транспортная система и грузовой автомобильный транспорт как неотъемлемая ее часть. Роль автомобильного транспорта, в особенности, грузового его сегмента весьма значительна. В отличие от других видов транспорта автомобильный транспорт располагает достаточно широким разнообразием подвижного состава, это значительно расширяет область его применения в экономике страны. Для повышения конкурентоспособности как на международном уровне, так и на внутреннем рынке национальным транспортным операторам требуется рациональное использование всех имеющихся ресурсов для получения максимально высоких финансово-экономических показателей работы. Несомненно, вызывающий гордость масштаб нашей Родины является и серьезной проблемой для связи между собой различных её частей. Именно национальная транспортная система является тем связующим механизмом, по сути кровеносными сосудами, которые объединяют нашу страну в единое целое. Совокупность всех видов транспорта не только создаёт возможность для коммуникации между людьми,

но и позволяет формировать основные логистические маршруты для перевозки товаров, сырья и комплектующих между различными субъектами нашей Родины. Одну из ведущих ролей в этом процессе, несомненно, играет грузовой автомобильный транспорт. В отличие от других видов транспорта он способен как сам провести доставку груза, так и быть составной частью цепочки при транспортировке грузов другими видами транспорта. Участие грузового автомобильного транспорта в мультимодальных и интермодальных перевозках весьма значительна. Кроме того, весомую роль в организации перевозки грузов в малонаселённые и удалённые районы также принадлежит автомобильному транспорту. К сожалению, несмотря на серьёзное развитие этого вида транспорта, автомобильный транспорт не только переживает системные трудности, но и зачастую тянет багаж исторически сложившихся проблем [1]. К ним относятся профессионально-кадровые вопросы — нехватка квалифицированных водителей дальнотойщиков, финансово-экономические проблемы, с которыми столкнулись транспортные компании, связанные, в основном, с дефицитом оборотных средств, ростом издержек на осуществление деятельности, а также обусловлен-

ные жесткой кредитно-денежной политикой ЦБ РФ, неподъемными для бизнеса заимствованиями; до сих пор остаются многие нерешённые административно-правовые вопросы в сфере грузового автомобильного транспорта, такие как недостатки правового регулирования, во многом неэффективная нормативная база. Но одной из самых сложных проблем подотрасли можно уверенно назвать технико-эксплуатационный вопрос, сверхнормативный износ автотранспортных средств, уход западных производителей с рынка прицепной техники, проблемы с подвижным составом из КНР, отсутствие серьёзной альтернативы среди отечественных производителей, что создаёт негативные прогнозы на дальнейшее развитие грузового автомобильного транспорта [2].

Основные результаты

Современное состояние грузового автомобильного транспорта не позволяет в полной мере выполнять поставленные перед ним цели и задачи. Во многом благодаря сложным процессам, проходящим в экономике страны, трансформируется и понимание о транспортной работе, осуществляемой грузовым автомобильным транспортом. Ключевым фактором на протяжении последних лет остаётся торговля в сети интернет, именно она демонстрирует постоянный и уверенный рост год от года начиная с начала пандемии КОВИД-19, так как торговля на различных электронных площадках и маркетплейсах является самой динамично развивающейся отраслью с перспективой дальнейшего роста. Кроме того, нужно признать и высокую роль отечественной промышленности в процессе импортозамещения, что, разумеется, сказалось на организации транспортировки грузов внутри страны. На сегодняшний день, когда основные транспортные коридоры транспортировки то-

варов с западного направления были смещены на южное и восточное направление, в связи с увеличением протяжённости маршрутов особенно важна стабильная работа национального транспортного комплекса. Основной причиной этого являются санкции, наложенные на нашу страну в связи с началом проведения специальной военной операции в 2022 году [3]. Ограничения, введенные недружественными странами, хотя и повлекли чуть позже ответную реакцию, во многом запустили процесс реконструкции всей национальной транспортной системы [6,7]. На сегодняшний момент основным направлением в развитии грузовых автомобильных перевозок являются: цифровизация, автоматизация ключевых логистических процессов, а также глобальное обновление транспортной инфраструктуры.

Для понимания проблем грузового автомобильного транспорта требуется провести анализ работы не только отрасли в целом, но транспортной компании как субъекта экономической деятельности [4]. К сожалению, на протяжении последнего времени мы можем наблюдать достаточно неоднозначную картину — периоды взрывного спроса на транспортные услуги автотранспортных компаний чередовались с откровенными «ямами» и провалами в их работе. Учитывая непростые финансовые условия на фоне постоянно растущих издержек на содержание и эксплуатацию транспортных средств, национальными транспортными компаниями создаётся серьёзная угроза устойчивому развитию отрасли в целом и грузового его сегмента в частности [5].

Одной из основных проблем подотрасли является сверхнормативный износ парков транспортных средств национальных транспортных операторов. Для анализа состояния грузового автомобильного транспорта тре-

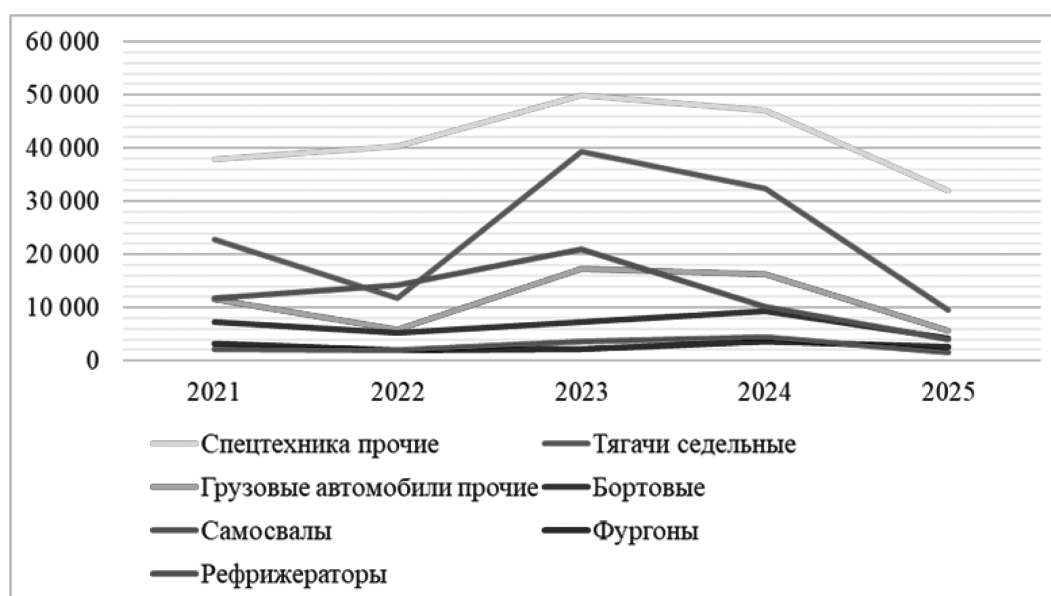

Рис. 1 Рынок грузовых автомобилей в РФ за период 2021–2025 гг., ед.
(Источник: Статистика агентства «АСМ-Холдинг»)

буется проведение комплексного анализа. На рисунке № 1 представлен автомобильный транспорт по группам транспортных средств, как можно видеть, самая «ломаная» линия, к сожалению, принадлежит группе седельных тягачей, основной её «лошадке». Цифры, увы, неутешительные, такие «качели» в показателях продаж наглядно показывают проблемы, существующие в отрасли: за последние пять лет разница между минимальным и максимальным объёмом продаж состава увеличилась более чем в четыре раза. Данные показатели говорят о нестабильном спросе на транспортные услуги, а также на необоснованно оптимистичные прогнозы участников рынка.

Основную негативную роль в снижении объёмов обновления парка транспортных средств сыграла жёсткая государственная кредитно-денежная политика. На протяжении долгого времени доля приобретённых автомобилей на условиях финансовой аренды (лизинга) неуклонно росла, что сыграло против рынка, в конце концов, 9 из 10 автомобилей проходит по этой схеме. Ну и как закономерный результат, стоимость лизинга поднялась «до небес» и составила более 30 % удорожания в год. Именно эта ситуация привела к тому, что транспортные компании массово начали возвращать предметы лизинга и ставить планы по увеличению и обновлению парков грузовых автомобилей на паузу. Это в очередной раз доказывает необходимость использования экономического механизма обновления парка транспортных средств, построенных на собственных источниках инвестиционных ресурсов, тем самым создавая устойчивую основу для дальнейшего развития транспортной отрасли «без оглядки» на ключевую ставку, других формирующих стоимость заимствований факторов [8].

Рассматривая динамику обновления парка на протяжении многих лет, можно сделать однозначный и неутешительный вывод — имеет место рост срока эксплуатации автотранспортных средств и темпы ротации парков автотранспортных предприятий недостаточны. Но что из себя представляет современный рынок седельных тягачей, лучше всего можно рассмотреть на Рисунке № 2.

Приведённые на рисунке № 2 данные наглядно показывают, что две третьих парка национальных транспортных операторов составляют автомобили старше 11 лет. К этой неутешительной статистике можно отнести и несоответствие данных транспортных средств нормам экологической безопасности. Всё это в совокупности даёт достаточно туманные перспективы для дальнейшего развития подотрасли. Для полноты понимания вопросов, связанных с обновлением парка транспортных средств, целесообразно рассмотреть структуру как грузовых автомобилей в целом, так и седельных тягачей в частности.

Рисунок № 4 наглядно демонстрирует преобладание отечественной техники на рынке автотранспортных услуг. Но на следующем рисунке мы видим обратную

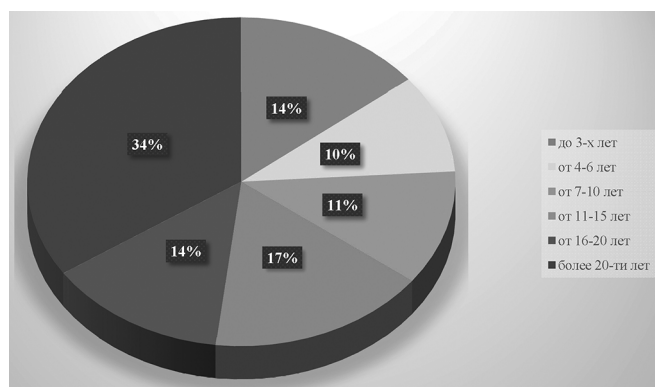

Рис. 2. Структура парка седельных тягачей по сроку эксплуатации, % (Источник: Национальное Агентство Промышленной Информации (НАПИ))

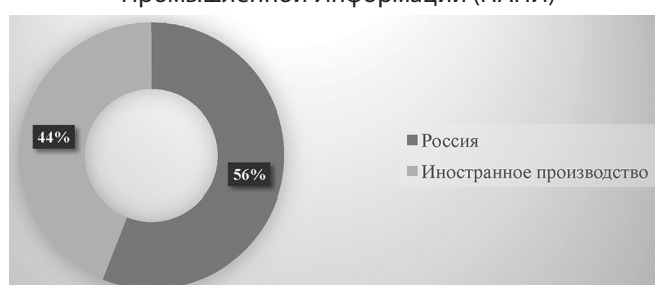

Рис. 3. Структура парка всех грузовых автомобилей по стране происхождения, % (Источник: Статистика агентства «АСМ-Холдинг»)

Рис. 4. Структура парка седельных тягачей по стране происхождения, % (Источник: Статистика агентства «АСМ-Холдинг»)

ситуацию: при выборе седельного тягача перевозчики делают свой выбор в пользу техники, произведённой за рубежом.

Такой выбор во многом обусловлен опытом и многолетней эксплуатацией иностранного производства прицепной техники, зарекомендовавшей себя надёжной. До ухода с рынка западные производители много лет поставляли на российский рынок автомобили ведущих марок, на смену им, в свою очередь, пришли производители из КНР, доля их в общей структуре национального парка автотранспортных средств превышает десять процентов. Несмотря на уже существенную долю в общем количестве транспортных средств к автомобилям, произведенным в Китае, пока отношение достаточно

настороженное [9]. Основные причины кроются в доступности к запасным и комплектующим частям, а также в отсутствии сети авторизованных СТО, в ремонтнопригодности автотранспортных средств, гарантийном и постгарантийном ремонте. Китайские производители прицепной техники вышли на российский рынок в конце 2022 года, на протяжении всего 2023 года он пополнялся новыми марками и моделями грузовых автомобилей. В самом начале этого процесса было достаточно сложно сразу оценить уровень качества различных производителей, но в ходе эксплуатации в российских условиях в различных природно-климатических зонах потребитель определился с лидерами и аутсайдерами среди транспортных средств [10]. Надо отдать должное производителям из КНР: почти с самого начала выхода на рынок практически все они начали строить дилерскую сеть на всей территории нашей страны, кроме того, серьёзным конструктивным изменениям подверглись и сами автомобили, таким образом, их адаптировали к российским условиям с учётом не только природно-климатических особенностей, но и с поправкой на российскую действительность, связанную с не всегда идеальной транспортной инфраструктурой. Хотя многое уже сделано, остаётся достаточно большой блок вопросов по сопровождению, а также унификации запасных и комплектующих частей.

Отечественные производители прицепной техники также достаточно серьёзно пострадали от введения против нашей страны санкций, т.к. многие компоненты зачастую были импортного производства. На сегодняшний день по заявлению представителей ПАО «КАМАЗ» такой проблемы уже нет и весь производственный цикл обеспечен необходимыми комплектующими без потери качества продукции. К сожалению, грузовые автомобили отечественного производства не пользуются большим спросом у автотранспортных предприятий, осуществляющих перевозки в международном и внутреннем сообщении, особенно на протяжённых и длительных по времени маршрутах. Отсутствие уверенности в надёжности у отечественных транспортных операторов является основной тому причиной, далее по убыванию идут такие причины, как ремонтнопригодность, расход топлива и др. Сегодня положение автомобильного транспорта во многом носит характер выживания, это касается не только обновления парка автомобилей, но и экономической ситуации в стране и мире в целом и целом.

Заключение

В настоящее время конкурентоспособность грузовых автомобильных перевозчиков существенно ограничена не только отсутствием собственных инвестиционных возможностей для обновления парка автотранспортных средств, но и отсутствием возможности широкого выбора среди ведущих производителей прицепной техники. В данный момент у перевозчиков есть возможность

приобретения техники ведущих производителей автотранспортных средств, ушедших с российского рынка, но стоимость их зачастую бывает неподъёмной для предприятий. Но и это, что называется, полбеда: при эксплуатации возникают проблемы с наличием запасных частей, «родных» расходников, кроме того, все СТО, занимающиеся обслуживанием данной техники ещё с 2022 года, «отлучены» от программных продуктов диагностического оборудования и зачастую ремонт приходится проводить «вслепую», немаловажным является и отсутствие гарантии на автотранспортные средства, ввезённые в нашу страну таким образом. По аналогии с легковым автотранспортом в грузовом сегменте также началась сборка автомобилей из комплектующих, ввозимых из КНР на примере седельного тягача «ВАЛДАЙ», но пока потребитель относится к ним достаточно настороженно, и продажи их на рынке оставляют желать лучшего.

Проблема выбора хотя и очень важная, но не единственная на повестке. В современных условиях выбор при обновлении парка транспортных средств существенно ограничен и колеблется от автомобилей производства КНР, автомобилей российской сборки и автомобилей с полностью национальной «пропиской». Это во многом спровоцировало ситуацию, когда автотранспортное средство перестало являться активом, кроме того, её усугубляет отсутствие вторичного рынка на перечисленные выше группы автомобилей. Также к основным проблемам, конечно, относится финансирование обновления парка автотранспортных средств: на сегодняшний день не только транспортные предприятия остались без возможности получения заимствований по приемлемой стоимости, но и весь реальный сектор экономики находится в подобной ситуации. В национальной экономике страны образовался существенный дисбаланс, который в будущем может привести к весьма плачевным последствиям. На фоне серьёзных проблем в производстве, строительстве, транспорте, сельском хозяйстве, промышленности и других отраслях, всех тех, что принято называть реальным сектором экономики, финансовый и, в частности, банковский сектор демонстрирует впечатляющие финансовые показатели, которые не очень вяжутся с общей картиной в стране. Как произошла такая ситуация, что по сути обслуживающая реальную экономику отрасль стала самой высокодоходной и перспективной на сегодняшний день, общего ответа на этот вопрос пока нет. Но для успешного и экономически активного грузового автомобильного транспорта требуется создание собственных инвестиционных источников финансирования обновления парка грузовых автомобилей, в том числе, с государственным участием. Вообще часть государственных программ по поддержке национальных транспортных операторов стоит пересмотреть и сделать их более адресными, направленными на сами транспортные предприятия, а не на производителей или финансовые организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матанцева О.Ю. / Основы экономики автомобильного транспорта: учебное пособие [Текст] / О.Ю. Матанцева. — М.: Юстицинформ, 2020. — 256 с.
2. Батищев И.И., Можайская И.А. / Актуальные проблемы развития грузоперевозящего автотранспортного парка России / Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. / №3 (94) 2021 / Стр. 40–44.
3. Казанцев И.С. / Разворот с Запада на Восток и Юг. Проблемы и тенденции национального транспортного комплекса, грузовой автомобильный транспорт сегодня. / Первый Экономический Журнал / № 11 (353): 2024; Стр.: 59–69.
4. А.А. Бачурин / Анализ производственно-хозяйственной деятельности автотранспортных предприятий / Учебное пособие для вузов / Москва, Юрайт, 2020. — 296 с.
5. Матанцева О.Ю., Казанцев И.С. Современное состояние грузового российского автомобильного транспорта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право № 11; 2024 г. Стр.: 39–44
6. Решение Совета Европы от 8 апреля 2022 г. № 2022/578 о внесении изменений в Решение Совета Европы № 2014/512/CFSP (<https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2022/578/oj>; дата обращения: 10 октября 2024 года)
7. Постановление Правительства № 1728 от 30 сентября 2022 года (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210010004>; дата обращения 10 октября 2024 года)
8. Ю. Матанцева, И.С. Казанцев // Особенности начисления амортизации на транспортные средства в соответствии с новым стандартом [Текст] / Аудиторские ведомости. — 2022. — № 1. — С. 11–18. — DOI: 10.24411/1727-8058-2022-1-11-18.
9. К. Потаева // Грузовики с подвохом: что пошло не так с китайскими большегрузными тягачами // www.forbes.ru/biznes/513157-gruzoviki-s-podvohom-cto-poslo-ne-tak-s-kitajskimi-bol-segruznymi-tagacami //Текст: электронный
10. К. Сазонов, Р. Солдатов // С какими проблемами сталкиваются владельцы китайских коммерческих автомобилей // <https://iz.ru/1536873/kirill-sazonov-roman-soldatov/gnilye-mandariny-perevozchiki-zhaluiutsia-na-gruzoviki-iz-knr> // Текст: электронный

© Казанцев Иван Сергеевич (ikazantsev@asmap-service.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЗДАНИЕ ВИДЕОКРЕАТИВА С ПОМОЩЬЮ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

CREATING A VIDEOCREATIVE USING GENERATIVE MODELS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

**O. Kulikova
S. Suvorova
M. Gerasimov**

Summary. In recent years, there has been a steady trend towards the consumption of videocontent, which is used by consumers not only for entertainment, but also to search for information, study products and make a purchase decision. At the same time, generative artificial intelligence technologies are of particular importance, opening fundamentally new opportunities for creating advertising and other marketing communication tools. The article notes that there is currently no unified methodology for developing AI creatives in both the global and Russian advertising industries. In this regard, the authors propose their own vision of the structure of artificial intelligence and an algorithm for applying generative AI models to create video content. The possibilities of generative AI (advantages and limitations) in advertising are emphasized.

Keywords: video content, artificial intelligence, generative neural networks, AI-creative, conversion, pipelines, prompt, advertising.

Куликова Оксана Михайловна

к.т.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
fotooksana@yandex.ru

Суворова Светлана Дмитриевна

к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
suvorova_sd@mail.ru

Герасимов Михаил Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Аннотация. В последние годы прослеживается устойчивая динамика потребления видеоконтента, который используется потребителями не только для развлечения, но и для поиска информации, изучения товаров и принятия решения о покупке. При этом особое значение приобретают технологии генеративного искусственного интеллекта, открывающие принципиально новые возможности для создания рекламы и других инструментов маркетинговых коммуникаций. В статье отмечено, что в настоящее время, отсутствует единая методология разработки ИИ-креативов как в мировой, так и в российской рекламной индустрии. В этой связи, авторы предлагают собственное видение структуры искусственного интеллекта и алгоритм применения моделей генеративного ИИ для создания видео контента. Подчеркнуты возможности генеративного ИИ (преимущества и ограничения) в рекламной деятельности.

Ключевые слова: видеоконтент, искусственный интеллект, генеративные нейросети, ИИ-креатив, конверсия, пайплайны, промт, реклама.

Изменение модели потребительского поведения, сокращение жизненного цикла и рост значимости визуального контента привели к необходимости внедрения цифровых технологий при построении маркетинговых коммуникаций. В последние годы прослеживается устойчивая динамика потребления видеоконтента, особенно коротких вертикальных форматов (до 60 секунд), которым пользователи уделяют больше времени и демонстрируют достаточно высокий уровень вовлечённости по сравнению с длинными форматами. Такие видео используются потребителями не только для развлечения, но и для поиска информации, изучения товаров и принятия решения о покупке. Именно поэтому особое значение приобретают технологии генеративного искусственного интеллекта, открывающие принципиально новые возможности для создания рекламы и других инструментов маркетинговых коммуникаций.

В настоящее время отсутствие единой методологии разработки ИИ-креативов как в мировой, так и в рос-

сийской рекламной индустрии, выбор оптимальных нейросетей, расчёт экономической выгоды, оценка качества сгенерированного контента и анализ его воздействия на аудиторию недостаточно проработаны, в связи с чем, тема исследования является актуальной. Для достижения запланированного результата необходимо использование системного подхода, включающего теоретическое осмысление технологий, их моделирование и внедрение.

Расширение доступности генеративных инструментов обусловило интерес как со стороны научного сообщества, так и бизнеса [1, 2], поскольку ИИ (искусственный интеллект) повышает скорость производства видеороликов, а также улучшает показатели эффективности рекламных кампаний (стоимость единицы контента, показатели вовлечённости, кликабельности и конверсии и др). Генеративные нейросети дают возможность производить фото, видео и графический контент без участия большого количества специалистов из разных сфер де-

тельности, обеспечивая высокую скорость, вариативность и персонализацию рекламных сообщений. Появление таких систем, как Runway Gen-2, Pika Labs, Stable Video Diffusion, Midjourney Alpha Video, Kling AI, Luma Dream Machine и др., спровоцировало развитие новой формы рекламного продукта — ИИ-креатива, под которым понимается оригинальный визуальный материал, созданный полностью или частично с использованием алгоритмов искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект сформирован из классических алгоритмов машинного обучения и современных архитектур глубоких нейросетей. При этом машинное обучение обеспечивает анализ массива данных с целью прогнозирования рынка, сегментации и оптимизации рекламных расходов, а ИИ, с точки зрения типового разнообразия, можно рассматривать как прогностический (предиктивный) и генеративный (рис. 1).

Прогностический ИИ — инструментальный искусственного интеллекта, представляющий собой систему анализа больших объемов статистической информации, направленный на выявление перспектив развития прогнозируемых процессов и скрытых потенциальных рисков. Позволяет существенно повысить качество принимаемых управленческих решений, посредством установления неизвестных ранее взаимосвязей и взаимозависимостей в имеющихся массивах данных. Предиктивная аналитика концентрируется на прогнозировании возможного результата, с учетом комплексного анализа накопленных эмпирических сведений [3].

Он применяется в различных секторах, включая финансы, маркетинг и управление цепочками поставок. В частности, прогностический ИИ в маркетинге реализуется посредством таргетинга и RTB (Real-Time Bidding), сегментации рынка, анализа данных и прогнозирования.

Генеративный ИИ (Gen AI) — это класс моделей глубокого обучения, направленных на создание нового контента на основе больших данных. В маркетинге он широко используется для производства рекламных материалов: от текстов и изображений до синтезированного видео и гибридного мультимедиа.

Условно модели Gen AI можно классифицировать следующим образом:

- LLM (Large Language Models) — языковые модели для генерации текстов, сценариев, идей, рекламных сообщений;
- диффузионные модели / GAN — инструменты, используемые для создания статических изображений, стилизованной графики и визуальных вариаций;
- видеомодели (Text-to-Video, Multimodal Models) — сети, синтезирующие видеоряд, анимацию и звук, которые позволяют автоматизировать производство видеокреативов.

В настоящий момент для построения генеративных моделей используется несколько архитектурных подходов:

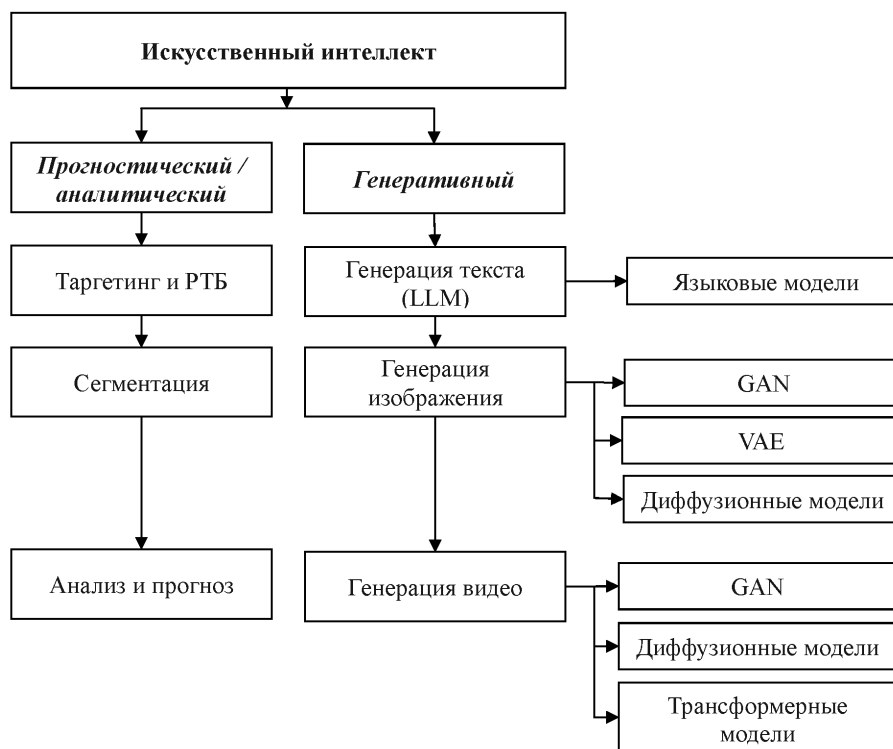

Рис. 1. Структура искусственного интеллекта

GAN (Generative Adversarial Networks) — одна из первых массово применяемых технологий, где генератор создаёт изображения, а дискриминатор проверяет их реалистичность. GAN обеспечивает появление фотореализма в синтетических изображениях, особенно при создании портретов и стилизованных визуалов.

VAE (Variational Autoencoders) — вариационные технологии, кодирующие данные в латентное пространство и позволяющие управлять стилем, композицией и атрибутами. Уступают GAN в детализации, но удобны для манипулирования скрытыми признаками.

Диффузионные модели — наиболее актуальная технология, добавляющая звук (шум) к данным, постепенно восстанавливая изображение или видеоряд. Обеспечивает управляемость, реалистичность и разнообразие результатов.

Мультимодальные и трансформерные модели — технологии, позволяющие сочетать текст, изображение и видео, управляющие генерацией через промт, референсы или комбинированные условия. Механизм работы таких моделей основан на обучении больших массивов неструктурированных данных с применением различных архитектур (трансформеры, эмбиддинги-представления, латентные пространства, декодеры и др.).

После обучения модели могут быть адаптированы под конкретный бренд [4] через RAG или fine-tuning (или дообучение), включая формат (HITL), в котором человек корректирует результат. При этом выбор типа входных данных и уровня человеческого участия является одним из ключевых стратегических факторов создания видео креативов. Исследования показывают, что часть Gen AI-контента воспринимается потребителями как недостаточно аутентичная, поэтому участие человека необходимо.

Сегодня генеративные пайплайны (от англ. pipeline — последовательность этапов, через которые проходит проект или продукт, где каждый следующий шаг зависит от предыдущего, обеспечивая структурированный и управляемый процесс) в рекламе чаще всего основаны на диффузионных моделях или гибридных архитектурах Gen AI, совмещающих художественность, контролируемость и масштабируемость.

Генеративные нейросети демонстрируют значительный потенциал создания визуального контента — от статических изображений до динамичных видеороликов,

что приводит к ускорению прототипирования, стилизации, локализации и масштабирования рекламных креативов. Переход от изображения к видео значительно усложняет задачу, поскольку видео генерация требует не только качества отдельных кадров и их согласованности во времени, но и учитывает ряд ключевых аспектов (рис. 2).

Темпоральная согласованность: отсутствие мерцаний, резких переходов, артефактов (более раннее поколение пок кадровых изображений часто приводило к нарушению целостности видео ряда).

Контроль движения и стилизация: управление траекториями камеры, скоростью, переходами, композицией (в современные модели добавляют инструменты управление движением и ключевые кадры).

Ограничения длины и разрешения: большинство моделей работает в диапазоне нескольких секунд, обеспечивая качество хорошее цифровых форматов.

Таким образом, видео генерация — это баланс художественности, реализма, технической стабильности и затрат. При несогласованности или неудовлетворительном содержании видео контента, следует уделить дополнительное внимание темпоральной согласованности. Следовательно, процесс создания рекламного видеокреатива с использованием технологий искусственного интеллекта можно рассматривать как последовательное выполнение нескольких этапов, включающих подготовку сценария и промта, генерацию визуального контента, оценку и отбор оптимального результата, постобработку, экспорт финального видеоматериала, публикацию и анализ конверсии (рис. 3).

На первом этапе следует осуществить подготовку детализированного сценария и составление промта, которые должны содержать требования к видеоролику. К основным элементам промпта относятся:

- ключевая идея (формулирует основное маркетинговое послание);
- структура (разбивка ролика на временные сегменты);
- параметры визуализации (стиль, цветовая палитра, ракурсы, длительность сцен);
- параметры аудио (тип музыкального сопровождения, характеристики озвучивания);
- визуальные референсы (ссылки на примеры изображений или видеороликов, отражающих желаемый стиль).

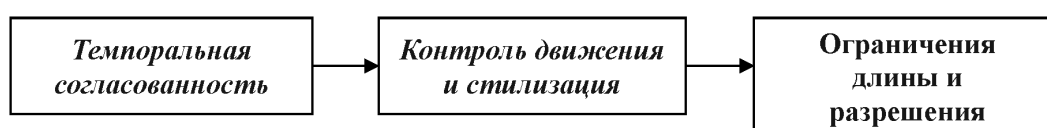

Рис. 2. Факторы, учитываемые при производстве видеокреатива

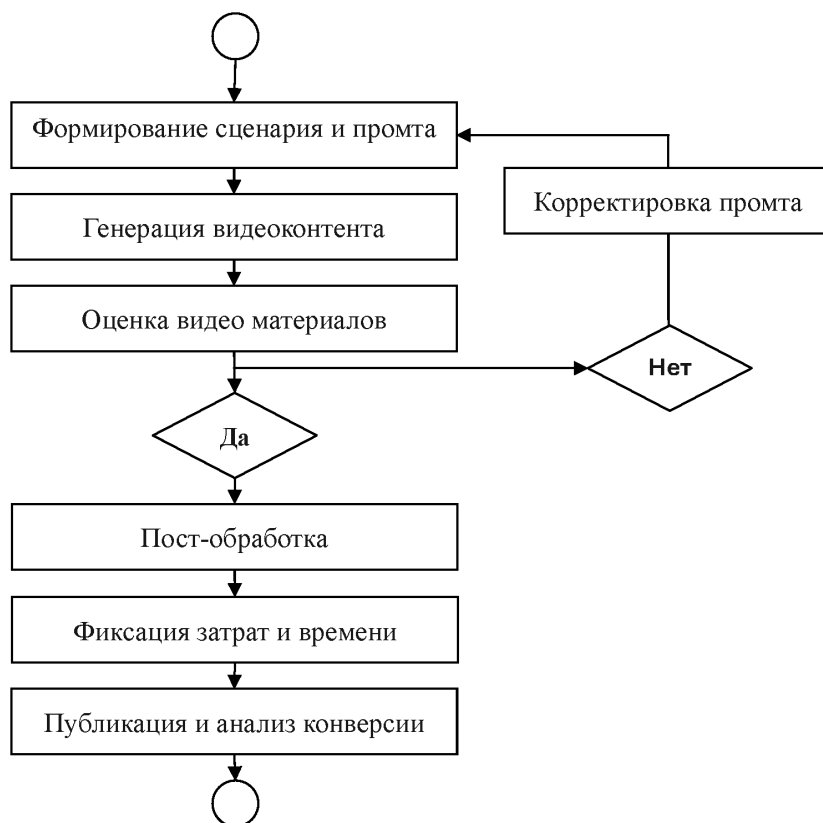

Рис. 3. Алгоритм применения генеративного ИИ для создания видеоконтента

На втором этапе — провести автоматическую генерацию видеоконтента на основе подготовленного промпта при помощи наиболее адаптивной платформы ИИ, которая сформирует несколько вариантов ролика (3–8 итераций). Время генерации одного видеоролика может составить от 2 до 10 минут. Данный этап обеспечивает быстрое тестирование различных визуальных решений и подбор оптимального стиля для рекламного контента.

Далее необходимо произвести оценку созданных видеоматериалов с целью выявления наиболее соответствующего из них требованиям брифа и маркетинговым задачам. При несоответствии полученных результатов исходному брифу, проводится корректировка промпта.

Пост-обработка (монтаж и доработка) является завершающим этапом создания видео для улучшения его качества, придания финального вида и добавления специальных эффектов. В процессе производства видеоролика следует учитывать его хронометраж, поскольку каждый этап отличается по длительности и трудоёмкости. Для анализа можно применить инструмент «таймлог» (журнал времени), фиксирующий продолжительность всех операций. Важно отметить, что ИИ позволяет ускорить процесс в среднем в 4–8 раз, сохраняя при этом приемлемый уровень качества визуального материала.

На заключительном этапе требуется определить эффективность созданного ИИ-креатива. В качестве основ-

ных метрик оценки эффективности можно использовать следующие показатели: общий уровень вовлечённости (ER); кликабельность (CTR); конверсия в целевое действие (CR). Кроме того, необходимо принимать во внимание совокупность следующих факторов, связанных с особенностями формирования ИИ-контента:

- когнитивная привлекательность (пользователи проявляют повышенный интерес к экспериментальным форматам и инновационным визуальным решениям, благодаря новизне и необычному исполнению);
- демонстрационный характер продукта (в отличие от традиционной рекламы, цепочка от ознакомления с товаром/услугой до заказа сокращается);
- снижение барьера первого контакта (за счет высокой вирусности и доступности формата пользователи быстрее вступают в коммуникацию или оформляют заказы).

Следует отметить, что применение генеративного ИИ для разработки видеокреативов, с одной стороны обладает выраженными технологическим и экономическим эффектами, усиливающими результативность коммуникации с потребителями; с другой — требует дополнительных компетенций при управлении качеством и рисками [5], связанных с необходимостью контролировать корректность результатов, соблюдать этические нормы (авторские права и др.).

В настоящее время в цифровом маркетинге Gen AI выступает связующим звеном между стратегией и тактикой, за счет частичной автоматизации процесса производства рекламных креативов и обеспечивает несколько ключевых преимуществ. Во-первых, повышает эффективность и ROI. Алгоритмы ИИ перераспределяют бюджет в реальном времени, улучшая рентабельность кампаний. Во-вторых, масштабирует персонализацию. Модели прогнозируют намерения и предпочтения пользователей, адаптируя сообщения под контекст и этап жизненного цикла клиента. В-третьих, оптимизирует производство контента. Генеративные инструменты сокращают время подготовки креативов, а автоматические системы ускоряют A/B-тестирование.

При этом возможности Gen AI сопровождаются рядом ограничений:

- модели склонны к генерации некорректной информации, что подрывает доверие к AI-контенту и требует человеческого контроля;
- многие генеративные модели функционируют как «чёрный ящик», что создаёт определенные сложности с пониманием, этикой и ответственностью;

— существуют дополнительные риски, касающиеся приватности, авторских прав и алгоритмической предвзятости, вызванные тем, что модели обучаются на больших массивах данных, содержащих системные искажения.

Таким образом, генеративный искусственный интеллект является эффективным инструментом трансформации идеи в видеокреатив, что особенно ценно для разработки рекламных кампаний и концептуальных прототипов. Gen AI требует сбалансированного и взвешенного подхода, учитывающего потенциальные риски, соблюдение этики и авторских прав, а также необходимость гармоничного взаимодействия технологий ИИ и человека. Поэтому при работе с ИИ-контентом важно заранее структурировать процесс; контролировать учет времени и ресурсов для корректной оценки себестоимости; формировать матрицу KPI; использовать экспериментальные дизайны (A/B-тесты) с целью проверки причинно-следственных связей; проводить регулярный мониторинг бренда для измерения впечатлений потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подшибякин, А. Генеративный ИИ для создания контента: оптимизация целевого маркетинга / А. Подшибякин // БИТ. — 2024. — № 6(139). — С. 9–11.
2. Зырянов А.С. Методы применения искусственного интеллекта при формировании маркетинговой стратегии предприятий / А.С. Зырянов // Экономические исследования и разработки. — 2024. — № 8. — С. 18–34.
3. Ярошук Д.В. Внедрение технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов сбора и обработки данных в бизнес-аналитике / Д.В. Ярошук // Экономический бюллетень НИЭИ МЭ РБ. — 2025. — № 8(338). — С. 50–58.
4. Методы оценки влияния генеративного ИИ на восприятие бренда: от текста до визуального контента / Е.В. Мищенко, А.Б. Хмельницкая, М.И. Яранцева // Индустриальная экономика. — 2025. — № 2. — С. 82–89.
5. Рублева Е.С. Проблемы и противоречия в развитии генеративного искусственного интеллекта / Е.С. Рублева // Россия и мировые тенденции развития: Материалы ВНК с международным участием, Россия, Омск, 15–20 мая 2024 года. — Омск: 2025. — С. 343–348.

© Куликова Оксана Михайловна (fotoooksana@yandex.ru); Суворова Светлана Дмитриевна (suvorova_sd@mail.ru); Герасимов Михаил Борисович

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ENSURING CYBERSECURITY OF LOGISTICS SYSTEMS IN THE CONTEXT OF GROWING DIGITALIZATION

*T. Logutova
Yu. Lazarevskaya*

Summary. The article examines cybersecurity of logistics systems under conditions of digital transformation of transport and logistics infrastructure in the Russian Federation. It is substantiated that cyber threats targeting automated logistics management systems generate economic risks affecting supply chain stability. The legal framework for countering cyber impacts in logistics is analyzed in the context of economic security.

Keywords: cybersecurity, logistics systems, economic security, transport security, critical information infrastructure, logistics digitalization, cyber threats, information systems, automated control systems, supply chains, information protection.

Логутова Тамара Григорьевна

доктор экономических наук, профессор, Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи
t.logutova7@mail.ru

Лазаревская Юлианна Артуровна

старший преподаватель, Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи
y.lazarevskaya@mgumariupol.ru

Аннотация. В статье исследована кибербезопасность логистических систем в условиях цифровизации транспортно-логистической инфраструктуры Российской Федерации. Обосновано, что киберугрозы, направленные на автоматизированные системы управления логистикой, формируют риски экономического характера, влияющие на устойчивость цепей поставок и транспортных процессов. Проанализированы правовые основы противодействия кибервоздействиям в логистике с позиции федерального законодательства и показана их роль в обеспечении экономической безопасности логистических систем. Исследована экономическая специфика киберугроз как неотъемлемого элемента обеспечения экономической безопасности логистических систем.

Ключевые слова: кибербезопасность, логистические системы, экономическая безопасность, транспортная безопасность, критическая информационная инфраструктура, цифровизация логистики, киберугрозы, информационные системы, автоматизированные системы управления, цепи поставок, защита информации.

Функционирование современных логистических систем осуществляется в условиях устойчивого роста киберугроз, затрагивающих транспортно-логистическую инфраструктуру на глобальном уровне. По данным отраслевых аналитических исследований, в 2023 году транспортная отрасль вошла в число десяти наиболее атакуемых секторов мировой экономики. Количество успешных кибератак на транспортные компании увеличилось на 36 % по сравнению с 2022 годом, что свидетельствует о системном характере цифровых угроз в сфере перевозок и логистики. Наиболее часто применяемыми методами кибервоздействия в 2023 году стали использование вредоносного программного обеспечения (35 % от общего числа зафиксированных инцидентов), эксплуатация уязвимостей информационных систем (18 %) и атаки на цепочки поставок (8 %).

Рост киберактивности в транспортно-логистическом секторе сопровождается значительными экономическими потерями. По оценкам экспертов, ущерб от одной масштабной кибератаки на транспортно-логистическую компанию может достигать 50 млн долларов США

и более. Киберинциденты приводят к блокированию грузоперевозок, сбоям в системах диспетчеризации и бронирования, нарушению работы навигационных и складских систем, а также к повреждению или утрате перевозимых грузов. В авиационном и морском сегментах кибервоздействия способны вызывать простой критически важных систем управления, а в сфере городской транспортной инфраструктуры — нарушать функционирование светофоров, информационных табло и автоматизированных систем управления движением.

Усиление киберугроз в логистике напрямую связано с углублением цифровизации транспортных процессов и расширением использования автоматизированных систем управления, операционных технологий и сетевых коммуникаций. Если ранее кибератаки в секторе транспорта и логистики носили эпизодический характер и фиксировались раз в несколько лет, то в последние годы наблюдается переход к регулярным инцидентам, происходящим с периодичностью один–два раза в месяц. Одновременно с этим существенно снизились барьеры входа для злоумышленников: вредоносное

программное обеспечение, включая вирусы-вымогатели, доступно для аренды, что повышает интенсивность и масштабность кибератак и усиливает уязвимость логистических систем как элемента экономической безопасности.

Функционирование современных логистических систем в Российской Федерации осуществляется в условиях высокой степени цифровизации, охватывающей управление цепями поставок, транспортную инфраструктуру, складские комплексы, таможенно-логистические процедуры и финансово-расчетные операции. Информационные технологии перестали выполнять вспомогательную роль и превратились в системообразующий элемент логистики, обеспечивающий синхронизацию потоков материальных ресурсов, данных и денежных средств. В результате устойчивость логистических систем напрямую зависит от состояния их цифровой среды, что предопределяет необходимость рассмотрения кибербезопасности как самостоятельного и критически значимого аспекта экономической безопасности.

Экономическая безопасность логистических систем традиционно анализировалась через призму рисков, связанных с транспортными сбоями, инфраструктурными ограничениями, колебаниями спроса, финансовой нестабильностью и внешнеэкономическими факторами. Однако расширение цифровых контуров управления привело к формированию нового класса угроз, не укладывающихся в классические модели хозяйственных рисков. Кибервоздействия на логистические информационные системы способны нарушать непрерывность поставок, искажать данные о движении грузов, блокировать транспортные процессы и провоцировать значительные экономические потери, выходящие за рамки отдельных хозяйствующих субъектов и затрагивающие интересы государства [4].

Специфика логистики как объекта киберугроз обусловлена ее сетевой природой. Логистические системы объединяют множество участников — перевозчиков, операторов терминалов, экспедиторов, складских комплексов, информационных посредников и государственных органов. Цифровая взаимосвязанность этих элементов формирует сложную распределенную инфраструктуру, в которой уязвимость одного сегмента способна вызвать каскадные нарушения в смежных звеньях цепи поставок. В условиях высокой концентрации цифровых сервисов и зависимости от автоматизированных систем управления транспортом киберугрозы приобретают системный характер и трансформируются в фактор макроэкономической нестабильности.

Для Российской Федерации данная проблематика приобретает особую значимость с учетом масштабов транспортно-логистического комплекса, его простран-

ственной протяженности и роли в обеспечении внутреннего рынка, экспортных потоков и транзитных функций. Железнодорожный, автомобильный, морской и авиационный транспорт активно используют автоматизированные системы диспетчеризации, навигации, мониторинга грузов и электронного документооборота. Нарушение их работы вследствие кибервоздействий способно приводить не только к прямым финансовым потерям, но и к подрыву доверия к национальной логистической инфраструктуре, снижению инвестиционной привлекательности и ослаблению конкурентных позиций страны на международных рынках перевозок.

Кибербезопасность в данном контексте не может рассматриваться исключительно как техническая задача защиты информационных ресурсов. Она выступает элементом комплексной системы обеспечения экономической безопасности логистики, включающей правовое регулирование, институциональные механизмы координации, стандартизацию процессов управления рисками и ответственность участников цифровых цепей поставок. Отсутствие должного правового и организационного обеспечения киберустойчивости логистических систем формирует предпосылки для реализации угроз, последствия которых выходят за пределы сферы информационных технологий и затрагивают транспортную, промышленную и финансовую безопасность.

Актуальность исследования усиливается ростом количества и усложнением характера киберинцидентов в логистике, наблюдаемым в последние годы. Цифровые атаки все чаще ориентированы не на хищение информации как таковой, а на дестабилизацию операционной деятельности, блокирование критических сервисов и создание управляемых сбоев в транспортных и складских процессах. В условиях, когда логистические системы интегрированы в национальные и международные цепи создания стоимости, подобные воздействия приобретают признаки экономического давления и могут использоваться как инструмент гибридного воздействия.

В научной и правоприменительной плоскости проблема кибербезопасности логистических систем остается фрагментарно разработанной. Существенная часть исследований сосредоточена на технических аспектах защиты информационных систем либо на общей проблематике кибербезопасности критической информационной инфраструктуры. Вместе с тем логистика как особый объект экономических и правовых рисков требует самостоятельного анализа, учитывающего отраслевую специфику, множественность участников и высокую степень межотраслевой взаимосвязанности.

В этой связи целью настоящего исследования является формирование целостного представления о кибербезопасности логистических систем как элементе

обеспечения их экономической безопасности. В рамках статьи была исследована экономическая специфика киберугроз, как неотъемлемого элемента обеспечения экономической безопасности логистических систем и характера влияния киберугроз на функционирование логистики. Также были выявлены ключевые направления и формы кибервоздействий на транспортно-логистическую инфраструктуру, и определены правовые и организационные механизмы противодействия таким угрозам с учетом их экономических последствий. Исследование указанных аспектов позволяет обосновать необходимость интеграции кибербезопасности в систему стратегического управления логистическими рисками и развития правового регулирования в сфере цифровой устойчивости логистических систем. [10]

Кибербезопасность логистических систем в условиях цифровой трансформации экономики Российской Федерации приобретает значение одного из ключевых факторов обеспечения их экономической устойчивости. Логистика в современных условиях представляет собой сложный межотраслевой комплекс, объединяющий транспортную инфраструктуру, складские и распределительные центры, информационные платформы управления цепями поставок, а также финансово-расчётные и контрольные механизмы. Функционирование данного комплекса невозможно без использования информационных технологий, что предопределяет зависимость логистических процессов от состояния цифровой среды и уровня её защищённости.

Правовые предпосылки формирования цифровых логистических систем закреплены в нормах Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7], который определяет информацию как объект правовой охраны и возлагает на обладателей информационных ресурсов обязанность по обеспечению их защиты. Для логистических систем это означает необходимость предотвращения неправомерного доступа к данным о маршрутах перевозок, параметрах грузов, графиках движения, складских операциях и иных сведениях, утрата либо искажение которых способно привести к значительным экономическим потерям.

Включение логистических информационных систем в сферу правового регулирования кибербезопасности усиливается положениями Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [6]. В соответствии с данным законом значимыми объектами критической информационной инфраструктуры признаются информационные системы и автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере транспорта. Таким образом, цифровые решения, применяемые в управлении перевозками, навигации,

диспетчеризации и мониторинге грузопотоков, приобретают особый правовой статус, предполагающий усиленные требования к их защите от компьютерных атак.

Экономическая безопасность логистических систем напрямую связана с устойчивостью транспортной инфраструктуры, что находит отражение в Федеральном законе от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [5]. Указанный закон ориентирован на защиту транспортных объектов и транспортных средств от актов незаконного вмешательства, к которым в условиях цифровизации относятся и кибервоздействия на автоматизированные системы управления транспортом. Нарушение работы таких систем способно повлечь дестабилизацию перевозочного процесса, увеличение сроков доставки и рост логистических издержек, что формирует прямую угрозу экономическим интересам участников логистических цепей.

Цифровизация логистики в Российской Федерации сопровождалась ростом количества киберинцидентов, затрагивающих транспортно-логистическую сферу. Компьютерные атаки все чаще направлены на нарушение доступности и целостности информационных систем, обеспечивающих управление логистическими процессами. Вмешательство в работу систем диспетчеризации, электронного документооборота и мониторинга грузов приводит к формированию сбоев, которые трансформируются в экономические потери не только для конкретных организаций, но и для связанных с ними хозяйствующих субъектов [2].

Особое значение имеют киберугрозы, реализуемые в отношении автоматизированных систем управления технологическими процессами на транспорте. В условиях высокой степени автоматизации вмешательство в функционирование таких систем может приводить к несоответствию между планируемыми и фактическими параметрами перевозок, нарушению согласованности логистических операций и формированию «узких мест» в цепях поставок. Экономические последствия данных воздействий выражаются в росте транзакционных издержек, штрафных санкциях за нарушение договорных обязательств и снижении общей эффективности логистических систем.

Правовое регулирование защиты информации в логистике дополняется нормами Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [9]. Сведения, используемые логистическими компаниями в процессе организации перевозок и управления складской инфраструктурой, обладают высокой экономической ценностью. Несанкционированный доступ к таким данным в результате кибератак способен создавать условия для недобросовестной конкуренции, подрывать рыночные позиции хозяйствующих субъектов и нару-

шать баланс экономических интересов в логистической сфере.

Наряду с этим Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [8] распространяется на обработку сведений о работниках транспортно-логистических организаций, водителях, экспедиторах и иных участниках логистических процессов. Киберинциденты, влекущие утечку или неправомерное использование персональных данных, формируют дополнительные экономические риски, связанные с привлечением к ответственности, приостановкой деятельности и утратой деловой репутации.

Экономическая специфика киберугроз в логистических системах проявляется в их способности вызывать каскадные эффекты. Нарушение функционирования одного элемента цифровой логистической инфраструктуры способно дестабилизировать смежные звенья цепи поставок, включая производство, торговлю и внешне-экономическую деятельность. В условиях высокой интеграции логистики в национальную экономику такие воздействия приобретают системный характер и трансформируются в угрозы экономической безопасности государства.

Федеральный закон № 187-ФЗ устанавливает обязанность субъектов критической информационной инфраструктуры выявлять компьютерные инциденты, принимать меры по их локализации и взаимодействовать с уполномоченными государственными органами. Реализация данных требований в логистической сфере направлена на снижение вероятности реализации киберугроз и минимизацию экономического ущерба. Вместе с тем многообразие участников логистических цепей и преобладание частных операторов усложняют практическую реализацию данных норм и требуют согласования публичных и частных интересов [10].

Экономические последствия кибератак на логистические системы выходят за рамки прямых убытков, связанных с восстановлением работоспособности информационных ресурсов. Существенное значение имеют косвенные эффекты, включая снижение доверия контрагентов, рост страховых издержек и ухудшение условий договорного взаимодействия. В условиях конкурентного рынка транспортно-логистических услуг киберинциденты становятся фактором, влияющим на долгосрочную устойчивость бизнеса.

Таким образом, кибербезопасность логистических систем представляет собой самостоятельное направление обеспечения их экономической безопасности, имеющее нормативное закрепление в системе федерального законодательства. Воздействие киберугроз на цифровую логистическую инфраструктуру способно

нарушать устойчивость хозяйственных связей, увеличивать издержки и снижать эффективность логистических процессов. В условиях цифровой экономики правовое обеспечение киберустойчивости логистики становится ключевым элементом защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов и государства.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что кибербезопасность логистических систем в условиях цифровизации приобретает самостоятельное значение в структуре их экономической безопасности. Логистика, функционирующая на основе автоматизированных систем управления, цифровых платформ и электронного документооборота, становится уязвимой к кибервоздействиям, последствия которых выходят за рамки информационных рисков и трансформируются в экономические потери, нарушение устойчивости хозяйственных связей и снижение эффективности транспортно-логистической деятельности.

Нормы федерального законодательства Российской Федерации формируют правовую основу защиты цифровой логистической инфраструктуры, включая положения Федеральных законов № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и № 16-ФЗ «О транспортной безопасности». Совокупное применение данных актов позволяет рассматривать киберугрозы в логистике как разновидность угроз экономической безопасности, направленных на устойчивость транспортных процессов и стабильность цепей поставок. Вместе с тем действующее регулирование носит фрагментарный характер и не всегда учитывает межотраслевую природу логистических систем и множественность вовлечённых субъектов [3].

В условиях дальнейшей цифровой трансформации логистики обеспечение кибербезопасности требует комплексного правового подхода, основанного на согласовании норм информационного, транспортного и хозяйственного законодательства, а также на интеграции требований киберустойчивости в систему управления экономическими рисками. Рассмотрение кибербезопасности исключительно как технической задачи не отражает её реального значения для экономики логистических систем и не позволяет эффективно противодействовать угрозам, имеющим системный характер.

Таким образом, кибербезопасность логистических систем должна рассматриваться как неотъемлемый элемент обеспечения их экономической безопасности, направленный на поддержание устойчивости логистических процессов, защиту экономических интересов участников цепей поставок и сохранение стабильности транспортно-логистической инфраструктуры Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Дмитриев А.В. Организационно-экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в логистических системах //Управленческое консультирование. — 2025. — №. 1 (187). — С. 34–44.
3. Карпов М.А. Кибербезопасность в инфокоммуникационных системах //Парадигма. — 2025. — №. 4-2. — С. 172–177.
4. Семашко Е.А. Кибербезопасность в логистических системах. — 2024.
5. Федеральный закон от 09.02.2007 N 16-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О транспортной безопасности».
6. Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (ред. от 07.04.2025) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
7. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
8. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных».
9. Федеральный закон от 29.07.2004 N 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне».
10. Ягудина Г.Р., Фатихова Л.Э. Кибербезопасность в логистике: риски взлома автономных систем и защита данных //Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. — 2025. — №. 2. — С. 123–127.

© Логотова Тамара Григорьевна (t.logutova7@mail.ru); Лазаревская Юлианна Артуровна (y.lazarevskaya@mgumariupol.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖКИ АГРОКЛАСТЕРОВ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

FINANCIAL AND CREDIT SUPPORT MECHANISMS FOR AGRICULTURAL CLUSTERS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF HIGH KEY INTEREST RATES

Yu. Mindlin

Summary. The article examines the transformation of financial and credit mechanisms of state support for agro-industrial clusters in Russia in the context of high values of the key rate of the Bank of Russia. The relevance of the study is due to a fundamental contradiction: on the one hand, the cluster approach is recognized as a strategic priority for the development of agriculture and a tool for ensuring food security; on the other hand, tight monetary policy designed to contain inflation makes traditional concessional lending mechanisms ineffective and in some cases counterproductive. Based on the analysis of macroeconomic forecasts, statistical data on investment activity and scientific research, it has been established that in conditions of a key rate of 16–19 % per annum, preferential loan programs lose their stimulating function, becoming a tool for maintaining current liquidity. The destructive effects of «soft budget constraints» and unfavorable selection arising from subsidizing interest rates have been identified. The paper systematizes the disadvantages of the current subsidy model and substantiates the need to move from a credit-oriented model to an investment-stock model. The author's model of specialized industry investment funds for financing agricultural clusters is proposed, integrating funds from federal and regional budgets, as well as private investments, and allowing overcoming the limitations of traditional bank lending in conditions of high cost of money. The model provides a multiplier effect due to the capitalization of public funds and their increase in the financial market during a period of high profitability of instruments.

Keywords: agro-industrial cluster, key rate, preferential lending, financial and credit mechanisms, investment fund, soft budget constraints, government support.

Аннотация. В статье исследуется трансформация финансово-кредитных механизмов государственной поддержки агропромышленных кластеров в России в условиях высоких значений ключевой ставки Банка России. Актуальность исследования обусловлена фундаментальным противоречием: с одной стороны, кластерный подход признан стратегическим приоритетом развития АПК и инструментом обеспечения продовольственной безопасности; с другой стороны, жесткая денежно-кредитная политика, призванная сдерживать инфляцию, делает традиционные механизмы льготного кредитования недостаточно эффективными, а в ряде случаев — контрпродуктивными. На основе анализа макроэкономических прогнозов, статистических данных об инвестиционной активности и научных исследований установлено, что в условиях ключевой ставки 16–19 % годовых льготные кредитные программы утрачивают стимулирующую функцию, превращаясь в инструмент поддержания текущей ликвидности. Выявлены деструктивные эффекты «мягких бюджетных ограничений» и неблагоприятного отбора, возникающие при субсидировании процентных ставок. В работе систематизированы недостатки действующей модели субсидирования и обоснована необходимость перехода от кредитно-ориентированной модели к инвестиционно-фондовой. Предложена авторская модель специализированных отраслевых инвестиционных фондов для финансирования агрокластеров, интегрирующая средства федерального и региональных бюджетов, а также частные инвестиции, и позволяющая преодолеть ограничения традиционного банковского кредитования в условиях высокой стоимости денег. Модель обеспечивает мультипликативный эффект за счет капитализации государственных средств и их наращивания на финансовом рынке в период высокой доходности инструментов.

Ключевые слова: агропромышленный кластер, ключевая ставка, льготное кредитование, финансово-кредитные механизмы, инвестиционный фонд, мягкие бюджетные ограничения, государственная поддержка.

Введение

Государственная политика в сфере АПК сохраняет кластерную парадигму как одну из приоритетных. Агропромышленные кластеры рассматриваются в качестве институциональной формы, обеспечивающей синергетический эффект, снижение транзакционных издержек и ускорение инновационного развития [7]. Однако эффективность кластерной модели напря-

мую зависит от доступности долгосрочных инвестиционных ресурсов, поскольку формирование и развитие кластеров требует масштабных вложений в инфраструктуру, перерабатывающие мощности и научно-исследовательские разработки.

Актуальность темы исследования обусловлена наличием фундаментального противоречия в системе поддержки АПК в России: основной финансово-кредитный

механизм государственной поддержки АПК — программа льготного кредитования по ставке до 5 % годовых — в условиях высокой ключевой ставки требует кратного увеличения бюджетных ассигнований на субсидирование процентной разницы, при этом даже выделяемые средства не позволяют сохранить инвестиционную привлекательность отрасли. Более того, как показывают эмпирические исследования, в определенных ситуациях субсидируемое кредитование способно порождать дестимулирующие эффекты, снижая мотивацию предприятий к повышению эффективности [3].

Целью настоящего исследования является разработка концептуальных основ и практических рекомендаций по трансформации системы финансово-кредитной поддержки агропромышленных кластеров в России, адаптированной к условиям длительного сохранения повышенного уровня ключевой ставки. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ современного состояния и выявление дисфункций действующего механизма льготного кредитования; систематизация зарубежного опыта альтернативных форм финансирования кластерных структур; обоснование модели специализированных инвестиционных фондов как инструмента преодоления ограничений традиционного банковского кредитования.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Во-первых, в работе впервые комплексно рассматривается влияние высокой ключевой ставки не только на количественные параметры кредитования (объемы, стоимость), но и на качественные характеристики государственной поддержки, включая трансформацию ее целевой функции. Во-вторых, предложена авторская типология эффектов субсидируемого кредитования, выделяющая наряду с общепризнанным позитивным влиянием на доступность финансирования деструктивные эффекты «мягких бюджетных ограничений» и неблагоприятного отбора, ранее исследованные преимущественно на материалах промышленных предприятий. В-третьих, разработана и содержательно описана двухконтурная модель финансирования агрокластеров, интегрирующая краткосрочное кредитование оборотного капитала через банковскую систему и долгосрочное инвестиционное финансирование через механизмы коллективных инвестиций.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области агропромышленной кластеризации, государственной поддержки сельского хозяйства и финансовых механизмов инвестиционного обеспечения. Эмпирическую базу работы образуют статистические данные Росстата и Банка России о динамике инвестиций в основной

капитал сельскохозяйственных организаций, материалы официального мониторинга Министерства сельского хозяйства РФ по программе льготного кредитования, а также прогнозные разработки Банка России в рамках Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2026–2028 годы.

В ходе исследования применялись следующие методы: системный анализ, позволивший рассматривать совокупность финансово-кредитных механизмов как целостную систему с внутренними взаимосвязями; сравнительный анализ, использованный для сопоставления зарубежных и российских практик финансирования агрокластеров; метод экономико-статистического анализа, примененный для оценки динамики инвестиционной активности и ее взаимосвязи со стоимостью заемных ресурсов; а также метод теоретического моделирования, на основе которого разработана авторская концепция специализированных инвестиционных фондов.

Результаты и обсуждения

Агропромышленный комплекс России в 2024–2026 годах функционирует в условиях принципиально новой макроэкономической реальности. Период относительно дешевых кредитных ресурсов, обеспечивавший инвестиционный бум 2018–2023 годов, сменился фазой жесткой денежно-кредитной политики: ключевая ставка, достигнув в конце 2024 года пиковых значений, в 2025 году сохранялась в диапазоне 17–19 % годовых (рис. 1).

Проведенный анализ макроэкономической ситуации свидетельствует о переходе российской экономики к длительному периоду повышенных процентных ставок. В базовом сценарии Банка России, оцениваемом экспертами как наиболее вероятный, средняя ключевая ставка в 2025 году составит 18,8–19,6 %, в 2026 году — 12–13 %, и лишь в 2027–2028 годах ожидается ее снижение до 7,5–8,5 %, что соответствует оценке долгосрочного нейтрального уровня [8]. И даже при реализации оптимистичного сценария Центрального банка ее снижение до 12–13 % ожидается не скоро, как отмечают эксперты [9]. Для агропромышленного комплекса, традиционно характеризующегося длительными производственными циклами, высокой капиталоемкостью и значительной потребностью в оборотных средствах, удорожание заемного финансирования стало системным вызовом [1].

Альтернативные сценарии — проинфляционный и рисковый — предполагают еще более длительное сохранение двузначных значений ставки. Можно сделать вывод о том, что текущая макроэкономическая ситуация не является краткосрочной конъюнктурной флуктуацией, а представляет собой «новую нормальность», к которой должны адаптироваться все отраслевые системы государственной поддержки.

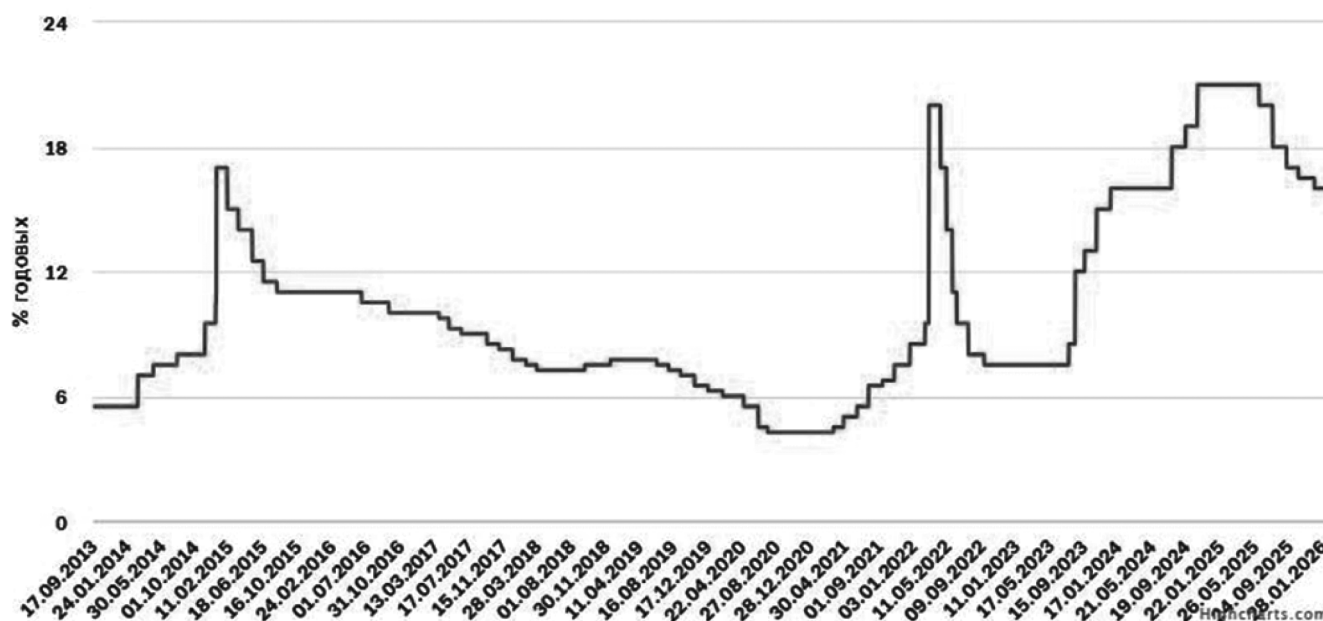

Рис. 1. Динамика ключевой ставки ЦБ РФ, % годовых

Источник: [5]

Для агропромышленного комплекса последствия данной ситуации носят системный характер. Как отмечает генеральный директор крупного агрохолдинга «Степь» А. Недужко, длительные производственные циклы в АПК требуют значительного объема оборотных средств, и высокая ключевая ставка существенно ограничивает возможности привлечения заемного финансирования даже в рамках льготных программ [1]. Аналитики подчеркивают, что для существенной активизации инвестиционных процессов необходим уровень ставки не выше 12–13 %, однако быстрое его достижение невозможно без угрозы разгона инфляции [9].

Статистические данные подтверждают наличие негативных тенденций. По информации Росстата, в 2024 году индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сельском хозяйстве снизился на 3,7 %, при этом в растениеводстве падение достигло 12% [4]. Данные за первое полугодие 2025 года свидетельствуют о сохранении указанной траектории: умеренный рост инвестиций фиксируется лишь в животноводстве, тогда как растениеводство продолжает демонстрировать сокращение капиталовложений. Показательно, что даже при наличии у крупных агрохолдингов стратегических инвестиционных планов их реализация смещается на более поздние сроки в ожидании снижения стоимости заемного капитала — ситуация, охарактеризованная экспертами как «инерционно-выжидающая» инвестиционная активность [6].

Принципиально важной является количественная оценка негативного влияния высокой ставки. По расчетам экспертов компании «Яков и Партнеры», текущий уровень ключевой ставки «вымывает» из агропромыш-

ленного комплекса от 500 до 650 миллиардов рублей ежегодно — именно на эту сумму дорожает обслуживание кредитного портфеля отрасли, оцениваемого в 6–6,5 триллиона рублей [6]. Данный эффект означает, что значительная часть операционной прибыли сельскохозяйственных организаций направляется не на инвестиции и развитие, а на компенсацию возросших процентных платежей, что даже при формальном сохранении рентабельности подрывает долгосрочный потенциал роста.

Программа льготного кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей по ставке до 5 % годовых на протяжении многих лет являлась главным и наиболее востребованным инструментом государственной поддержки АПК. Ее логика предельно прозрачна: государство субсидирует банкам разницу между рыночной и льготной ставками, обеспечивая заемщикам доступ к дешевым кредитным ресурсам. Однако в условиях высокой ключевой ставки данный механизм утрачивает свою эффективность по целому ряду причин.

Во-первых, многократно возрастает бюджетная нагрузка. Если при ключевой ставке 7,5 % субсидирование разницы до 5 % требует относительно умеренных затрат, то при ставке 18 % объем необходимых бюджетных ассигнований возрастает в 3–4 раза. В 2025 году правительство довело объем средств на эти цели до рекордных 187,7 миллиарда рублей [6], однако даже этого оказалось недостаточно для бесперебойного функционирования программы. В августе 2023 года, когда ключевая ставка была повышена до 12 %, Министерство сельского хозяйства уже было вынуждено приостанавливать прием новых заявок из-за недостатка бюджетных средств [11]. С тех пор ситуация кардинально ухудшилась.

Во-вторых, и это принципиально важный теоретический вывод, высокая ключевая ставка меняет саму экономическую природу льготного кредитования. При двузначных значениях ставки получение кредита даже под 5 % годовых становится для заемщика не столько инвестиционным решением (возможность реализовать проект с положительной чистой приведенной стоимостью), сколько вынужденной мерой поддержания текущей ликвидности. Кредиты перестают выполнять функцию расширенного воспроизводства, превращаясь в инструмент выживания. Соответственно, деградирует и целевая направленность государственной поддержки — средства, выделяемые на субсидирование, по существу, направляются не на стимулирование инвестиций, а на компенсацию предприятиям возросших финансовых издержек.

В-третьих, на эмпирическом уровне фиксируются парадоксальные эффекты, ставящие под сомнение универсальную полезность субсидируемого кредитования. Исследование Р. Васильевой, проведенное на выборке сельскохозяйственных предприятий Амурской области за 2014–2020 годы, выявило наличие отрицательной корреляции между долей банковских кредитов в пассивах и показателями совокупной факторной производительности [3]. Автор предлагает два взаимодополняющих объяснения данного феномена. С одной стороны, может иметь место неблагоприятный отбор: банковские кредиты чаще привлекаются проблемными, неэффективными предприятиями, тогда как успешные производители финансируют развитие за счет собственных средств. С другой стороны, субсидирование процентных ставок и государственные гарантии порождают эффект «мягких бюджетных ограничений»: осознавая, что государство в той или иной форме компенсирует кредитные риски, собственники и менеджмент утрачивают стимулы к повышению эффективности.

Представляется, что в условиях сверхвысокой ключевой ставки оба этих эффекта многократно усиливаются. Государство, стремясь не допустить банкротств в социально значимой отрасли, вынуждено субсидировать кредитование все более широкого круга заемщиков, включая заведомо слабых. Мягкие бюджетные ограничения становятся хроническими, формируя у части предприятий устойчивую рентоориентированную модель поведения. Более того, само существование льготных ставок в условиях, когда рыночная стоимость денег достигает 20–25% годовых, создает благоприятную среду для арбитражных стратегий: получение дешевого кредита с последующим размещением временно свободных средств на депозитах или в иные финансовые инструменты.

Таким образом, мы приходим к выводу, что традиционная модель льготного кредитования, доказавшая

свою высокую эффективность в период умеренных процентных ставок, в новой макроэкономической реальности утрачивает стимулирующий потенциал и порождает системные дисфункции. Данное обстоятельство требует не косметической корректировки параметров программы, а принципиальной реконфигурации всей системы финансово-кредитной поддержки агропромышленных кластеров.

В зарубежной практике финансирования агрокластеров накоплен значительный опыт использования инструментов, альтернативных традиционному банковскому кредитованию. Систематизация этого опыта позволяет выделить несколько перспективных направлений, адаптация которых к российским условиям представляется целесообразной.

В некоторых странах активно исследуются возможности применения краудфандинга и венчурного финансирования для поддержки агропромышленных кластеров. Данные механизмы рассматриваются как способ привлечения ресурсов в высокорисковые инновационные проекты на ранних стадиях их реализации. Показательно, что краудфандинг получил наибольшее распространение именно в развитых странах, где традиционные банковские институты не всегда готовы финансировать новые, не имеющие кредитной истории предприятия [10]. Для российских агрокластеров, особенно включающих малые и средние инновационные компании, краудфандинг мог бы стать дополнительным источником финансирования, не зависящим от колебаний ключевой ставки.

Также объектом пристального изучения является опыт функционирования крупнейших мировых агрокомплексов, в частности австралийских компаний Kidman & Co и Australian Agricultural Company, китайской Beidahuang Group, аргентинской Cresud. Особый интерес представляет практика токенизации активов, примененная австралийским Kidman & Co, а также создание аргентинской Cresud первого онлайн-агрорынка AgroU, позволившего существенно сократить издержки обращения и привлечь новых инвесторов [2]. Эти примеры демонстрируют принципиальную возможность расширения инвестиционной базы агрокластеров за пределы традиционного банковского сектора.

Однако наиболее значимым для целей настоящего исследования представляется подход, предложенный Е.Н. Сочневой и Н.И. Пыжиковой в статье, непосредственно посвященной проблемам льготного кредитования в условиях роста ключевой ставки [12]. Авторы обосновывают необходимость создания специализированных инвестиционных фондов, которые будут аккумулировать средства государственной поддержки и наращивать их в условиях повышения доходности финансовых

инструментов. Логика данного предложения заключается в следующем: в период высокой ключевой ставки традиционное банковское кредитование становится неэффективным как для заемщиков (из-за дороговизны), так и для государства (из-за огромных бюджетных затрат на субсидирование). При этом высокая ставка создает уникальные возможности для доходного размещения временно свободных средств. Инвестиционный фонд может приобретать государственные ценные бумаги или размещать депозиты под высокий процент, капитализируя выделенные бюджетные ассигнования и формируя резерв для будущего инвестиционного рывка.

Данная идея представляется исключительно плодотворной и требует дальнейшей теоретической проработки и адаптации к специфике финансирования агропромышленных кластеров. Ниже предлагается авторская модель, развивающая данный подход.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать концептуальные принципы новой модели финансово-кредитной поддержки агропромышленных кластеров в России, адекватной условиям длительного периода высокой ключевой ставки.

Первый концептуальный принцип — разделение текущего и инвестиционного финансирования. Действующая модель льготного кредитования не проводит четкого различия между краткосрочными кредитами на пополнение оборотных средств и долгосрочными инвестиционными кредитами, предоставляя и те, и другие на единых условиях под 5 % годовых. В условиях высокой ставки это неоправданно: поддержание текущей ликвидности должно осуществляться преимущественно за счет собственных средств предприятий и рыночных кредитных продуктов (возможно, с ограниченным субсидированием), тогда как государственные ресурсы следует концентрировать на стратегических инвестиционных проектах в рамках кластерного развития.

Второй концептуальный принцип — переход от субсидирования процентной ставки к прямому инвестированию. Бюджетные средства, направляемые сегодня на компенсацию банкам процентной разницы, по существу, являются «мертвым грузом»: они потребляются текущим моментом, не создавая долгосрочных активов и не формируя мультипликативного эффекта. Целесообразно трансформировать часть этих средств в капитал специализированных инвестиционных фондов, которые будут осуществлять прямое доленое и долговое финансирование кластерных проектов.

Третий концептуальный принцип — капитализация государственной поддержки в период высоких ставок. Высокая доходность инструментов финансового рынка в текущий период должна быть использована для на-

рачивания ресурсной базы инвестиционных фондов. Вместо того чтобы немедленно «сжигать» бюджетные средства в неэффективной субсидиарной схеме, их следует размещать в надежные ликвидные активы, генерирующие доходность, сопоставимую с ключевой ставкой. Накопленный инвестиционный доход позволит в будущем, при нормализации денежно-кредитной политики, осуществить масштабный инвестиционный рывок.

Четвертый концептуальный принцип — кластерная ориентация инвестиционной политики. Инвестиционные фонды должны быть не универсальными, а отраслевыми, сфокусированными на финансировании именно агропромышленных кластеров. При этом критерием предоставления поддержки должно выступать не формальное членство в кластере, а реальное участие в кооперационных цепочках, совместных инновационных проектах, создании объектов коллективной инфраструктуры. Такой подход позволит селективно поддерживать именно те объединения, которые демонстрируют признаки реальной кластеризации, а не являются «кластерами на бумаге».

На основе сформулированных принципов предлагается двухконтурная модель финансово-кредитного обеспечения агропромышленных кластеров.

Первый контур (операционный) предназначен для финансирования текущей деятельности и краткосрочных оборотных потребностей участников кластеров. Здесь сохраняется банковское кредитование, однако параметры государственной поддержки существенно корректируются. Во-первых, льготная ставка предоставляется только на ограниченный перечень целей (сезонные полевые работы, приобретение кормов, ГСМ), имеющих четко выраженный циклический характер. Во-вторых, бюджетные субсидии банкам замещаются механизмом прямых компенсаций заемщикам части процентных расходов, что повышает прозрачность и снижает риски нецелевого использования средств. В-третьих, устанавливаются количественные лимиты субсидируемого кредитования в расчете на одного заемщика, стимулирующие крупные холдинги к выходу на рыночные ставки.

Второй контур (инвестиционный) образуют специализированные отраслевые инвестиционные фонды развития агропромышленных кластеров. Данные фонды создаются в организационно-правовой форме закрытых паевых инвестиционных фондов с участием государства (федерального и региональных бюджетов) и частных инвесторов. Государственные средства вносятся в фонды в виде имущественных взносов, а не субсидий, что принципиально меняет экономическую природу поддержки — это не безвозвратные расходы, а приобретение доходных активов.

Формирование фондов целесообразно осуществлять по территориально-отраслевому принципу: например, отдельный фонд для зерновых кластеров Юга России, отдельный — для молочных кластеров Центральной части России и т.п. Это позволит учитывать региональную и отраслевую специфику, снизить информационную асимметрию между инвесторами и реципиентами, обеспечить более эффективный мониторинг реализуемых проектов.

Предполагаются следующие формы финансирования кластерных проектов фондами:

- предоставление долгосрочных займов по фиксированной ставке (6–7 % годовых) на срок до 10–15 лет;
- участие в уставном капитале специализированных проектных компаний, создаваемых для реализации конкретных инвестиционных инициатив (строительство логистических центров, заводов глубокой переработки, селекционно-семеноводческих центров);
- предоставление гарантий и поручительств по кредитам, привлекаемым участниками кластеров в коммерческих банках;
- лизинговые операции с сельскохозяйственной техникой и оборудованием.

Критически важным является положение о том, что в период высокой ключевой ставки (выше 12 %) фонды воздерживаются от активной инвестиционной деятельности, размещая временно свободные средства в высоконадежные и высокодоходные инструменты — прежде всего, в государственные ценные бумаги и депозиты Центрального банка. Доходность таких вложений по данным 2025–2026 годов может составлять 16–19 % годовых, что позволит фондам не только сохранить, но и существенно нарастить реальную стоимость переданных им государственных активов.

По мере нормализации денежно-кредитной политики и снижения ключевой ставки до уровней, обеспечивающих положительную экономическую отдачу от реальных инвестиций (ниже 10–12 %), фонды могут начать плановое развертывание инвестиционных программ. Накопленный за период высоких ставок инвестиционный доход становится источником софинансирования проектов наряду с первоначально внесенным капиталом.

Таким образом, в предложенной модели реализуется межвременной арбитраж: государственные средства привлекаются в период их низкой эффективности в реальном секторе (дорогой кредит делает инвестиции нерентабельными) и размещаются в финансовом секторе, где их эффективность максимальна; впоследствии, при улучшении условий в реальном секторе, накопленные ресурсы направляются на инвестиционные цели.

Реализация предложенной модели требует внесения изменений в нормативную правовую базу в части создания специализированных инвестиционных фондов и определения порядка управления государственными долями в них, а также перераспределения бюджетных ассигнований с текущего субсидирования процентных ставок на имущественные взносы в фонды. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методик количественной оценки оптимального объема и структуры инвестиционных портфелей фондов в зависимости от прогнозной траектории ключевой ставки, а также механизмов интеграции фондов в систему стратегического планирования развития агропромышленных кластеров на федеральном и региональном уровнях.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и рекомендации. Современный этап развития агропромышленного комплекса России характеризуется фундаментальным противоречием между стратегической значимостью кластерного подхода и прогрессирующей деградацией традиционных механизмов его финансового обеспечения. Длительный период высокой ключевой ставки трансформировал программу льготного кредитования из эффективного инструмента стимулирования инвестиций в затратный механизм поддержания текущей ликвидности, требующий все возрастающих бюджетных расходов при одновременном снижении отдачи.

Эмпирические исследования фиксируют наличие отрицательных побочных эффектов субсидируемого кредитования, включая эффекты неблагоприятного отбора и мягких бюджетных ограничений. В условиях сверхвысоких процентных ставок данные эффекты усиливаются, формируя устойчивую рентоориентированную модель поведения у части сельскохозяйственных товаропроизводителей и снижая их стимулы к повышению операционной эффективности.

Альтернативные механизмы финансирования, успешно апробированные в зарубежной практике (краудфандинг, венчурное финансирование, токенизация активов), обладают определенным потенциалом, однако не могут рассматриваться в качестве системного решения для российских агрокластеров в силу неразвитости соответствующих институтов и ограниченных масштабов привлекаемых ресурсов. Наиболее перспективным направлением трансформации системы финансово-кредитной поддержки является создание специализированных отраслевых инвестиционных фондов развития агропромышленных кластеров. Предложенная в работе двухконтурная модель, разделяющая операционное и инвестиционное финансирование и предусматриваю-

щая капитализацию государственных средств в период высокой доходности финансовых инструментов, позволяет преодолеть ключевые недостатки действующей модели. Ее преимуществами являются: снижение текущей бюджетной нагрузки; формирование долгосрочного

инвестиционного ресурса, защищенного от инфляции; создание прозрачных и экономически обоснованных критериев отбора проектов; вовлечение частного капитала в софинансирование кластерных инициатив; повышение ответственности реципиентов поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Агроинвестор»: что будет сдерживать рост агросектора в 2026 году? — Агрохолдинг «СТЕПЬ». — URL: <https://ahstep.ru/press-center/news/agroinvestor-sto-budet-sderzivat-rost-agrosektora-v-2026-godu/> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Абдиев, М.Ж., Керимбаева Т.Э. Зарубежный опыт инвестиций в сельском хозяйстве // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2024. — № 7-6. — С. 6–9. — DOI: 10.24412/2411-0450-2024-7-6-9.
3. Васильева, Р. Банковское кредитование, финансовый рычаг и производительность фермерских хозяйств: свидетельства с российского Дальнего Востока // Пространственная экономика. — 2024. — Т. 20, № 3. — С. 67–97. — DOI: 10.14530/se.2024.3.067-097.
4. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства, % к предыдущему году // ЕМИСС. Государственная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43905> (дата обращения: 15.01.2026).
5. Ключевая ставка Банка России // Официальный сайт Банка России. — URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.01.2021&UniDbQuery.To=01.01.2026 (дата обращения: 15.01.2026).
6. Кулистикова, Т.А. Инерционно выжидающие инвестиции. В АПК заявляются новые крупные проекты, но компании рассчитывают на снижение стоимости кредитов. — Агроинвестор. — URL: [https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/45291-inertsionno-vyzhidayushchie-investitsii-v-apk-zayavlyayutsyanovye-kрупnye-proekty-no-kompanii-rassch/](https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/45291-inertsionno-vyzhidayushchie-investitsii-v-apk-zayavlyayutsyanovye-kрупnye-proekty-no-kompanii-rasschityvayut-na-sнижение-stoимости-kредитов) (дата обращения: 15.01.2026).
7. Моттаева, А.Б. Актуальные тенденции кластерного развития промышленности в Российской Федерации // E-Management. — 2025. — Т. 8, №3. — С. 44–62.
8. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2026 год и период 2027 и 2028 годов // Официальный сайт Банка России. — URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkr/on_2026_2028/ (дата обращения: 15.01.2026).
9. Ставка давит на инвестиции. Какие макроэкономические факторы сдерживают рост агросектора // Агроинвестор. — URL: <https://www.agroinvestor.ru/investments/article/44939-stavka-davit-na-investitsii-kakie-makroekonomicheskie-factory%EF%BF%BEsderzhivayut-rost-agrosektora/> (дата обращения: 15.01.2026).
10. Botirov, E.K. New model of sustainable financing of agro cluster // International Journal of Management and Economics Fundamental. — 2024. — Vol. 4, Issue 6. — pp. 50–61. — DOI: 10.37547/ijmef/Volume04Issue06-08
11. Russian Agriculture Ministry hopes to find solution soon to continue preferential lending to the industry // Interfax. — URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/93656/> (дата обращения: 15.01.2026).
12. Sochneva, E.N., Pyzhikova N.I. Preferential lending to agricultural producers in the context of rising key rates // Economics of Agriculture of Russia. — 2025. — № 5. — pp. 30–40. — DOI: 10.32651/255-30.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЛИЧНЫМИ ФИНАНСАМИ

PERSONAL FINANCE MANAGEMENT SYSTEM

V. Nezamaikin
A. Osipovskaya

Summary. This article describes personal financial management from a systems perspective. The basic elements of a management system—object and subject—are identified. Financial resources are the object of management, and the management process addresses the formation and use of financial resources. A key characteristic of management is that it is performed by the individual. Decision-making is influenced by numerous factors, including psychological ones. The content of management is revealed through functions, which are specifically defined for personal finances. Information, financial instruments and methods, as well as software products and services, are considered as elements of the system.

Keywords: personal finance, management, financial instruments and methods, information, financial services.

Незаймакин Валерий Николаевич

доктор экономических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
nezamaikinvn@mail.ru

Осиповская Анна Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
remizav14@gmail.com

Аннотация. В статье дана характеристика управления личными финансами с точки зрения системного подхода. Выделены базовые элементы системы управления — объект и субъект. Объектом управления выступают финансовые ресурсы, в процессе управления решаются задачи по формированию и использованию финансовых ресурсов. Специфика управления заключается в том, что управление осуществляет сам индивид. На принятие решений влияют многочисленные факторы, в числе которых особенно отметим психологические. Содержание управления раскрывается через функции, которые конкретизируются применительно к личным финансам. В качестве элементов системы рассмотрены информация, финансовые инструменты и методы, а также программные продукты и сервисы.

Ключевые слова: личные финансы, управление, финансовые инструменты и методы, информация, финансовые сервисы.

Вопросы организации и управления личными финансами вызывают большой интерес в обществе и научной среде. Можно выделить несколько векторов исследований в этом направлении. Чаще всего управление личными финансами связывают с инвестициями и сбережениями и исследуют в контексте финансовых инструментов [1,7,13]. Значительное внимание уделяется вопросам цифровизации и повышению качества управления личными финансами на этой основе [2,4,5].

Следует отметить, что сам термин «личные финансы» является дискуссионным. В учебной и научной литературе встречаются следующие понятия: личные финансы, финансы домохозяйств, персональные финансы, финансы граждан, финансы населения. До сих пор не сложилось однозначной трактовки этих понятий и их соотношения. В данном исследовании мы будем рассматривать личные финансы как систему денежных отношений по формированию и использованию финансовых ресурсов индивидов в соответствии с их решениями.

Управление представляет собой совокупность приемов и методов целенаправленного воздействия на объект для достижения поставленной цели или определенного результата. Таким образом, управление личными

финансами можно рассматривать как процесс целенаправленного воздействия с помощью специальных приемов и методов на персональные (личные) финансовые ресурсы для реализации целей и задач индивидов.

Управление финансами связано с принятием определенных решений.

Экономические и финансовые решения зависят от многих факторов, которые можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним относят уровень доходов, текущие и перспективные цели, склонность к риску, психологические факторы, которые мы обсудим далее. И, безусловно, значимым фактором являются условия внешней среды. Состояние экономики, уровень безработицы, инфляция, экономическая и политическая стабильность формируют базу для принятия решений и экономического поведения. Для оценки и прогнозирования экономического поведения домохозяйств используется индекс потребительского настроения. Его измерение было начато в 1952 году в США.

Считается, что на ИПН оказывают заметное влияние уровень инфляции, динамика курсов ценных бумаг, ситуация с занятостью и общая ситуация в экономике. В на-

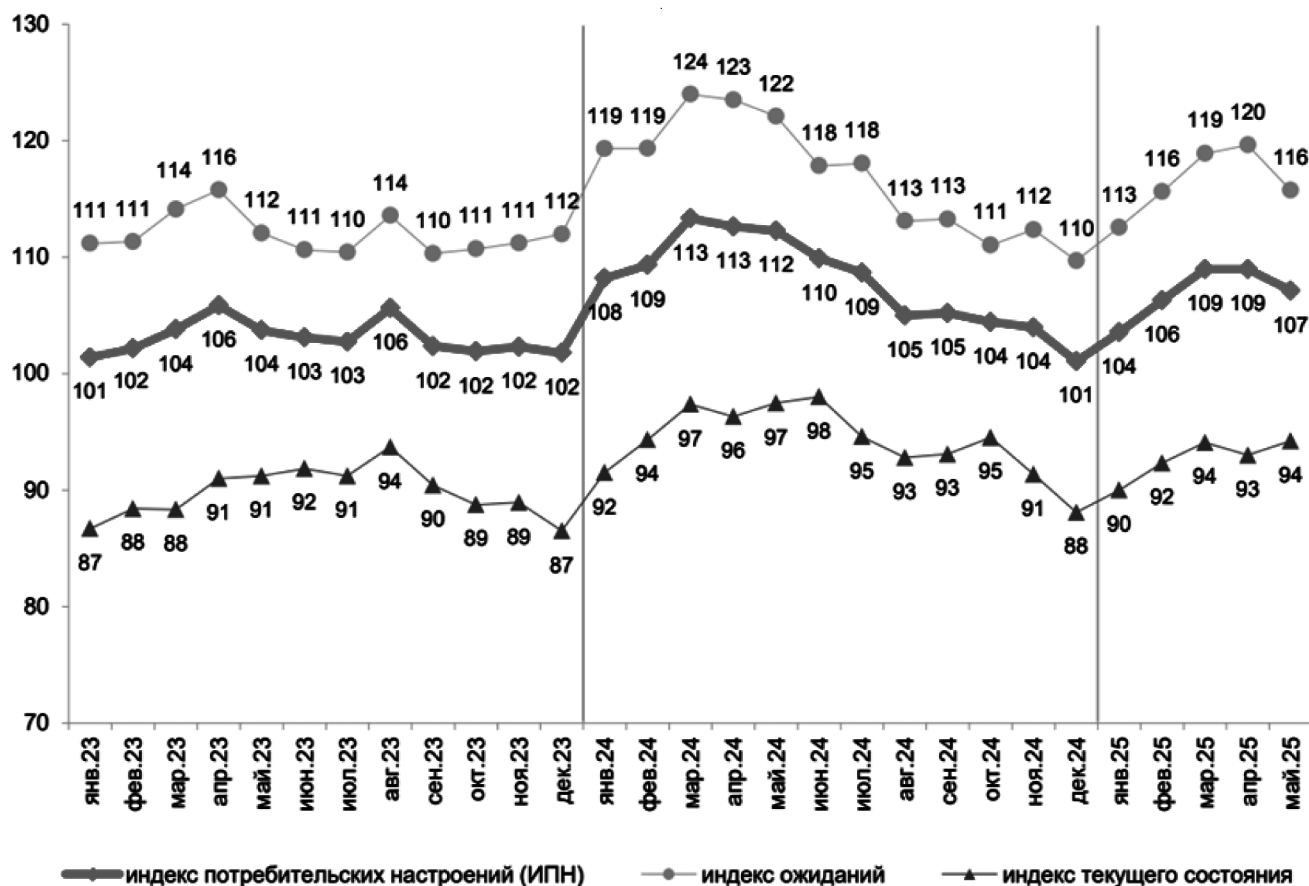

Рис. 1. Динамика индекса потребительских настроений

Источник: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/57264/inFOM_25-09.pdf

шей стране измерение индикатора началось с 2009 года. Сейчас проводятся регулярные мониторинги ООО «ИН-ФОМ» по заказу Банка России. Динамика индекса потребительских настроений представлена на рисунке 1. Снижение индекса свидетельствует об ухудшении ожиданий населения и снижении потребительской активности.

Данные свидетельствуют о снижении индекса в мае по сравнению с предыдущим месяцем. Представленные данные демонстрируют также интересную закономерность: ИПН растет в первой половине года и начинает снижаться во второй половине года.

Управление финансами предполагает выполнение ряда функций. В соответствии с современной теорией управления к ним относят: планирование, организацию, мотивацию и контроль.

Применительно к личным финансам функции управления можно конкретизировать следующим образом:

- функция планирования (учет предполагаемых условий и ситуаций на необходимый период времени, персональных возможностей и ограничений, определение альтернатив и анализ их возможных достоинств). Надо отметить, что планирование на-

чинается с определения цели с учетом семейных ценностей и текущих и долгосрочных задач.

- функция организации предполагает принятие решений (желание и способность сделать обоснованный выбор, рассмотреть альтернативы) и непосредственное выполнение;
- функция контроля и подведения итогов (анализ сложившейся ситуации и последующей ситуации в достижении поставленных целей). Следует отметить, что при управлении личными финансами функция контроля реализуется как самоконтроль, либо может отсутствовать, что связано с особенностями организации личных финансов.

Необходимость управления финансами связана с множеством факторов, влияющих на деятельность экономических субъектов, возникающими рисками, многообразием отношений и взаимосвязей между ними.

Систему управления финансами можно представить следующим образом (рис. 2).

В системе личных финансов субъектом управления выступает непосредственно сам индивид, принимающий те или иные решения с учетом знаний, опыта, фи-

Рис. 2. Система управления финансами

Источник: составлено авторами

нансовой грамотности. В качестве базовых теорий поведения индивида можно выделить неоклассическую и институциональную теории. В рамках неоклассической теории индивид рассматривается как хозяйствующий субъект, действующий рационально. Его цель — максимизация полезности в условиях ограниченного дохода (бюджетных ограничений) [10]. В рамках институционального подхода большое внимание уделяется внутренним факторам, целям и мотивам деятельности. Индивид «вписан» в социальную структуру. Признается несовершенство когнитивных способностей индивида, неопределенность рассматривается как важнейшая характеристика внешней среды. В последние десятилетия исследования поведения потребителя сместились в область психологии и социологии, стали развиваться такие научные направления как поведенческая экономика и поведенческие финансы. В соответствии с теорией «поведенческой экономики» (behavioral economics «бихевиоральной экономики») Д. Канемана и А. Тверски в реальной жизни индивиду приходится принимать потребительские решения в условиях риска, когда необходимо делать выбор из нескольких вариантов, результаты которого невозможно предсказать [6]. Взгляд в исследованиях переместился на мотивы, установки, особенности восприятия информации, влияющие на принятие решений. Было выделены психологические эффекты в поведении человека, которые базируются на когнитивных искажениях. Таким образом, экономическое и (финансовое) поведение и принятие решений представляет собой сложный (с точки зрения его точного понимания) процесс, который находится под влиянием целого комплекса многообразных факторов. Что же касается принятия решений, то, согласно теории «эффективности эвристических правил» Г. Гигеренцера и К. Гольдштейна

потребители предпочитают менее трудоемкие пути принятия решений. [12]

Основой для принятия решений служит информация. Информация включает нормативно-правовую базу, справочную и статистическую информацию, данные финансовой отчетности, несистемную информацию из разных источников. Мы знаем, что информация в современном мире является важнейшим ресурсом, позволяя делать обоснованный выбор и принимать взвешенные экономические и финансовые решения. Особенно это актуально для финансового рынка. «Финансовый рынок и есть по сути, рынок информации...» — приводят в своей статье суждение В.Д. Миловидова Иваницкий В.П. и Татьянников В.А. [3]

Асимметрия информации и недостоверность сведений могут вести к серьезным последствиям для рынка и его участников. [9].

Управление финансами осуществляется с использованием финансовых инструментов и методов. В настоящее время существуют различные точки зрения и подходы к определению финансового инструмента. Финансовые инструменты можно рассматривать на основании их состава, выполняемых функций и как объект договорных отношений [14]. Чаще всего финансовые инструменты трактуют как активы [11]. В «Современном экономическом словаре» под редакцией Б.А. Райзберга финансовые инструменты определяются как финансовые документы, продажа или передача которых обеспечивает образование финансовых ресурсов¹. Обратим

¹ Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг. — М.: ИНФРА-М, 2011. — 512 с.

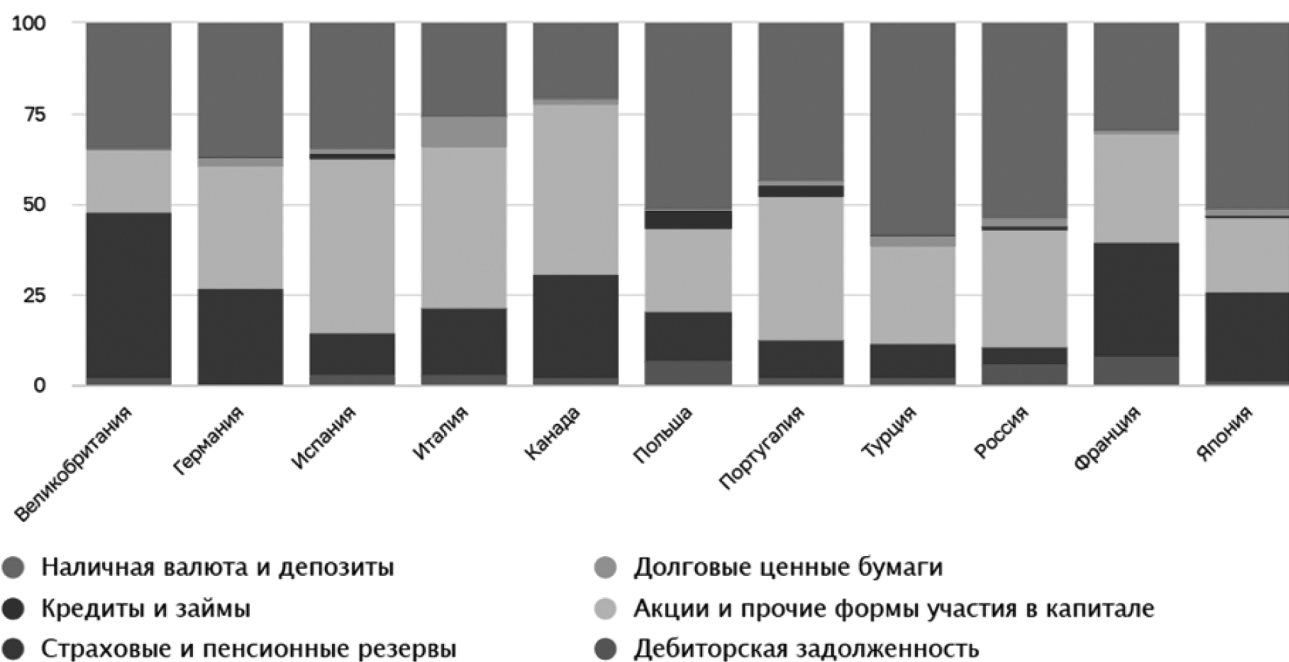

Рис. 3. Структура финансовых активов домашних хозяйств по странам на 01.07.2025 (балансы, %)

Источник: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/households/hh/

внимание, что финансовые инструменты могут быть представлены активами и пассивами. Учитывая многообразие подходов к определению термина «финансовый инструмент» будем трактовать финансовый инструмент как документ (договор или контракт), содержащий определенные договорные обязательства или предоставляющий определенные права. С точки зрения состава к финансовым инструментам относятся деньги (валюта), ценные бумаги.

В управлении личными финансами могут использоваться различные финансовые инструменты. Самым популярным у населения является банковский вклад (депозит). Такое предпочтение среди россиян определяется его преимуществами и, на наш взгляд, культурной традицией. Различия в использовании инструментов сбережений по странам можем увидеть на рисунке 3.

Вклады и наличная валюта составляют более 50 % в структуре активов домохозяйств. К преимуществам вклада относятся: простота и понятность, доступность (минимальная сумма для открытия от 10 000 руб.), гарантированная доходность, низкий риск, возмещение вклада по системе страхования вкладов в сумме до 1,4 млн руб. Банковские вклады являются преимущественно инструментом сбережения, в отличие от ценных бумаг. Ценные бумаги позволяют получить более высокий доход, но вложения в них связаны с более высокими рисками. Инвестировать в ценные бумаги граждане могут самостоятельно через брокерский счет или ИИС. Еще один вариант — передать средства в доверительное управление. Можно купить пай ПИФа, что для непрофессионала

является предпочтительным вариантом. Инвестиционные фонды (по-разному определяются и регулируются в разных странах) изначально создавались как институты коллективного инвестирования с целью привлечения на фондовый рынок частных инвесторов. Фонд берет на себя обязательства по формированию и управлению портфелем, задача инвестора — грамотно подойти к выбору фонда.

С 1 Января 2024 года в России заработала Программа долгосрочных сбережений, которая нацелена на стимулирование формирования гражданами долгосрочных накоплений. Вступая в Программу, гражданин должен заключить договор с НПФ. Накопленные средства можно будет потратить на различные цели, в том числе на дополнительную выплату к пенсии. Выплаты можно получить при определенных условиях: через 15 лет после заключения договора, по достижении определенного возраста или в особой жизненной ситуации. Программа предполагает поддержку государством сбережений через софинансирование взносов, которое осуществляется с учетом ряда условий: дохода вкладчика и размера ежегодных взносов в ПДС (не менее 2 тыс. руб.). На конец мая 2025 г. было заключено 5 млн договоров на общую сумму 365 млрд руб. [8]

Инструментами, объединяющими страховую защиту и возможность накопления средств, является накопительное и инвестиционное страхование жизни. Кроме того, в 2023 году был принят законопроект о долевом страховании жизни (ДСЖ). Часть страховой премии по ДСЖ направляется на приобретение инвестиционных

паев. Но эти инструменты остаются пока недостаточно востребованными.

Управление финансами включает также финансовые методы, к которым относят кредитование, страхование, налогообложение и др. Кредитование позволяет населению привлечь финансовые ресурсы для решения текущих и стратегических задач при недостатке собственных средств. Повышая уровень жизни в текущем моменте, потребительский кредит ложится бременем на заемщика, сокращая его располагаемые доходы. Динамика рынка потребительского кредитования свидетельствует об активном использовании населением кредитов. По данным на июль 2025 г. кредиты имело почти 50 млн человек, около 10 млн из них — ипотечные кредиты. С учетом цен на жилье (особенно в крупных городах) ипотечное кредитование становится практически единственной возможностью для приобретения жилья. Кроме решения жилищного вопроса кредиты брались на покупку автомобиля, ремонт жилья, электронику и бытовую технику, путешествия. Кредитование требует взвешенного и обоснованного подхода, так как чрезмерная долговая нагрузка может привести к ухудшению финансового положения и банкротству заемщика. В 2024 году было проведено почти 432 тыс. процедур о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина (в 2023 — 349 тыс. процедур). Текущая ситуация характеризуется ростом закредитованности населения, как свидетельствуют данные Банка России на заемщиков, имеющих 3 и более кредитов, приходится 49 % задолженности. А это создает риски не только для заемщика, но и для банковского сектора в целом.

Страхование является способом снижения личных и имущественных рисков, позволяя получить возмещение при наступлении страхового случая. Кроме того, продукты страхования жизни позволяют также накопить средства, их мы рассматривали выше. Отметим, что страхование не является востребованным методом в управлении личными финансами в нашей стране по сравнению с кредитованием. По данным объединенного кредитного бюро (ОКБ) объем потребительских кредитов, выданных в первом квартале 2025 г. составил 1,86 триллиона руб., совокупные сборы по ИСЖ и НСЖ — 436,1 млрд руб.² Налогообложение выступает

в первую очередь методом государственного регулирования через личные и имущественные налоги. Однако грамотные финансовые решения позволяют оптимизировать налоговую нагрузку, своевременная уплата налогов — избежать пеней. Кроме того, есть возможность получения налоговых вычетов. Для использования этих методов необходимы знания, финансовая грамотность.

Помочь в управлении финансами могут различные финансовые сервисы и программы. Например, сервисы Cash Organizer, Wallet, Дзен Мани, Monefy делают процесс управления финансами легким и простым. Банки также предлагают приложения, позволяющие вести учет и анализ доходов и расходов. Особо хочется отметить приложение Т-Банка, которое содержит уникальный сервис «Финансовое здоровье», предоставляющий информацию для принятия осознанных финансовых решений. Результаты исследований НАФИ показывают, что всего 7 % респондентов используют специальные сервисы и программы в управлении финансами. А это свидетельствует о недостаточном уровне финансовых знаний у населения.

Подводя итог, отметим, что рассмотрение управления личными финансами как системы позволяет четко структурировать элементы и выделить наряду с общими элементами, присущими управлению финансами, особенности, свойственные личным финансам:

- отсутствие четкой регламентации управления и учета;
- наименьшее регулирование со стороны государства по сравнению с другими сферами финансов;
- подчиненность экономических задач цели, имеющей социальную составляющую. Не просто рост доходов, а повышение уровня жизни: доступ к качественным медицинским услугам, хорошее образование и т.д.;
- отсутствие обязательности профессиональных знаний и образования, что создает трудности в управлении финансами. И это позволяет выделить в качестве важной составляющей управления финансами финансовую грамотность.

² Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55943/review_insure_25Q1.pdf

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдураимова Э.Д. Инвестиционная стратегия как способ управления личными финансами // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. — 2022. — № 2(76). — С. 10–13.
2. Григорьева Л.В. Стратегические приоритеты повышения качества управления личными финансами населением в условиях цифровизации// Тенденции и перспективы развития финансов в условиях цифровизации: Материалы II Международной научно-практической интернет-конференции. Донецк. — 2025. — С. 430–435.
3. Иваницкий В.П., Татьянников В.А. Информационная асимметрия на финансовых рынках. Вызовы и угрозы // Экономика региона. — 2018. — Т.14. — вып. 4. — С. 1156–1167.
4. Качанова Л.С., Плакса М.А. Кастомизация информационных продуктов управления личными финансами граждан как средство обеспечения экономической безопасности домохозяйств // Экономика и предпринимательство. — 2025. — №6. — С.1417–1425.
5. Маленкина Т.М., Поняева Е.В. Цифровизация управления личными финансами // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. — 2024. — №1. — С. 77–81.
6. Нифаева О.В. Роль экономической теории, психологии и этики в исследовании поведения потребителей // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сборник научных статей. Часть VII. Москва: Издательство «Перо» (Москва). — 2021. — С. 29–33.
7. Преснякова Д.В., Галицких В.Н., Преснякова А.А. Управление личными финансами с использованием страхования и инвестирования // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — Том 5. — № 2 (143) — С. 112–117.
8. Сахапова Г. Инструменты трансформации сбережений домохозяйств в инвестиционный ресурс // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2025. — № 6 (186). — С. 165–169. DOI: 10.34773/EU.2025.6.29
9. Сейидли У.А. Распространение заведомо ложных сведений как способ манипулирования рынком ценных бумаг в Российской Федерации // Информационное право. — 2025. — №2 (84). — С. 21–23.
10. Сафиуллин Л.Н., Сахбиева А.И., Нестерова О.А. Потребительское поведение в теории рационального выбора и мотивы иррациональности // Креативная экономика. — 2023. — Т. 17. — № 9. — С. 3201–3216.
11. Фабоцци Ф. Финансовые инструменты. М.: Эксмо, 2010. — 864 с.
12. Хасанова Л.В., Ференц Е.А. Новые факторы потребительского поведения// Наукосфера: Экономические науки. — 2022. — №4. — с.383–393.
13. Шарифов Ф.И. Финансовые инструменты, способы сохранения и приумножения своих средств в вопросах управления личными финансами // Современные вызовы и тренды в повышении финансовой грамотности и защиты прав потребителей финансовых услуг: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию Института развития образования Республики Башкортостан. В 2-х томах. Уфа. — 2022. — С.78–80.
14. Моради Сани Н.П. Финансовые инструменты: теоретические подходы к определению их сущности// Банкаўскі веснік, ЧЭРВЕНЬ. — 2018. — С. 52–59.

© Незамайкин Валерий Николаевич (nezamaikinvn@mailru); Осиповская Анна Валерьевна (remizav14@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОПТИМИЗАЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ НА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Ноздрин Вадим Станиславович

кандидат технических наук, доцент, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
novastan@rambler.ru

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MACHINE LEARNING IN OPTIMIZING PLANNING AT RUSSIAN ENTERPRISES

V. Nozdrin

Summary. The article examines the role of artificial intelligence and machine learning technologies in optimizing planning processes at Russian industrial enterprises in the context of the digital transformation of the economy. The relevance of the study is due to the need to improve the efficiency of production planning in the context of import substitution and sanctions restrictions that require the most rational use of resources. The purpose of the research is a systematic analysis of the role of artificial intelligence and machine learning technologies in optimizing planning processes at Russian enterprises, identifying areas of application, quantifying the effects achieved and systematizing the problems of implementation. Based on the analysis of scientific literature and empirical data, the main areas of application of artificial intelligence in planning have been identified: demand forecasting, optimization of production schedules, inventory management, and multi-criteria optimization of output. It is shown that the introduction of artificial intelligence-based systems makes it possible to increase labor productivity, reduce production costs, reduce equipment downtime, and improve forecasting accuracy. Practical cases of Russian enterprises are systematized, including the experience of Magnitogorsk Iron and Steel Works, Norilsk Nickel, as well as developments by GoodsForecast and the Moscow Aviation Institute. The main problems of implementation have been identified: the quality of the source data, the shortage of qualified personnel, integration with existing IT systems, and resistance to organizational change. The conclusion about the need for an integrated approach to the digital transformation of planning, combining technological, organizational and personnel aspects, is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, machine learning, planning, optimization, digital transformation, forecasting.

Аннотация. В статье исследуется роль технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в оптимизации процессов планирования на российских промышленных предприятиях в условиях цифровой трансформации экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности производственного планирования в условиях импортозамещения и санкционных ограничений, требующих максимально рационального использования ресурсов. Цель исследования заключается в системном анализе роли технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в оптимизации процессов планирования на российских предприятиях, выявлении направлений применения, количественной оценке достигаемых эффектов и систематизации проблем внедрения. На основе анализа научной литературы и эмпирических данных выявлены основные направления применения искусственного интеллекта в планировании: прогнозирование спроса, оптимизация производственных расписаний, управление запасами, многокритериальная оптимизация выпуска продукции. Показано, что внедрение систем на базе искусственного интеллекта позволяет повысить производительность труда, снизить производственные затраты, сократить время простоев оборудования и повысить точность прогнозирования. Систематизированы практические кейсы российских предприятий, включая опыт Магнитогорского металлургического комбината, Норникеля, а также разработки компании GoodsForecast и Московского авиационного института. Выявлены основные проблемы внедрения: качество исходных данных, дефицит квалифицированных кадров, интеграция с существующими ИТ-системами, сопротивление организационным изменениям. Обоснован вывод о необходимости комплексного подхода к цифровой трансформации планирования, сочетающего технологические, организационные и кадровые аспекты.

Ключевые слова: искусственный интеллект, машинное обучение, планирование, оптимизация, цифровая трансформация, прогнозирование.

Введение

В современной экономической реальности, характеризующейся высокой волатильностью рынков, санкционным давлением и необходимостью ускоренного импортозамещения, эффективность производственного планирования становится критическим фактором конкурентоспособности российских предприятий. Традиционные методы планирования, основанные на ручных расчетах и интуитивных решениях, перестают

отвечать требованиям динамично меняющейся среды. Как справедливо отмечается в научной литературе, в условиях неопределенности спроса, вызванной экономическими, социальными и политическими изменениями, особую актуальность приобретают инструменты, способные обеспечить гибкое реагирование на рыночные изменения, снижение рисков недопроизводства или перепроизводства, а также повышение конкурентоспособности предприятий [4].

Актуальность темы исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, в России принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, в которой определены основные направления развития технологий ИИ, принципы развития, цели и задачи [1]. Президент РФ неоднократно подчеркивал необходимость повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных для цифровой трансформации страны.

Во-вторых, российские предприятия, осознавая необходимость повышения эффективности, активно внедряют решения на базе ИИ и машинного обучения. Например, по данным Магнитогорского металлургического комбината, из 95 реализованных цифровых проектов 51 (более половины) используют технологии искусственного интеллекта, что отражает глобальный тренд, согласно которому ИИ играет ведущую роль в цифровой трансформации промышленности [6].

В-третьих, несмотря на растущее количество публикаций, посвященных применению ИИ в промышленности, недостаточно систематизирован российский опыт, отсутствуют обобщенные количественные оценки эффектов от внедрения таких систем, а также не в полной мере выявлены барьеры и ограничения, характерные для отечественных предприятий.

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе роли технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в оптимизации процессов планирования на российских предприятиях, выявлении направлений применения, количественной оценке достигаемых эффектов и систематизации проблем внедрения.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения теории управления, концепции цифровой трансформации, а также современные разработки в области применения искусственного интеллекта и машинного обучения в промышленности. Эмпирическую базу работы образуют научные публикации российских авторов по проблемам применения ИИ в планировании, включая статьи в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ и международных базах данных. В процессе исследования применялись следующие методы: системный анализ, сравнительный анализ, метод теоретического обобщения и синтеза, кейс-стади для углубленного изучения практического опыта российских предприятий.

Результаты и обсуждения

Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, позволяющий ими-

тировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [7]. В контексте производственного планирования основное значение имеют такие направления ИИ, как машинное обучение, нейронные сети, генетические алгоритмы и экспертные системы.

Как отмечается в исследовании А.В. Демышев, Д.В. Целищев, С.В. Вологдин, в условиях неопределенности спроса, вызванной экономическими, социальными и политическими изменениями, особую актуальность приобретают методы многокритериальной оптимизации, позволяющие учитывать несколько противоречивых целей одновременно [4]. Авторы предлагают подход к решению задачи многокритериальной оптимизации с использованием генетического алгоритма, являющегося одним из методов, используемых в области искусственного интеллекта для решения сложных оптимизационных и поисковых задач. Разработанный программный прототип обеспечивает возможности ввода параметров ресурсов, объемов производства, а также выбора критериев оптимизации, способствуя гибкому реагированию на рыночные изменения.

Исследование В.Р. Александров, С.И. Аневский, О.А. Минаева описывает метод, позволяющий использовать искусственные нейронные сети для обеспечения организации производства и управления качеством при выполнении производственных программ предприятия на основе планирования объемов основных ресурсов [2]. На экспериментальных данных показано, что методы искусственного интеллекта могут быть использованы также для поддержки принятия управленческих решений как на уровне руководства предприятия в целом, так и на уровне руководителей подразделений.

Систематизация научной литературы и практических кейсов позволяет выделить несколько направлений применения ИИ и машинного обучения в процессах планирования на российских предприятиях.

Прогнозирование спроса является одним из наиболее востребованных направлений. К примеру, компания GoodsForecast разрабатывает и внедряет решения для бизнес-планирования. Система позволяет строить прогнозы спроса с учетом иерархии продукции, географической разбивки, каналов сбыта, а также таких факторов, как праздники, сезонность, особые паттерны спроса в выходные дни. По оценкам компании, внедрение системы позволяет повысить точность прогнозирования на 15–20 %, увеличить выручку на несколько процентов за счет более точного планирования, а рентабельность производственных компаний повышается в среднем

на 5 % благодаря точному планированию объемов и графиков [11].

Оптимизация производственных расписаний представляет собой сложную задачу, требующую учета множества факторов: загрузки оборудования, графиков работы и квалификации персонала, сроков поставки материалов, требований к качеству продукции.

В Московском авиационном институте разработана интеллектуальная система управления производством Smart Planner, способная охватывать весь производственный процесс — от закупки сырья до выпуска готовой продукции [12]. Система может строить планы на любые временные горизонты: от долгосрочных (на год или квартал) до оперативных (на каждую смену). Важным преимуществом является гибкость: система быстро перестраивает планы при возникновении непредвиденных обстоятельств, таких как задержки поставок. В настоящее время разрабатывается модуль предиктивной аналитики, который будет прогнозировать возможные проблемы в производственном процессе и предлагать оптимальные решения.

Многокритериальная оптимизация выпуска продукции рассматривается в работе А.В. Демышев, Д.В. Целищев, С.В. Вологдин на примере машиностроительного предприятия [4]. Авторы учитывают два критерия: выполнение договорных обязательств и максимизацию доходов от продаж. Предложенное решение, реализованное на языке Java с применением генетического алгоритма, позволяет находить оптимальные компромиссы между противоречивыми целями. Проведенное опытное тестирование подтвердило корректность работы применяемого алгоритма по сравнению с расчетами в MS Excel.

Далее рассмотрим управление качеством и предотвращение отклонений. На Магнитогорском металлургическом комбинате внедрена система динамического управления производственными рисками, которая выявляет нештатные режимы работы и производственные ситуации с отклонениями от технологических параметров [6]. При высоком риске несоответствующего производства система оповещает специалистов, автоматически формирует интерактивную технологическую карту и корректирует производственный процесс. Эти процедуры осуществляются с помощью предиктивной аналитики и адаптивной системы управления. Проект реализован на всех основных производственных участках комбината.

Также с помощью ИИ осуществляется оптимизация технологических процессов. На Талнахской обогатительной фабрике Норникеля внедрена система оптимизации производства на базе машинного обучения для задач

управления флотацией. Используется гибридный формат моделирования, объединяющий результаты упрощенных физико-математических моделей и машинного обучения, управление на основе прогнозных данных (Model Predictive Control). Результатом внедрения к концу 2024 года стало повышение сквозного извлечения никеля на 0,36 % (отн.) и меди на 0,16 % (отн.) в коллективный концентрат, а также стабилизация процессов флотации в условиях изменчивости руды [10].

Обобщение данных из различных источников позволяет представить количественные оценки эффектов от внедрения технологий ИИ и машинного обучения в процессы планирования на российских предприятиях.

Исследование Н. В. Кучковской, посвященное оценке экономической эффективности использования ИИ и больших данных в управлении производственными процессами, проведенное на выборке 50 крупных российских промышленных компаний за период 2017–2021 годов, показало, что применение ИИ и больших данных позволяет в среднем повысить производительность труда на 12,4 %, снизить производственные затраты на 9,6 % и уменьшить простои оборудования на 14,2 % [5].

Исследование Т.В. Братчук, основанное на данных 120 предприятий различных отраслей за период 2018–2022 годов, позволило построить прогнозные модели, оценивающие потенциал повышения производительности труда на 18–25 %, снижения затрат на 10–15 % и улучшения качества продукции на 12–20 % [3]. При этом показано, что максимальный эффект достигается при комплексном использовании ИИ и больших данных на всех этапах производственного цикла.

Исследование Трифонова, основанное на массивах сенсорных, операционных и бизнес-данных (N = 5,6 млн записей) от 12 предприятий из 5 отраслей за 2019–2023 годы, позволило выявить статистически значимые предикторы эффективности производства и построить высокоточные (F1 = 0,91) модели классификации [8].

Опыт Магнитогорского металлургического комбината демонстрирует, что внедрение 95 цифровых проектов с инвестициями 3,9 млрд рублей обеспечило ожидаемую экономию 6,8 млрд рублей к концу 2025 года при среднем сроке окупаемости 2,4 года [6]. Наибольший экономический эффект дала система «Оптимальный чугун», направленная на оптимизацию цепочки аглодоменного производства, а также внедрение системы планирования на основе оптимизации.

Несмотря на значительный потенциал, внедрение систем планирования на базе ИИ и машинного обучения сопряжено с серьезными проблемами, характерными для российских предприятий. Качество исходных дан-

ных является критическим фактором успеха. Как отмечают представители компании GoodsForecast, в каждом проекте они сталкиваются с проблемой качества данных клиента в той или иной форме. Только при наличии качественных данных на входе система может корректно работать, рассчитывая точные прогнозы и формируя реалистичные производственные планы. Автоматизация эффективна лишь тогда, когда процессы уже хорошо выстроены и логичны — «можно автоматизировать беспорядок, но это не даст нужных результатов» [11].

Интеграция с существующими ИТ-системами представляет собой сложную техническую задачу. Разработчики Smart Planner подчеркивают, что система может быть легко интегрирована с существующими ИТ-решениями предприятия [12], однако на практике такая интеграция требует значительных усилий и времени.

Кроме того, существует дефицит квалифицированных кадров. Исследователи отмечают, что основными факторами, определяющими эффективность внедрения ИИ, являются уровень цифровизации, качество данных и квалификация персонала [3, 5]. В России наблюдается острый дефицит специалистов, обладающих одновременно компетенциями в предметной области и знаниями в сфере машинного обучения.

Также следует рассмотреть такую проблему, как сопротивление организационным изменениям. Внедрение интеллектуальных систем планирования неизбежно меняет роли и функции сотрудников. Как отмечается в исследовании Н.А. Ребус, И.Г. Благовещенский, О.В. Ратанова, Ф.А. Мастяев, совместная работа человека и ИИ может быть намного эффективнее, чем работа каждого по отдельности: ИИ лучше распознает образы, работает с текстами, проводит анализ, а человек лидирует в сложных задачах, требующих интуитивного понимания контекста, креативности, адаптивности к неожиданным ситуациям [7]. Однако выстраивание эффективного взаимодействия требует времени и целенаправленных усилий.

Анализ российского опыта позволяет выделить перспективные направления развития применения ИИ и машинного обучения в планировании.

Во-первых, развитие гибридных моделей, сочетающих физико-математическое моделирование и машинное обучение. Во-вторых, создание цифровых двойников производственных процессов и ассистен-

тов операторов. В-третьих, развитие систем с обратной связью и самообучением. Разработчики Smart Planner работают над механизмами адаптивного управления: система будет учиться настраиваться на основе обратной связи от пользователей, что сделает ее еще более гибкой и удобной [12].

В-четвертых, расширение использования графовых нейронных сетей для анализа структуры изделий и автоматизации технологической подготовки производства. Исследователи из МГТУ «Станкин» и НИТУ МИСИС разработали интеллектуальную систему подбора технологических маршрутов на основе графовой нейросети, позволяющую формализовать конструкцию изделия в машиночитаемом виде и автоматически подбирать шаблоны обработки [9].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения играют важную роль в оптимизации процессов планирования на российских предприятиях, обеспечивая переход от традиционных методов к интеллектуальным системам, способным учитывать множество факторов и быстро адаптироваться к изменениям внешней среды. Основными направлениями применения выступают прогнозирование спроса, оптимизация производственных расписаний, многокритериальная оптимизация выпуска продукции, управление качеством и предотвращение отклонений, оптимизация технологических процессов.

Количественная оценка эффектов от внедрения ИИ, полученная на основе анализа данных российских предприятий, демонстрирует значительный потенциал: повышение производительности труда, снижение производственных затрат, сокращение простоев оборудования, повышение точности прогнозирования, улучшение извлечения металлов в горнорудной промышленности. Вместе с тем внедрение интеллектуальных систем планирования сопряжено с серьезными проблемами: качество исходных данных, интеграция с существующими ИТ-системами, дефицит квалифицированных кадров, сопротивление организационным изменениям. Успешное преодоление этих барьеров требует комплексного подхода, сочетающего технологические, организационные и кадровые аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
2. Александров, В.Р., Аневский С.И., Минаева О.А. и др. Планирование производственных ресурсов на основе методов искусственного интеллекта // Автоматизация в промышленности. — 2024. — № 2. — С. 36–39. DOI: 10.25728/avtprom.2024.02.10.
3. Братчук, Т.В. Исследование комплексного влияния искусственного интеллекта и больших данных на оптимизацию процессов промышленного производства // КШП-ОМД. — 2024. — №12. — С. 51–58.
4. Демьшев, А.В., Целищев Д.В., Вологдин С.В. Применение искусственного интеллекта в стратегическом управлении на производственном предприятии: разработка программного модуля для многокритериальной оптимизации выпуска продукции // Интеллектуальные системы в производстве. — 2025. — Т. 23, № 3. — С. 33–41. DOI: 10.22213/2410-9304-2025-3-33-41.
5. Кучковская, Н.В. Оценка экономической эффективности использования искусственного интеллекта и больших данных в управлении производственными процессами // КШП-ОМД. — 2024. — №12. — С. 89–98.
6. ММК ожидает экономии в размере 6,8 млрд рублей за счет реализации 95 цифровых проектов // ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат». — 2025. — URL: <https://mmk.ru/en/press-center/news/mmk-ozhidaet-6-8-mlrd-rubley-ekonomicheskogo-effekta-ot-vnedreniya-95-tsifrovyykh-proektov/> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Ребус, Н.А., Благовещенский И.Г., Ратанова О.В., Мастяев Ф.А. Роль технологий искусственного интеллекта в цифровой трансформации российского производства // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2025. — Т. 27, № 2. — С. 37–54. DOI: 10.35330/1991-6639-2025-27-2-37-54.
8. Трифонов, П. В., Серышев Р. В. Определение условий для разработки стратегии интеллектуализации промышленности Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета // КШП-ОМД. — 2024. — №12. — С. 115–126.
9. Феофанов, А.Н., Веселов Э.Э., Колошкина И.Е. Интеллектуальная система подбора технологических маршрутов на основе графовой нейросети и машиночитаемой модели изделия // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. — 2025. — № 3. — С. 45–53.
10. Glibovets, M.V., Botsiev R.M., Miller A.A., Zaporozhtsev I.F. AI-based production optimization system for flotation control tasks: Talnakh Concentrator`s experience // Tsvetnye Metally. — 2025. — № 6. DOI: 10.17580/tsm.2025.06.12.
11. GoodsForecast: When Forecasting Becomes Strategy // Kama Flow. — 2025. — URL: <https://www.kamaflow.com/en/post/goodsforecast-when-forecasting-becomes-strategy/> (date of application: 29.01.2026).
12. Smart Planner: MAI has created an intelligent production management system // AK&M. — 2026. — URL: <https://www.akm.ru/eng/press/smart-planner-mai-has-created-an-intelligent-production-management-system/> (дата обращения: 29.01.2026).

© Ноздрин Вадим Станиславович (novastan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕССЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON STRATEGIC PLANNING PROCESSES IN ORGANIZATIONS

Yu. Nozdrina

Summary. The article examines the transformation of strategic planning processes in organizations under the influence of digital technologies. The relevance of the research is due to fundamental changes in strategic management caused by digitalization: the transition from closed, elite practices to open, inclusive processes, the transformation of the roles of strategic actors, the emergence of new analytics and forecasting tools. The purpose of the study is to systematically analyze the impact of digital technologies on strategic planning processes in organizations, identify the main directions of transformation and systematize the factors determining the effectiveness of digitalization of strategic practices. Based on the analysis of scientific literature, the main directions of the influence of digital technologies on strategic planning have been identified. It is shown that digital technologies are transforming three dimensions of strategizing: expanding the circle of participants in the strategic process, the emergence of new tools for collecting and analyzing information, and changing the nature of strategic interactions. The barriers to the digital transformation of strategic planning are systematized: resistance to change, lack of digital competencies among decision makers, integration problems, and ethical risks associated with data protection. The conclusion is substantiated that, despite the emergence of additional strategic options, the fundamental assumptions of strategizing in organizations remain. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the impact of digital technologies on strategic planning through the prism of strategy as a practice, taking into account current trends in digital transformation.

Keywords: strategic planning, digital technologies, strategy, strategic decision-making, digital transformation, business analytics.

Ноздрина Юлия Ивановна

*кандидат экономических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
nojviv@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется трансформация процессов стратегического планирования в организациях под воздействием цифровых технологий. Актуальность исследования обусловлена фундаментальными изменениями в стратегическом управлении, вызванными цифровизацией: переход от закрытых, элитарных практик к открытым, инклюзивным процессам, трансформация ролей стратегических акторов, появление новых инструментов аналитики и прогнозирования. Цель исследования заключается в системном анализе влияния цифровых технологий на процессы стратегического планирования в организациях, выявлении основных направлений трансформации и систематизации факторов, определяющих эффективность цифровизации стратегических практик. На основе анализа научной литературы выявлены основные направления влияния цифровых технологий на стратегическое планирование. Показано, что цифровые технологии трансформируют три измерения стратегирования: расширение круга участников стратегического процесса, появление новых инструментов сбора и анализа информации и изменение характера стратегических взаимодействий. Систематизированы барьеры цифровой трансформации стратегического планирования: сопротивление изменениям, недостаток цифровых компетенций у лиц, принимающих решения, интеграционные проблемы, этические риски, связанные с защитой данных. Обоснован вывод о том, что, несмотря на появление дополнительных стратегических опций, фундаментальные допущения стратегирования в организациях сохраняются. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе влияния цифровых технологий на стратегическое планирование через призму стратегии как практики с учетом современных тенденций цифровой трансформации.

Ключевые слова: стратегическое планирование, цифровые технологии, стратегия, принятие стратегических решений, цифровая трансформация, бизнес-аналитика.

Введение

В современной экономической реальности, характеризующейся высоким уровнем турбулентности, быстрыми технологическими изменениями и беспрецедентным ростом объемов данных, процессы стратегического планирования в организациях претерпевают фундаментальные изменения. Цифровые технологии перестали быть исключительно операционным инструментом и превратились в главный фактор, определяющий то, как компании формулируют, реализуют и пересматривают свои стратегии. Как отмечают исследователи, цифровизация проникла практически во все

экономические секторы, вызывая глубокие трансформации внутри корпоративных структур, что выводит вопросы цифровой трансформации на уровень глобального стратегического императива [1, 2].

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, наблюдается фундаментальный сдвиг в понимании природы стратегического процесса: традиционное стратегическое планирование, осуществляемое узким кругом топ-менеджеров в условиях закрытости, уступает место открытым, инклюзивным практикам, в которых участвуют более широкий круг стейкхолдеров. Цифро-

вые технологии выступают главным катализатором этой трансформации, обеспечивая техническую возможность для массового вовлечения сотрудников в стратегический диалог.

Во-вторых, изменение инструментальной базы стратегического планирования создает принципиально новые возможности для повышения качества стратегических решений. Современные информационные системы, включая системы поддержки принятия решений, бизнес-аналитику, технологии больших данных и искусственный интеллект, позволяют обрабатывать беспрецедентные объемы информации, выявлять скрытые закономерности и строить высокореалистичные сценарии будущего. Исследования показывают устойчивую положительную связь между внедрением информационных систем и улучшением стратегических результатов в различных секторах — здравоохранении, производстве, финансах и розничной торговле [3].

В-третьих, несмотря на признание важности цифровой трансформации для стратегического управления, научное понимание механизмов этого влияния остается фрагментированным и недостаточно систематизированным. Исследователи констатируют, что понимание воздействия цифровых технологий на стратегирование нуждается в большей целостности и концептуальной проработке [10]. Отсутствие четкого понимания того, как именно цифровой контекст изменяет стратегические практики, создает разрыв между академическими разработками и потребностями бизнеса в эффективных подходах к цифровой трансформации стратегического планирования.

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе влияния цифровых технологий на процессы стратегического планирования в организациях, выявлении основных направлений трансформации и систематизации факторов, определяющих эффективность цифровизации стратегических практик. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе влияния цифровых технологий на стратегическое планирование через призму стратегии как практики с учетом современных тенденций цифровой трансформации.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения теории стратегического управления, а также современные разработки в области цифровой трансформации бизнеса и управления информационными системами. Эмпирическую базу работы образуют научные публикации российских и зарубежных авторов по проблемам влияния цифровых технологий на стратегическое управление. В процессе исследования применялись следующие методы: систем-

ный анализ, позволивший рассматривать влияние цифровых технологий на стратегическое планирование как комплексный феномен с множеством взаимосвязанных аспектов; сравнительный анализ, использованный для сопоставления различных подходов к классификации эффектов цифровизации; метод типологизации, на основе которого выделены роли цифровых технологий в стратегической работе; контент-анализ научных источников для выявления повторяющихся тем и закономерностей; метод теоретического обобщения и синтеза.

Результаты и обсуждения

Для понимания влияния цифровых технологий на процессы стратегического планирования продуктивным представляется использование концепции «стратегии-как-практики», которая фокусируется на том, что именно делают люди в процессе стратегической работы, а не только на формальных результатах этого процесса. В рамках данного подхода стратегирование рассматривается через три взаимосвязанных измерения: рутинизированные типы поведения, включающие различные техники и инструменты стратегической работы; субъекты, непосредственно вовлеченные в стратегический процесс; поток социальной активности, конкретные действия и взаимодействия, через которые стратегия реализуется [6].

Систематический обзор литературы, проведенный Q. Zhou, H. Yu, K. Adams, R. Attah-Boakye, J. Johansson, демонстрирует, как цифровой контекст изменяет каждое из этих измерений [10]. В отношении стратегических практик исследователи фиксируют расширение круга участников стратегического процесса: помимо традиционных топ-менеджеров и профессиональных стратегов, в стратегическую работу вовлекаются сотрудники среднего и низового уровней, внешние консультанты, клиенты, партнеры и даже алгоритмы и искусственный интеллект. Цифровые платформы создают техническую возможность для массового участия, снижая транзакционные издержки координации и коммуникации.

В отношении стратегических практик наблюдается появление новых инструментов сбора, обработки и анализа информации: технологии больших данных, предиктивная аналитика, системы бизнес-аналитики, платформы для совместной работы. Эти инструменты трансформируют то, как организации сканируют внешнюю среду, оценивают конкурентные позиции, разрабатывают и оценивают стратегические альтернативы. В отношении стратегического праксиса изменения касаются характера стратегических взаимодействий: стратегическая работа становится более непрерывной, итеративной и распределенной во времени и пространстве, вместо дискретных событий (ежегодных стратегических сессий) формируются постоянные процессы стратегического диалога.

Принципиально важным выводом исследования Q. Zhou, H. Yu, K. Adams, R. Attah-Boakye, J. Johansson является тезис о том, что, хотя цифровая трансформация создала дополнительные стратегические опции, она пока не изменила фундаментальные допущения стратегирования в фирмах [10]. Это означает, что базовые принципы стратегического мышления — анализ внешней и внутренней среды, оценка конкурентных позиций, формулирование целей и путей их достижения — сохраняют свою значимость, но инструменты их реализации качественно трансформируются.

Одним из основных направлений влияния цифровых технологий на стратегическое планирование является трансформация процессов принятия стратегических решений. Исследование D.K. Akula, Y.S. Mohammed, A. Syed, G.M.M. Haque, Y. Arafat, основанное на анализе более 80 рецензируемых работ, показывает, что информационные системы играют критическую роль в повышении качества, скорости и обоснованности стратегических решений [3]. Авторы классифицируют информационные системы по их стратегическим возможностям, выделяя системы поддержки принятия решений (DSS), исполнительные информационные системы (EIS), системы планирования ресурсов предприятия (ERP) и системы бизнес-аналитики (BI).

Количественные исследования демонстрируют значимые эффекты внедрения информационных систем в процессы принятия стратегических решений. Среди измеряемых показателей эффективности выделяются сокращение времени принятия решений, возврат на инвестиции в информационные технологии, а также способность к прогнозированию [3]. Установлена положительная и устойчивая связь между внедрением информационных систем и улучшением стратегических результатов в различных секторах экономики.

Исследование влияния цифровых технологий на корпоративное принятие решений, выполненное B. Venga и A. Elhanna, подчеркивает ключевую роль искусственного интеллекта, который определяется как способность компьютерной системы воспроизводить человеческое мышление, коммуникацию и процессы принятия решений [4]. Эта технология демонстрирует высокую способность к автоматизации повторяющихся задач, оптимизации времени и снижению операционных издержек, а также способствует разработке прогнозов на основе высокореалистичных сценариев будущего, что вносит непосредственный вклад в стратегическое планирование.

Особого внимания заслуживает роль облачных вычислений, которые предоставляют масштабируемые возможности хранения и обработки данных, позволяя менеджерам эффективно работать с большими данными

без значительных первоначальных инвестиций. Модель «плати по мере использования» оптимизирует затраты путем сокращения расходов, связанных с традиционной ИТ-инфраструктурой, делая аналитику больших данных доступной для организаций любого размера [5].

Цифровые технологии принципиально расширяют аналитические возможности организаций в сфере стратегического планирования. Исследование влияния аналитики больших данных на качество принятия решений, проведенное S. Chatterjee, R. Chaudhuri, S. Gupta, U. Sivarajah, S. Bag, демонстрирует положительную связь между использованием аналитических инструментов и качеством стратегических решений [5]. Современные системы бизнес-аналитики позволяют интегрировать данные из множества внутренних и внешних источников, выявлять скрытые закономерности и строить прогностические модели.

Применение искусственного интеллекта в стратегическом планировании открывает возможности для сценарного моделирования и оценки альтернатив с беспрецедентной скоростью и точностью. X. Wan, P. Zhao в своем исследовании подчеркивают способность искусственного интеллекта разрабатывать прогнозы на основе высокореалистичных сценариев будущего, что существенно повышает качество стратегического планирования [9]. Технологии машинного обучения позволяют выявлять неочевидные корреляции и причинно-следственные связи, которые могут ускользать от человеческого анализа.

Особого внимания заслуживает использование цифровых технологий для стратегического анализа внешней среды. Системы мониторинга социальных медиа, анализа патентов, отслеживания технологических трендов позволяют организациям получать более полную и оперативную информацию о рыночных изменениях, действиях конкурентов и возникающих возможностях. Это трансформирует практики стратегического анализа, делая их более непрерывными и менее зависимыми от циклических процессов сбора информации.

Несмотря на значительные возможности, открываемые цифровыми технологиями для стратегического планирования, их внедрение сопряжено с серьезными вызовами и ограничениями. Исследование D.K. Akula, Y.S. Mohammed, A. Syed, G.M.M. Haque, Y. Arafat выделяет несколько ключевых препятствий: интеграционные барьеры, сопротивление цифровой культуре, недостаток аналитических навыков у лиц, принимающих решения [3].

B. Venga и A. Elhanna в своем обзоре литературы по цифровизации бизнеса подчеркивают, что одним из главных препятствий является отсутствие четко определенной цифровой стратегии [4]. Когда цели и методы

внедрения не определены заранее, это может привести к неэффективному внедрению и низкой отдаче от инвестиций. Другие факторы, такие как сопротивление изменениям и недостаток цифровых навыков у сотрудников, также препятствуют этой трансформации. Эти трудности усугубляются внутренними культурными барьерами: когда организационная среда не поощряет инновации и цифровую трансформацию, компании могут испытывать трудности с адаптацией к постоянно меняющимся рыночным условиям.

Этические проблемы, связанные с защитой данных, также не должны упускаться из виду. Исследователи подчеркивают, что неадекватное управление этими вопросами рискует подорвать доверие потребителей, в конечном счете сводя на нет потенциальные выгоды от внедрения цифровых технологий и замедляя их интеграцию в бизнес [7]. В контексте стратегического планирования это особенно важно, поскольку стратегические решения часто основываются на конфиденциальной информации о компании, ее клиентах и партнерах.

Также существуют проблемы, связанные с властью и агентностью. Внедрение открытых, цифровых практик стратегирования не автоматически приводит к демократизации стратегического процесса. Существующие властные структуры могут использовать цифровые инструменты для усиления контроля, а не для расширения участия. Прозрачность информации может создавать новые уязвимости и напряженность в организациях.

Исследователи выделяют пять шагов в разработке стратегии цифровой трансформации: от формирования видения до цифрового ускорения. Интегрированный подход, предлагаемый авторами, позволяет снижать риски и повышать эффективность цифровых трансформаций. Принципиально важным является понимание того, что цифровая стратегия не может существовать отдельно от бизнес-стратегии — она должна быть органично встроена в общую логику развития организации [8].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Цифровые технологии оказывают многоплановое и глубокое влияние на процессы стратегического планирования в организациях, трансформируя все три измерения стратегирования, выделяемые в рамках подхода «стратегии-как-практики». Происходит расширение круга участников стратегического процесса, появление новых инструментов сбора и анализа информации, изменение характера стратегических взаимодействий в сторону большей непрерывности и распределённости. Внедрение современных информационных систем, включая системы поддержки принятия решений, бизнес-аналитику, технологии больших данных и искусственный интеллект, значимо повышает качество, скорость и обоснованность стратегических решений. Количественные исследования фиксируют устойчивую положительную связь между использованием информационных систем и улучшением стратегических результатов в различных секторах экономики. Однако реализация этого потенциала требует преодоления серьезных барьеров: интеграционных проблем, сопротивления цифровой культуре, недостатка аналитических компетенций у лиц, принимающих решения, этических рисков, связанных с защитой данных. Критически важным условием эффективности цифровизации стратегического планирования выступает интеграция цифровой стратегии и общей бизнес-стратегии организации. Цифровая стратегия не может существовать как отдельное направление — она должна быть органично встроена в общую логику развития организации. Принципиально важным является вывод о том, что, несмотря на появление дополнительных стратегических опций, фундаментальные допущения стратегирования в организациях сохраняются. Базовые принципы стратегического мышления — анализ внешней и внутренней среды, оценка конкурентных позиций, формулирование целей и путей их достижения — остаются значимыми, но инструменты их реализации качественно трансформируются. Это означает, что цифровизация не отменяет необходимость стратегического мышления, а создает для него новые, более мощные инструменты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннаев, Х.А. Цифровая трансформация бизнеса: этапы, проблемы, ключевые факторы успеха / Х.А. Аннаев, А.С. Атаева, М. Пыхыев, Б. Рахмедов // Матрица научного познания. — 2026. — № 1-1. — С. 40–44.
2. Чуланова, Е.В. Использование корпоративных информационных систем и аналитики данных в цифровой трансформации бизнеса / Е.В. Чуланова // Вестник науки. — 2026. — Т. 2, № 1(94). — С. 618–626.
3. Akula, D.K., Mohammed Y.S., Syed A., Haque G.M.M., Arafat Y. The Role of Information Systems in Enhancing Strategic Decision Making: A Review and Future Directions // The American Journal of Management and Economics Innovations. — 2025. — № 7(8). — pp. 80–105. DOI: 10.37547/tajmei/Volume07Issue08-07.
4. Benga, B., Elhamma A. Navigating the Digital Frontier: A Literature Review on Business Digitalization // European Scientific Journal. — 2024. — № 20(10), — pp. 107–109.
5. Chatterjee, S., Chaudhuri R., Gupta S., Sivarajah U., Bag S. Assessing the impact of big data analytics on decision-making processes, forecasting, and performance of a firm // Technological Forecasting and Social Change. — 2023. — № 196. — pp. 122824.

6. Jarzabkowski, P. *Strategy as Practice: An Activity Based Approach*. — New York: SAGE Publishing, 2005. — 216 p.
7. Jones, M. Navigating the privacy paradox in a digital age: balancing innovation, data collection and ethical responsibility // *Journal of Ethics in Entrepreneurship and Technology*. — 2025. — Vol. 5, № 1. — pp. 2–13.
8. Umantsiv, Y., Biliavska Y., Osiyevskyy O. Digital transformation as a business development strategy // *Strategy & Leadership*. — 2025. — Vol. 53. — № 5. — pp. 489–503. doi: <https://doi.org/10.1108/SL-11-2024-0132>.
9. Wan, X., Zhao P. Research on the Impact of Artificial Intelligence on Corporate Competitive Advantage // *Frontiers in Business, Economics and Management*. — 2024. — №3(17). — pp. 438–443.
10. Zhou, Q., Yu H., Adams K., Attah-Boakye R., Johansson J. Uncovering the impact of digital technologies on strategising: Evidence from a systematic literature review // *International Journal of Management Reviews*. — 2025. — №27(3). — pp. 375–397. DOI: 10.1111/ijmr.12387.

© Ноздрина Юлия Ивановна (nojuiiv@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМПЕРАТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

IMPERATIVES FOR THE ESTABLISHMENT OF A NEW SOCIAL ORDER IN THE MODERN DOMESTIC ECONOMY

*I. Salikhova
B. Salikhov
V. Spilnichenko*

Summary. The article proposes an understanding of the modern social order as an interconnected unity of individual behavioral strategies and the current institutional system. The mechanism of the social order is specified, which is based on the transfer of knowledge and competencies during the process of personal socialization. The article describes the political and economic forms of the social order, which are represented by inclusive or extractive institutions that regulate the open or limited access of economic actors to scarce resources. The phenomenon of the «institutional trap» has been identified, which is a complementary integrity of «bad» political and economic institutions. The failures of the current order in the domestic economy, which does not ensure the expanded reproduction of new knowledge, have been shown. The article substantiates the imperative of forming an expanded order of human cooperation in the national economy, which is intended to increase the efficiency of using rare resources. It is verified that a new political and economic elite, which has authority and a real vision of the key problems of modern development, should become a critical subject that will ensure the domestic economy's exit from the «institutional trap».

Keywords: social order, expanded order of human cooperation, behavioral strategies, institutional system, «institutional trap», knowledge and innovation, political and economic elite.

Салихова Ирина Сергеевна

*доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва; Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва
irinasalikhova@yandex.ru*

Салихов Борис Варисович

*доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва
mgsusalikhov@yandex.ru*

Спильниченко Владимир Кириллович

*доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
spilnvladimir@yandex.ru*

Аннотация. В статье предложено понимание современного социального порядка как взаимосвязанного единства поведенческих стратегий индивидов и действующей институциональной системы. Конкретизирован механизм социального порядка, имеющий своим основанием передачу знаний и компетенций в процессе социализации личности. Охарактеризованы политэкономические формы социального порядка, представленные соответствующими инклюзивными либо экстрактивными институтами, регулирующими открытый либо ограниченный доступ субъектов экономики к редким ресурсам. Выявлен феномен «институциональной ловушки», представляющий собой комплементарную целостность, одновременно, «плохих» политических и экономических институтов. Показаны провалы действующего в отечественной экономике порядка, не обеспечивающего расширенного воспроизводства новых знаний и масштабных инноваций. Обоснован императив формирования в национальном хозяйстве страны расширенного порядка человеческого сотрудничества, призванного повысить эффективность использования редких ресурсов. Верифицировано положение о том, что критическим субъектом, призванным обеспечить выход отечественной экономики из «институциональной ловушки», должна стать новая политэкономическая элита, обладающая властными полномочиями и реальным видением ключевых проблем современного развития.

Ключевые слова: социальный порядок, расширенный порядок человеческого сотрудничества, поведенческие стратегии, институциональная система, «институциональная ловушка», знания и инновации, политэкономическая элита.

Введение

Известно, что многообразие форм рационального поведения экономических агентов (современные исследователи выделяют, как минимум, аксиоматическую, экологическую, инклюзивную и энактивную рациональность [Фролов 2025]), должно соответствовать релевантное многообразие институциональных систем,

в рамках которых и реализуются различные отношенческие и поведенческие стратегии личностей как индивидов и как членов общества. Взаимосвязанное и динамическое единство названных стратегий (содержание) и институтов (форма) и есть определенный социальный порядок в той или иной хозяйственной системе. Если новые элементы экономического поведения людей входят «отклик» в действующих институтах, то в системе

обеспечивается стабильность и устойчивое (как общий тренд) развитие. В противном случае, экономика сталкивается с институциональным кризисом, разрешение которого объективно приводит к формированию социального порядка, где *новая форма* открывает путь для *нового содержания*.

Между тем, не всякий социальный порядок, где имеет место соответствие поведенческих стратегий и институтов, является прогрессивным. Например, при одновременном наличии «плохих» политических и экономических институтов возникает феномен отрицательной социальной стабильности как функция устойчивости «институциональной ловушки», которая не рефлексивна императивы новых форм коммуникации и экономического поведения, а *диктует* лишь те их формы, которые «вписываются» в логику бытия действующих институтов. Именно в ситуации названной ловушки находится современная отечественная экономика, что и предопределяет устойчивость хронически низких темпов инновационного роста производства.

В свете сказанного, *актуализируется* императив определения общего вектора трансформации действующего в нашей стране социального порядка в направлении его созидательной формы, обеспечивающей высокоэффективное использование творчески-трудо-вой энергии каждой личности. Отсюда и *цель* статьи заключается в разработке научных оснований выхода отечественного социального порядка из названной ранее «институциональной ловушки». Предполагается, в связи с этим, решить исследовательские *задачи*, связанные, прежде всего, с общим анализом феномена социального порядка и его современных экономических форм; далее следует кратко обозначить кризисный характер данного порядка в современной экономике нашей страны; наконец, важно очертить примерный ракурс деятельности по трансформации существующего в отечественном хозяйстве порядка ограниченного доступа — в его открытую и априори более эффективную форму.

Сущность и ретроспектива экономических форм социального порядка

Как таковой порядок можно понимать, как «способ соединения частей в одно целое, последовательность действий», а также как «качественная характеристика социально-экономической системы с точки зрения правовых и морально-этических норм. Порядок — это слаженность, режим, последовательность, организация и наличие целенаправленной взаимосвязи элементов, составляющих данную систему»¹. Соответственно, со-

¹ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. — 5-е изд. доп. и перераб. — М.: Институт новой экономики, 2002. С. 720.

циальный порядок представляет собой интегральное понятие, обозначающее организованность и упорядоченность социальной системы и всех ее элементов, что обеспечивает предсказуемое и, возможно, бесконфликтное существование общества. Социальный порядок есть доминирование общественного согласия над конфликтами, что обеспечивается, во-первых, передачей общественных ценностей и традиций от поколения к поколению; во-вторых, созданием механизмов социального контроля со стороны общества над поведением личности [Парсонс 2019].

Всякий социальный порядок обусловлен передачей знаний в процессе социализации, которые закрепляются и развиваются в процессе социальных взаимодействий. При этом, инструменты и механизмы формирования и поддержания социального порядка, реализуемые в ходе множества коммуникаций при соответствующей координации, обусловлены эндогенными свойствами самой социальной системы. Социальный порядок всегда реализуется посредством действия системы ранее произведенных и имплантированных в «ткань» социальных взаимодействий, институтов (формальных и неформальных), определяющих социальное положение граждан и групп населения, а также отношения между членами общества [Ведин 2006].

Поскольку социальный порядок есть следствие тенденции социума к самосохранению, то воссоздаваемые здесь институты являются неким координационным, отношенческим каркасом, обеспечивающим предсказуемое состояние и динамику взаимодействия людей в рамках данного общества. Резонно полагать, что социальные порядки находятся в постоянной динамике, которая определяется *условиями* (функция внутренних и внешних обстоятельств, включающих экзистенциальные вызовы и угрозы); *направленностью* (функция преобладающих в данный период времени ценностей и смыслов, моральных и этических норм поведения); *качественным содержанием* (функция сознательно принятой идеологии, тиражируемой посредством множества нарративов), при интегрирующем значении стремления личности и общества к сохранению своей национально-культурной, профессиональной и иной идентичности.

Представляется, что экономическим «срезом» феномена социального порядка является *социально-экономический порядок*, однако использование в данном исследовании термина «социальный порядок» не является чем-то исключительно «внешним», по отношению к названному экономическому «срезу», а лишь фиксирует растущую значимость междисциплинарных аспектов социальных отношений, влияющих на социально-экономическую динамику. Мы исходим из того, что наиболее развитые формы социального порядка призваны иметь своим основанием реализацию созидательных, твор-

чески-трудовых интенций и сил человека как «сущего всеединого», в котором «в снятом виде» содержатся и непрерывно совершенствуются неограниченные возможности и способности к самосовершенствованию в гармонии и когерентном единстве с «творчеством» самой природы [Соловьев 1999].

В связи с этим, представляется корректным вести речь не о социально-экономическом порядке, а об экономических формах общего социального порядка, сложившегося в данном обществе в конкретный исторический период его развития. Равно как в каждом создаваемом экономическом благе человек объективирует не только свои профессиональные компетенции, но и всю качественную целостность своих духовно-нравственных и созидательных сил [Булгаков 2008], производственную страсть и предпринимательскую жизнерадостность [Кейнс 2002], идеологические убеждения и даже гражданское мужество (например, в условиях войны), так и в экономической форме социального порядка фокусируется растущее множество социальных отношений между субъектами экономики. Это приводит к институционализации наиболее перспективных соответствующих практик при одновременной трансформации и модификации действующих формальных норм и неформальных ограничений, обеспечивающих требуемую и/или ожидаемую эффективность воспроизводства.

В современной экономике существуют, как минимум, две известные экономические формы социального порядка, имеющие существенное значение для хозяйственного развития, а также фиксирующие органическую взаимосвязь культуры, институтов, координации и экономического роста [Полтерович 2018а, Полтерович 2018б]. Речь идет о порядках открытого и ограниченного доступа к редким ресурсам и, следовательно, полностью свободного либо несвободного выбора вариантов комбинации экономических ресурсов с целью воспроизводства жизненных благ. Известно также, что порядку открытого доступа соответствуют прогрессивные ценностно-смысловые модели и идеологические конструкты (основание общественного и корпоративного оптимизма), «скованный» Левиафан (государство), а также «хорошие», или инклюзивные институты «снизу» при высокоэффективной защите прав собственности.

Напротив, порядку ограниченного доступа присущи, как правило, деструктивные ценностно-смысловые ментальные модели и идеологические нормы и установки (основание общественного и корпоративного пессимизма), «деспотическое» государство, постоянно генерирующее «плохие», или экстрактивные институты «сверху». Здесь имеет место низкая эффективность защиты прав собственности, что является, одновременно, функцией и фактором низкой либо отрицательной продуктивности когнитивных институтов (норм) при слабом уровне

рыночных форм социально-экономической координации [Полтерович 2021].

Таким образом, целевым функционалом всякого социального порядка есть формирование и поддержание условий существования, при которых реализуются различные образцы социальной организации и поведения людей, фиксирующие определенные формы и способы координации в процессе множества коммуникаций. Механизм социального порядка имеет своим основанием передачу знаний и компетенций (закрепляемых и развиваемых в ходе социальных взаимодействий) в процессе социализации личности. Ядром социального порядка являются формальные и неформальные институты, органическая целостность функционирования которых составляет институциональную систему. Далее рассмотрим специфику социального порядка в современной отечественной экономике.

Необходимость качественного обновления социального порядка в современной отечественной экономике

Как следует из содержания проводимого анализа, социальный порядок всегда есть определенная институциональная система, включающая весь спектр формальных норм и неформальных ограничений, причем в рамках неоавстрийской исследовательской традиции, неформальные институты играют все более значимую роль в обеспечении высокой эффективности транзакций, а также в ожидаемой результативности трансформации социального порядка. В связи с этим, становление и развитие нового качества социального порядка будет сопровождаться не просто некоторым обновлением действующих «правил игры», а разработкой принципиально новой модели институциональных отношений, основанных на соответствующих измененных конституционных «правилах о правилах» и, далее, институциональных «правил игры».

Очевидно, что важнейшим основанием предполагаемых преобразований является положение о том, «что не только возникновение нашей цивилизации, но и сохранение ее зависит от порядка, определяемого как «расширенный порядок человеческого сотрудничества» ... Для понимания путей развития цивилизации необходимо осознать, что расширенный порядок не является воплощением человеческого замысла или намерения. Он возник спонтанно, в результате непреднамеренного следования традиционным, а самое главное — *моральным* правилам» [Хайек 2023, с. 11]. Следует полагать, что современный этап развития отечественной экономики закономерно предопределяет необходимость создания такой модели социального порядка, которая включает в себе потенциал высокой социальной, производственно-технологической, структурно-от-

раслевой и координационной эффективности с опорой на соблюдение принципов морали и нравственности. Очевидно, это требует соответствующих институциональных инноваций и определенной систематизации норм и правил социально-экономических взаимодействий. В связи с этим, в рамках простой структурной модели (рисунок 1) показаны основные комбинации институтов, воссоздаваемых в рамках открытого и ограниченного доступов к дефицитным ресурсам, а также соответствующие оценки их устойчивости.

		Политические институты	
		«хорошие»	«плохие»
Экономические институты	«хорошие»	1.1. (устойчивые)	1.2. (неустойчивые)
	«плохие»	2.1. (неустойчивые)	2.2. (устойчивые)

Рис. 1. Комбинация экономических и политических институтов и формы их устойчивости²

Очевидно, что на рисунке показаны крайние формы социальных порядков открытого и ограниченного доступа, то есть в рамках жестких дихотомий, институтов и форм устойчивости. Между тем, как «хорошие», так и «плохие» институты постоянно пребывают в динамике, направленность которой может формироваться под воздействием множества условий и факторов [Капелюшников 2019а, Капелюшников 2019б]. К примеру, до сих пор остается «секретом» бурное развитие Китая в течение последних десятилетий, причем, как отмечают исследователи, при «плохих» политических и все более «хороших» экономических институтах, что приводит к неоднозначной трансформации действующий социальный порядок, основанный на философии и идеологии конфуцианства. В данном и множестве других случаев сложно «ответить на вопрос, когда именно появились «хорошие» экономические институты и в каком смысле политические институты остаются «плохими»» [Шаститко 2019, с. 104].

Для современной отечественной экономики отмеченные положения имеют большое значение, поскольку ни политические, ни экономические институты, судя по данным статистики и текущим результатам хозяйственной деятельности в гражданском секторе экономики, не являются «хорошими». В таблице 1 показаны некоторые переменные, характеризующие отечественный социальный порядок с «плохими» институтами.

В таблице показаны лишь некоторые негативные последствия действующих в современной отечественной экономике институциональных «правил игры»: падение индексов экономической свободы (от 52,40 ед. в 2019 году до 20,90 ед. в 2024 году) и защиты прав собствен-

² Источник: [Шаститко 2019, с. 94]

ности (от 4,989 ед. в 2019 году до 3,797 ед. в 2024 году). Итогом является «консервация» творческой энергии личности и общества, что не позволяет расширенно воспроизводить технологические и иные масштабные и радикальные инновации. При этом незначительный рост ВВП на душу населения в 2023 и 2024 годах, во-первых, имеет место после спада производства в 2022 году (98,9 % к предыдущему году); во-вторых, имеет место следствие проводимой политики «военного кейнсианства» [Буклемишев 2024], то есть рост ВВП в период проведения СВО обеспечивается преимущественно за счет роста конечной военной продукции. Отметим также, что в 2025 году прирост ВВП, по разным прогнозам, составил примерно 0,5–1 %, против более 4 % в предыдущие два года [Ершов, Танасова 2025, с. 66–67].

Таблица 1.

Динамика валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, а также индексов экономической свободы и защиты прав собственности в отечественной экономике

	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Индекс физического объема ВВП на душу населения (в процентах к предыдущему году) ³	102,1	97,5	106,2	98,9*	104,4*	104,5*	...
Индекс экономической свободы (100 — максимальный уровень экономической свободы) ⁴	52,40	56,80	54,40	36,80	30,60	20,90	18,60
Индекс защиты прав собственности (0 — минимальный уровень защиты прав собственности, 10 — максимальный) ⁵	4,989	4,998	5,055	4,466	3,935	3,797	...

³ Источник: Росстат [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_na_dushu_s1995-2024.xlsx (Дата обращения 02.02.2026)

⁴ Источник: Индекс экономической свободы [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://statbase.ru/data/rus-index-of-economic-freedom/>.

⁵ Источник: Индекс защиты прав собственности [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://statbase.ru/data/rus-international-property-rights-index/>.

Показанная динамика индексов, а также угасающие темпы экономического роста свидетельствуют о функционировании в отечественной экономике «плохих» институтов, единство и комплементарность которых обеспечивают «плохую», т.е. анτισозидательную устойчивость, причем именно в рамках ограниченного доступа субъектов экономики к редким ресурсам. В этом и заключается попадание хозяйства и социума в «институциональную ловушку», выход из которой невозможен посредством лишь фрагментарных и часто бессистемных институциональных изменений. Очевидно, что формирование и прогрессивное развитие отечественного социального порядка (в виде возможного трансфера от системы ограниченного — к открытому доступу) требует разработки новой дисциплинарной матрицы исследования и, далее, соответствующих преобразований. Они должны быть основаны на российском историческом институциональном «грунте», а также на наиболее полном учете реальных достижений существующих научных школ и направлений.

Императив трансформации отечественного социального порядка ограниченного доступа в институциональную систему, основанную на инклюзивных институтах, имеет своим основанием, как минимум, два важнейших обстоятельства. Первое — это неуклонно растущая потребность в расширенном воспроизводстве систем неявного знания, как единственной глубинной основы создания масштабных и радикальных инноваций, что требует реальной экономической свободы. Второе — это потребность в растущем разнообразии форм и видов творчески-трудовой деятельности как естественной основы высокоэффективной рефлексии растущего нарастания сложности. Сказанное делает абсолютно необходимым разработку и реализацию такой методологии и методики трансформации социального порядка, которая смогла бы охватить «своей сложностью» всю «сложность исследуемого пространства» формируемых новых политэкономических отношений.

Научно-практическое значение данных умозаключений состоит, во-первых, в комплексном анализе *подсистемы среды*, где заключены важнейшие основания для конкретизации действующих либо создания новых ценностей и смыслов, а также идеологических моделей как основы убеждений каждой личности в «правоте своего дела». Очевидно, выводы из данного анализа вполне могут стать основанием для новых конституционных «правил о правилах» (новые формальные нормы), а также для релевантных социокультурных инноваций (новые неформальные ограничения). Во-вторых, следует постоянно вникать в качество *подсистемы процесса* с действующими здесь формами и способами коммуникации индивидов и других субъектов экономики. Смысл такого «проникновения» состоит в поиске перспективных поведенческих стратегий хозяйственных агентов, что

позволит сформировать четкие требования к политике в сфере стратегии институциональных преобразований.

В-третьих, в рамках *подсистемы проекта* требуется создание модели институциональной системы, основанной на новых «правилах о правилах» и социокультурных ценностях, с учетом требований которых разрабатываются и апробируются новые институциональные проекты расширенного порядка человеческого сотрудничества (по Ф. Хайеку). Далее, в-четвертых, необходимо обеспечить высокоэффективное функционирование элементов *подсистемы объекта*, где экономически реализуются различные собственники. Здесь критическое значение имеет устойчивая и долговременная защита прав собственности и системы договорных отношений — незыблемой основы гражданского права.

При этом главное заключается в том, что *критическим субъектом*, призванным обеспечить высокую эффективность выхода отечественной экономики из «институциональной ловушки» и сформировать расширенный порядок человеческого сотрудничества, является отечественная политэкономическая элита, обладающая реальными властными полномочиями. И выбор невелик: либо решение отмеченной задачи будет основано на доброй воле искателей «плохой» ренты, реально обеспечивающих политические и экономические права и свободы каждой личности; либо децелератор деструкции, как функция «плохих» институтов, закономерно приведет к весьма серьезным, мягко говоря, социально-экономическим противоречиям.

Заключение

Таким образом, социальный порядок имеет свои политэкономические формы, характеризующие, в своих предельных вариантах, социальный порядок открытого, или свободного, конкурентного доступа к редким ресурсам (расширенный порядок человеческого сотрудничества), а также социальный порядок ограниченного, или несвободного, административно регулируемого доступа к ресурсам (сжатый порядок человеческого сотрудничества). В первом случае имеют место «хорошие» политические и экономические институты; их определяют, как инклюзивные, поскольку они воссоздаются «снизу» и действуют в интересах большинства членов экономического социума. Во втором случае функционируют «плохие» политические и экономические институты, определяемые как экстрактивные, так как воспроизводятся правящим классом «сверху».

В действительности имеет место множество переходных форм социального порядка. При этом, феномен «институциональной ловушки» возникает в том случае, если одновременно обнаруживаются «плохие» и политические, и экономические институты. В свете изло-

женного резонно полагать, что формирование и устойчивое созидательное развитие нового отечественного социального порядка требует от распорядителей государственной власти (политэкономической элиты) разработки оригинальной исследовательской программы, основанной на российском историческом институциональном «грунте», а также на наиболее полном учете реальных достижений институциональной теории, учитывающей растущее множество социальных детерми-

нантов в сфере современных человеческих взаимодействий. Становится все более необходимым качественное обновление не только «правил игры» (системы формальных норм и неформальных ограничений), но и конституционных «правил о правилах», где следует более четко обозначить базовые формы собственности (личную, частную и общую), что и станет важнейшим основанием их реальной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буклемишев 2024 — Буклемишев О.В. Факторы «военного кейнсианства» в современной экономической политике России // Вопросы экономики. 2024. № 11. С. 5–18.
2. Булгаков 2008 — Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2008. — 352 с.
3. Ведин 2006 — Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. — СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2006. — 218 с.
4. Ершов и др. 2025 — Ершов М.В., Танасова А.С. Новая модель финансового мира все ближе // Вопросы экономики. 2025. № 12. С. 56–74.
5. Капелюшников — 2019 — Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 119–147.
6. Капелюшников 2019 — Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 98–127.
7. Кейнс 2002 — Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 2002. — 352 с.
8. Парсонс 2019 — Парсонс Т. Социальный порядок. М.: Академический проект, 2019. — 530 с.
9. Полтерович 2018 — Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–27.
10. Полтерович 2018 — Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–103.
11. Полтерович 2021 — Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021 № 1. С. 52–73.
12. Соловьев 1999 — Соловьев В. Философское начало цельного знания. — Мн.: Харвест, 1999. — 912 с.
13. Фролов 2025 — Фролов Д.П. Как изучать экономическую рациональность в XXI веке? // Вопросы экономики. 2025. № 12. С. 32–56.
14. Хайек 2023 — Хайек, Фридрих Август фон. Пагубная самонадеянность. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 288 с.
15. Шаститко 2019 — Шаститко А.Е. «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 90–111.

© Салихова Ирина Сергеевна (irinasalikhova@yandex.ru); Салихов Борис Варисович (mgsusalikhov@yandex.ru);

Спильниченко Владимир Кириллович (spilnvladimir@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ АУТСОРСИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

RISKS AND OPPORTUNITIES OF BUSINESS PROCESS OUTSOURCING

V. Shchennikova

Summary. The article examines the risks and opportunities of outsourcing business processes as a strategic management tool for modern organizations. The relevance of the research is due to the transformation of outsourcing from a simple method of reducing costs to a comprehensive mechanism for increasing competitiveness, innovation and operational flexibility of enterprises in the context of the digitalization of the economy. Based on the systematization of scientific sources and empirical research, the main outsourcing opportunities are identified: strategic opportunities (refocusing managerial attention and resources on core competencies), economic opportunities (reducing operating costs), technological opportunities (access to external expertise and advanced technologies), operational opportunities (increasing the flexibility of management and the quality of processes). The risks are systematized: loss of control over the transferred functions, dependence on external suppliers, threats to information security, leakage of organizational knowledge and negative impact on personnel. It is revealed that the critical success factors are the quality of partner selection, the elaboration of contractual relations and the effectiveness of monitoring mechanisms. The conclusion is substantiated that it is necessary to apply a balanced approach to assessing the feasibility of outsourcing, taking into account both the economic benefits and potential threats to the long-term sustainability of the organization. There is no universal solution, and each organization must develop its own approach that takes into account its specifics, strategic priorities, and risk appetite.

Keywords: outsourcing, business processes, risk management, operational efficiency, digital transformation, strategic management, information security.

Щенникова Валерия Николаевна

старший преподаватель, Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский международный университет»
vs129@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются риски и возможности аутсорсинга бизнес-процессов как стратегического инструмента управления современными организациями. Актуальность исследования обусловлена трансформацией аутсорсинга от простого метода сокращения издержек к комплексному механизму повышения конкурентоспособности, инновационности и операционной гибкости предприятий в условиях цифровизации экономики. На основе систематизации научных источников и эмпирических исследований выделены основные возможности аутсорсинга: стратегические возможности (переориентация управленческого внимания и ресурсов на главные компетенции), экономические возможности (снижение операционных затрат), технологические возможности (доступ к внешней экспертизе и передовым технологиям), операционные возможности (повышение гибкости управления и качества выполнения процессов). Систематизированы риски: утрата контроля над переданными функциями, зависимость от внешних поставщиков, угрозы информационной безопасности, утечка организационных знаний и негативное влияние на персонал. Выявлено, что критическими факторами успеха выступают качество отбора партнеров, проработанность контрактных отношений и эффективность механизмов мониторинга. Обоснован вывод о необходимости применения сбалансированного подхода к оценке целесообразности аутсорсинга, учитывающего как экономические выгоды, так и потенциальные угрозы долгосрочной устойчивости организации. Универсального решения не существует, и каждая организация должна вырабатывать собственный подход, учитывающий ее специфику, стратегические приоритеты и риск-аппетит.

Ключевые слова: аутсорсинг, бизнес-процессы, управление рисками, операционная эффективность, цифровая трансформация, стратегическое управление, информационная безопасность.

Введение

Современные предприятия функционируют в условиях динамичной бизнес-среды, характеризующейся усилением конкуренции, быстрыми технологическими изменениями и ростом ожиданий потребителей. В ответ на эти вызовы организации постоянно ищут эффективные стратегии управления, способные обеспечить устойчивое развитие и конкурентные преимущества. Одним из основных инструментов, получивших широкое распространение в мировой практике, становится аутсорсинг — передача отдельных бизнес-процессов или функций внешним специализированным поставщикам услуг [3].

Актуальность исследования аутсорсинга бизнес-процессов обусловлена фундаментальной трансформацией его роли в корпоративном управлении. Если на начальных этапах развития аутсорсинг рассматривался преимущественно как инструмент сокращения издержек, то в современных условиях он приобретает стратегическое значение, позволяя компаниям фокусироваться на основных компетенциях, ускорять инновационные циклы и повышать операционную гибкость. Особую значимость данная проблематика получает в эпоху цифровизации, когда развитие облачных технологий, искусственного интеллекта и автоматизации открывает принципиально новые возможности для аутсорсингового взаимодействия, одновременно порождая ранее неизвестные риски [1].

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе рисков и возможностей аутсорсинга бизнес-процессов, выявлении критических факторов успеха и разработке рекомендаций по повышению эффективности аутсорсинговых стратегий. Научная новизна исследования состоит в комплексном подходе к анализу рисков и возможностей аутсорсинга, интегрирующем классические теоретические представления с новейшими эмпирическими данными, полученными в ходе международных исследований. Особое внимание уделяется трансформации природы аутсорсинга в условиях цифровой экономики и возникающим, в связи с этим новым возможностям и вызовам.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения теории стратегического управления, концепции ключевых компетенций, теории транзакционных издержек, а также современные разработки в области управления рисками и цифровой трансформации бизнеса. Эмпирическую базу работы образуют научные публикации российских и зарубежных авторов по проблемам аутсорсинга бизнес-процессов, включая материалы международных конференций и статьи в рецензируемых журналах. В процессе исследования применялись следующие методы: системный анализ, сравнительный анализ, метод типологизации, контент-анализ научных источников, метод теоретического обобщения и синтеза.

Результаты и обсуждения

Аутсорсинг как экономическая категория претерпел существенную эволюцию за последние десятилетия. В классическом понимании аутсорсинг представляет собой передачу организацией определенных бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание внешней специализированной компании, которая обладает соответствующими компетенциями, ресурсами и технологиями [2].

Изначально данная практика воспринималась исключительно как инструмент снижения затрат путем замещения постоянных издержек переменными и использования эффекта масштаба специализированных провайдеров. Однако современные исследования демонстрируют трансформацию аутсорсинга от инструмента операционного делегирования к стратегическому ресурсу управления предприятием. В процессной модели управления аутсорсинг позволяет организации перераспределять ресурсы в пользу ключевых направлений деятельности, делегируя вспомогательные и поддерживающие функции внешним исполнителям. Как отмечается экспертами, большинство компаний принимают решение об аутсорсинге именно для того, чтобы сосре-

доточиться на профильных компетенциях при одновременном сокращении издержек и улучшении контроля над операционной деятельностью [10].

Особую актуальность приобретает концепция цифрового аутсорсинга, базирующегося на облачных технологиях, искусственном интеллекте, больших данных и автоматизации. Цифровая трансформация радикально расширяет возможности аутсорсингового взаимодействия, позволяя передавать на внешнее исполнение не только стандартизированные рутинные операции, но и сложные аналитические, исследовательские и инновационные функции [8]. При этом возникают принципиально новые модели взаимодействия, такие как краудсорсинг, аутсорсинг бизнес-процессов на базе искусственного интеллекта и автоматизированные платформенные решения.

На основе систематизации научных источников представляется возможным выделить несколько групп возможностей, открывающихся перед организациями при использовании аутсорсинга.

Стратегические возможности связаны с переориентацией управленческого внимания и ресурсов на главные компетенции. Исследование W. Marhanga, S. Grobbelaar, R.H. Peach, J.K. Visser показывает, что стратегическая направленность аутсорсинга через передачу непрофильных видов деятельности является критическим фактором успеха. Авторы отмечают, что половина успешных аутсорсинговых проектов базируется на четком выделении того, что составляет ядро бизнеса, и передаче внешним исполнителям всего остального [7]. Аутсорсинг позволяет компании сконцентрироваться на развитии уникальных компетенций, формирующих ее долгосрочные конкурентные преимущества.

Экономические возможности включают снижение операционных затрат. Количественный анализ показывает, что сокращение издержек выступает главным мотивом аутсорсинга в 42 % случаев [7]. Экономия достигается за счет нескольких механизмов: эффекта масштаба специализированного провайдера, обслуживающего множество клиентов; замещения постоянных затрат (заработная плата, содержание инфраструктуры) переменными (оплата фактически оказанных услуг); доступа к более дешевым ресурсам, включая трудовые, в случае аутсорсинга в регионы или страны с более низким уровнем оплаты труда.

Технологические возможности связаны с доступом к внешней экспертизе и передовым технологиям. Как отмечается в вышеупомянутом исследовании, доступ к знаниям и компетенциям поставщика является значимой возможностью аутсорсинга с частотой упоминания 21 % [7]. В условиях ускорения технологического про-

гресса организациям становится все сложнее самостоятельно поддерживать компетенции во всех областях, необходимых для ведения бизнеса. Аутсорсинг позволяет получить доступ к специализированным знаниям и технологиям без масштабных инвестиций в их развитие. В контексте цифровой трансформации эта возможность приобретает особое значение, поскольку аутсорсинговые провайдеры часто выступают проводниками инноваций и передовых практик [8].

Операционные возможности включают повышение гибкости управления и качества выполнения процессов. Аутсорсинг позволяет организации быстрее адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры, наращивая или сокращая объемы закупаемых услуг без необходимости изменения собственной организационной структуры и штатного расписания. Специализированные провайдеры, как правило, обладают более отработанными технологиями выполнения процессов, развитыми системами контроля качества и мотивации персонала, что может обеспечивать более высокое качество услуг по сравнению с выполнением аналогичных функций собственными силами [4].

Наряду с возможностями, аутсорсинг несет в себе значительные риски, которые могут не только нивелировать потенциальные выгоды, но и создать угрозы для устойчивости бизнеса. На основе анализа научной литературы представляется возможным выделить следующие группы рисков.

Операционные риски связаны с возможностью некачественного выполнения переданных функций внешним поставщиком. Эксперты отмечают, что плохая работа поставщика выступает первоочередной угрозой, на которую приходится почти 30 % случаев [7]. Это может проявляться в несоблюдении сроков, недостаточном качестве услуг, несоответствии результатов ожиданиям. Операционные риски усугубляются тем, что организация, передавая процесс на аутсорсинг, утрачивает непосредственный контроль над его выполнением и становится зависимой от дисциплины и добросовестности внешнего партнера.

Стратегические риски включают утрату основных компетенций и организационных знаний. Потеря организационного знания зафиксирована как значимая угроза 33 % случаев [7]. Передавая процесс на аутсорсинг, компания может постепенно утрачивать экспертизу в соответствующей области, что создает долгосрочную зависимость от поставщика и лишает организацию возможности в будущем вернуть выполнение функции себе. Особенно остро эта проблема стоит в отношении процессов, непосредственно связанных с созданием потребительской ценности, где сохранение внутренней экспертизы критически важно.

Информационные риски связаны с угрозами безопасности данных и сохранности конфиденциальной информации. В условиях цифровизации и роста киберугроз данный риск приобретает критическое значение. Регуляторные требования, в частности, предписывают организациям проводить тщательную оценку рисков перед заключением аутсорсинговых соглашений и удостовериться, что системы и средства контроля поставщика в отношении информационной безопасности являются, по меньшей мере, столь же надежными, как и собственные системы организации [9]. Утечка конфиденциальных данных, коммерческой тайны или персональной информации может нанести непоправимый ущерб репутации и финансовому положению компании [8].

Кадровые риски включают негативное влияние на персонал и организационную культуру. Аутсорсинг часто сопровождается сокращениями, перераспределением функций, изменением условий труда для остающихся работников. Это может порождать сопротивление, снижение лояльности, ухудшение морально-психологического климата в коллективе. Даже если сотрудники формально не попадают под сокращение, передача части функций на сторону может восприниматься ими как сигнал о недоверии или снижении значимости их работы.

Риски зависимости и концентрации связаны с монопольным положением поставщика или чрезмерной концентрацией рисков на одном партнере. Регуляторные документы указывают на повышенные операционные риски в случаях аутсорсинга доминирующему поставщику, который не может быть легко замещен, а также при множественных аутсорсинговых соглашениях с одним и тем же поставщиком или аффилированными с ним лицами [9]. Попадание в зависимость от единственного поставщика создает риски необоснованного повышения цен, ухудшения условий обслуживания и потери рычагов влияния.

Анализ эмпирических исследований позволяет выделить факторы, определяющие успешность аутсорсинговых стратегий. Так, качество отбора партнеров выступает фундаментальным условием успеха. Процессу отбора поставщика должно уделяться приоритетное внимание. Рекомендуется использовать комбинацию методов оценки: интервью, анализ отчетности о предоставленных услугах, тестирование средств контроля, изучение сертификатов и аттестатов, проверка референций и независимые оценки.

Проработанность контрактных отношений определяет распределение прав, обязанностей и рисков между сторонами. Контракт должен четко фиксировать объем услуг, требования к качеству, сроки, порядок приемки, механизмы разрешения споров, ответственность за не-

исполнение обязательств, условия конфиденциальности и защиты данных. Особое внимание следует уделять положениям о непрерывности бизнеса и восстановлению после сбоев. Руководство организации должно оценивать способность поставщика обеспечивать выполнение критически важных функций в случае нарушений, изучать его планы непрерывности бизнеса и аварийного восстановления, включая качество таких планов и частоту их тестирования.

Эффективность механизмов мониторинга позволяет своевременно выявлять отклонения и принимать корректирующие меры. Необходимо внедрение системы ключевых показателей эффективности (KPI), регулярный сбор и анализ отчетности поставщика, проведение периодических аудитов и встреч для оценки хода сотрудничества. Важно, чтобы система мониторинга была интегрирована в общую систему управления операционными рисками организации.

Управление переходным периодом и адаптация персонала также выступают значимыми факторами успеха. Негативное влияние на сотрудников может быть минимизировано за счет прозрачной коммуникации, разъяснения причин и целей аутсорсинга, программ переобучения и трудоустройства высвобождаемых работников, вовлечения ключевых сотрудников в процесс управления отношениями с поставщиком.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Аутсорсинг

бизнес-процессов эволюционировал от инструмента операционного сокращения издержек к комплексному стратегическому механизму, позволяющим организациям фокусироваться на основных компетенциях, получать доступ к передовым технологиям и экспертизе, повышать операционную гибкость и адаптивность к изменениям внешней среды. Цифровая трансформация открывает новые возможности для аутсорсингового взаимодействия, включая передачу на внешнее исполнение сложных аналитических и инновационных функций на базе облачных платформ и искусственного интеллекта. Критическими факторами успеха аутсорсинговых проектов являются качество отбора партнеров (с учетом их ресурсов, компетенций и систем контроля), проработанность контрактных отношений (включая положения о непрерывности бизнеса и защите данных), эффективность механизмов мониторинга и управления взаимоотношениями, а также грамотное управление переходным периодом и адаптацией персонала. Организациям рекомендуется рассматривать аутсорсинг не как разовую сделку, а как долгосрочные партнерские отношения, требующие постоянного внимания и инвестиций в поддержание их эффективности. Выбор конкретной модели аутсорсинга (традиционной, партнерской, стратегической или цифровой) должен определяться характером передаваемых функций, их значимостью для конкурентоспособности бизнеса, уровнем требуемой интеграции и готовностью организации к управлению соответствующими рисками. Универсального решения не существует, и каждая организация должна вырабатывать собственный подход, учитывающий ее специфику, стратегические приоритеты и риск-аппетит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеевко, Б.М. Выбор вариантов реализации аутсорсинга / Б.М. Агеевко, Э.В. Кузьмина // Развитие теории и механизмов повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности пространственного развития экономики регионов : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 24 марта 2025 г. / Самар. нац. исслед. ун-т. — Самара, 2025. — С. 13–18.
2. Жуковская, И.В. Теория и практика аутсорсинга / И.В. Жуковская. — Москва: Научная библиотека, 2024. — 130 с.
3. Курбанов, А.Х., Плотников В.А. Аутсорсинг: история методология, практика: монография. — М.: Инфра-М, 2013. — 112 с.
4. Тищенко, Н.А. Преимущества и проблемы использования аутсорсинга для повышения эффективности бизнес-процессов в коммерции / Н.А. Тищенко, А.И. Полякова, С.Ю. Кожевникова // Современный механизм функционирования торгового бизнеса и туристической индустрии : сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 декабря 2024 г. / Белорус. гос. экон. ун-т. — Минск, 2025. — С. 181–182.
5. Gambal, M.-J. Strategic innovation through outsourcing — A theoretical review / M.-J. Gambal, A. Asatiani, J. Kotlarsky // The Journal of Strategic Information Systems. — 2022. — Vol. 31, № 2. — p. 101718. — DOI: 10.1016/j.jsis.2022.101718.
6. ISO/IEC AWI TS 30105-6. Information technology — IT Enabled Services-Business Process Outsourcing (ITES-BPO) lifecycle processes — Part 6: Guidelines on risk management // Bulgarian Institute for Standardization. — URL: <https://bds-bg.org/en/project/show/iso:proj:89909> (date of application: 29.01.2026).
7. Maphanga, W. Scoping Review: Factors, Threats and Opportunities of Outsourcing Maintenance Activities in the South African Pulp and Paper Industry / W. Maphanga, S. Grobbelaar, R.H. Peach, J.K. Visser // South African Journal of Industrial Engineering. — 2025. — Vol. 36, № 2. — pp. 214–228. — DOI: 10.7166/36-2-3124.
8. Mazumder, S. Decoding digital transformational outsourcing: The role of service providers' capabilities / S. Mazumder, S. Garg // International Journal of Information Management. — 2021. — Vol. 58. — pp. 102295. — DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102295.
9. CTRL 8.4.5 Guidance // Qatar Financial Centre Regulatory Authority. — URL: <https://qfcra-en.thomsonreuters.com/rulebook/ctrl-845-guidance> (date of application: 29.01.2026).
10. Wolski, P. Outsourcing in the process model of business management — economic aspects: Master's thesis. — Warsaw: Warsaw University of Technology, 2024. — 78 p.

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПО СОЦИАЛЬНЫМ ГРУППАМ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ (2022–2025)

FINANCIAL LITERACY OF THE RUSSIAN POPULATION: DIFFERENTIATION BY SOCIAL GROUPS AND EFFECTIVENESS OF STATE POLICY MEASURES (2022–2025)

I. Yuras

Summary. The article analyzes the level of financial literacy among various population groups in Russia over the period 2022–2025, based on data from the Bank of Russia, NAFI, VTsIOM, and the Ministry of Finance. A pronounced differentiation in financial literacy by age, income, and territorial groups has been identified alongside an overall increase in average indicators. The paradox of simultaneous growth in financial knowledge and fraud-related losses is examined. State policy measures, educational and corporate programs are systematized and evaluated. The need for a transition from quantitative expansion of coverage to qualitative transformation of financial literacy program content is substantiated.

Keywords: financial literacy, financial culture, financial behavior, state policy, social differentiation, financial fraud, financial education.

Юрась Иван Владимирович

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования
«Московский университет «Синергия»
androimeda@mail.ru

Аннотация. В статье проведён анализ уровня финансовой грамотности различных слоёв населения России за период 2022–2025 гг. на основе данных Банка России, НАФИ, ВЦИОМ и Минфина. Выявлена выраженная дифференциация финансовой грамотности по возрастным, доходным и территориальным группам при общем росте средних показателей. Исследован парадокс одновременного повышения уровня финансовых знаний и роста ущерба от мошенничества. Систематизированы и оценены меры государственной политики, образовательные и корпоративные программы. Обоснована необходимость перехода от количественного расширения охвата к качественной трансформации содержания программ повышения финансовой грамотности.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовая культура, финансовое поведение, государственная политика, социальная дифференциация, финансовое мошенничество, финансовое просвещение.

Финансовая грамотность населения является одним из ключевых факторов экономической устойчивости государства и благополучия домохозяйств. В условиях цифровизации финансовых услуг и роста киберпреступности способность граждан принимать обоснованные финансовые решения приобретает критическое значение. По состоянию на 2024 г. 76 % россиян пользуются мобильным банком [1], совокупная задолженность населения по кредитам достигла 34,8 трлн руб. [2], а ущерб от финансового мошенничества вырос до 27,5 млрд руб. [3]. Российский индекс финансовой грамотности (РИФГ) достиг в 2024 г. исторического максимума — 55 баллов из 100 [4], однако разрыв между наиболее и наименее грамотными группами составляет 15 баллов, а мошенничество растёт, несмотря на государственные программы с охватом более 34 млн участников ежегодно [5]. Данное противоречие определяет актуальность настоящего исследования.

Целью статьи является комплексный анализ уровня финансовой грамотности различных слоёв населения

России за период 2022–2025 гг., а также систематизация и оценка эффективности мер, предпринимаемых для устранения финансовой безграмотности. Исследование основано на сопоставительном анализе данных РИФГ (методология инФОМ/ЦБ РФ), Индекса финансовой грамотности НАФИ (методология ОЭСР), мониторинга ВЦИОМ и международных исследований. О.Е. Кузина определяет финансовую грамотность как совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих принимать обоснованные решения и эффективно управлять личными финансами [6]. А. Лусарди и О.С. Митчелл показали статистически значимую связь между уровнем финансовой грамотности и финансовым благополучием домохозяйств [7]. В настоящей статье анализируется не только уровень знаний, но и поведенческий компонент финансовой грамотности.

Анализ уровня финансовой грамотности по данным официальных источников

Все основные индексы демонстрируют устойчивый, хотя и умеренный рост финансовой грамотности на-

селения России. РИФГ вырос с 52 баллов в 2017 г. до 55 баллов в 2024 г. — максимума за всё время измерений [4]. Доля респондентов с высоким и выше среднего уровнем составила 43 % (против 34 % в 2017 г.), при этом доля с низким уровнем сократилась незначительно — с 34 % до 32 % [8]. Рост происходит преимущественно за счёт перехода респондентов из средней группы в группу с высоким уровнем, тогда как наименее грамотные слои практически не затронуты.

Индекс НАФИ (методология ОЭСР) вырос на 5,3 % за шесть лет — с 12,12 до 12,77 балла из 21 [9]. Самооценка финансовой грамотности по данным ВЦИОМ увеличилась до 3,43 балла из 5 в 2025 г. [1]. Индекс цифровой финансовой грамотности НАФИ за два года вырос с 5,63 до 6,02 балла из 10, однако 8 % населения демонстрируют низкий уровень, а 11 % переоценивают свои навыки [10].

Детальный анализ компонентов грамотности выявляет тревожные тенденции. Повысилось понимание инфляции (с 78 % до 81 %) и ссудного процента (с 68 % до 75 %) [11], однако доля населения, способного рассчитать простой процент по вкладу, снизилась с 48 % до 46 % [9], а доля считающих, что деньги нужно тратить, а не капитализировать, выросла до 56 % [9]. Это свидетельствует о расхождении когнитивного и поведенческого компонентов грамотности.

В декабре 2024 г. впервые рассчитан Индекс финансовой культуры (разработан МГУ и ИНФОМ по заказу ЦБ и Минфина) — 41,7 балла из 100 [12]. Сравнительно низкое значение при более высоком индексе финансовой грамотности (55 баллов) подтверждает гипотезу о разрыве между знаниями и поведением.

Дифференциация финансовой грамотности по социальным группам

Центральным результатом анализа является значительная дифференциация уровня финансовой грамотности между социальными группами, которая при общем росте средних показателей не сокращается.

Молодёжь (14–22 года) демонстрирует наиболее впечатляющую динамику: РИФГ вырос с 55 до 62 баллов за 2017–2024 гг. [13]. По данным НАФИ (2024), 66 % молодых людей задумываются о финансовом будущем, 89 % считают важной финансовую подушку безопасности [14]. Вместе с тем финансовая автономия подростков 15–19 лет составляет лишь 3,8 из 9 баллов [6], 75 % подростков заявляют о потребности в дополнительном образовании [15], а 29 % молодых людей 18–24 лет готовы взять кредит на покупку «любимой вещи» [14].

Пенсионеры и лица старше 60 лет — наиболее уязвимая группа: РИФГ составляет лишь 49 баллов — на 12 ниже молодёжного [4]. Поколение «застоя» (1948–1967 г.р.) демонстрирует самую низкую самооценку —

3,30 балла из 5, тогда как «старшие миллениалы» (1982–1991 г.р.) — 3,62 балла [13]. Низкий уровень цифровой грамотности делает пожилых особенно уязвимыми перед мошенниками.

Доходная стратификация выражена ярко: респонденты с доходом от 70 тыс. руб. показывают РИФГ 64 балла, с доходом менее 15 тыс. руб. — лишь 49 [4]. Разрыв в 15 баллов отражает замкнутый круг: низкая грамотность ведёт к неэффективным решениям, способствующим сохранению низкого дохода [8].

Территориальная дифференциация также значительна: жители Москвы показывают РИФГ 57–58 баллов, средний вклад в Москве — около 1,4 млн руб., тогда как в Ингушетии — 22,1 тыс. руб. [16]; 34,5 % всех вкладов сосредоточены в Москве [17]. Закредитованность варьирует от 31,7 средних зарплат в Туве до 10 в Кабардино-Балкарии [18].

По данным S&P Global FinLit Survey, 38 % взрослых россиян признаны финансово грамотными [19] — выше среднемирового (33 %) и стран БРИКС, но ниже развитых стран (США — 57 %, Германия — 66 %). По индексу НАФИ Россия занимает 9-е место среди 17 европейских стран [9]. В опросе OECD/INFE 2020 Россия показала высокие знания при слабом финансовом поведении [20] — паттерн, характерный для стран с переходной экономикой.

Меры государственной политики и методы повышения финансовой грамотности

Стратегия повышения финансовой грамотности на 2017–2023 гг. [21] завершилась со значительными результатами: финансовая грамотность преподаётся в 98 % школ, обучено более 135 тыс. педагогов, охват превысил 60 млн граждан [11]. Во всех 85 регионах утверждены программы, в 53 созданы региональные центры. С 2022 г. финансовая грамотность интегрирована в предметы 1–9 классов, с 2023 г. — в обществознание для 10–11 классов [22].

Новая Стратегия до 2030 г. [23] отражает сдвиг от грамотности к культуре — от передачи знаний к формированию ценностей и поведенческих практик. Цель — 100 % охват школьников и студентов колледжей (текущий показатель — 67 %), создание центров во всех регионах [24]. Бюджетные расходы в 2024 г. составили 564 млн руб. при практическом отсутствии внебюджетных средств [25].

Программы Банка России образуют ядро системы: портал «Финансовая культура» (fincult.info), Всероссийский онлайн-зачёт (1,9 млн участников в 2023 г.) [26], онлайн-уроки для школьников (3 млн просмотров, 22 тыс. школ) [27]. Программы Минфина через портал «Мои Финансы.рф» и эстафету «Мои финансы» охватили 34 млн участников во всех 89 регионах [5]. Олимпиадное движение растёт: Плехановская олимпиада (6 017 участников), «Высшая проба» НИУ ВШЭ (14 152 участника), олимпиада для колледжей (32 тыс.) [5].

Корпоративные программы банков дополняют государственные: «СберСова» (800 школ) [28], «ВТБ Образование», Тинькофф Журнал (17 млн читателей) [29]. Для уязвимых групп реализуются программы обучения пенсионеров через МФЦ и библиотеки, мобильные бригады для сельских территорий, интерактивные форматы для молодёжи. В рамках Стратегии до 2030 г. предусмотрены модули для лиц с ОВЗ и мигрантов [23].

Оценка эффективности принятых мер

Оценка эффективности обнаруживает фундаментальное противоречие. С одной стороны, РИФГ вырос на 3 балла за 7 лет, доля сберегающих россиян увеличилась с 30 % (2010) до 55 % (2024) [30], доля пользующихся мобильным банком — с 20 % (2011) до 76 % (2025) [1], доверие к банкам возросло до 82% [31].

С другой стороны, ущерб от мошенничества вырос с 14,2 млрд руб. в 2022 г. до 27,5 млрд руб. в 2024 г. (+74 %) [3]. По оценке МВД — 200 млрд руб. [32], по оценке Сбербанка — 295 млрд руб. [3]. Число киберпреступлений достигло 765 тыс. [33], банки возвращают лишь 8 % похищенных средств [34]. Парадокс объясняется расширением цифровизации (76 % населения в мобильном банке), переоценкой своих навыков (11 % россиян) [10] и быстрой адаптацией мошенников: в 2024 г. 40 % мошенничеств связано со взломом аккаунтов Госуслуг.

Исследование В. Зверевой, А. Синякова и Т. Шеловановой на данных «Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам» за 2020 и 2022 гг. подтвердило: финансовая грамотность статистически значимо связана с ответственным финансовым поведением, но не гарантирует его — знания являются необходимым, но недостаточным условием [35]. Именно поэтому переход к концепции финансовой культуры в Стратегии до 2030 г. представляется обоснованным.

Закредитованность населения остаётся системной проблемой. На январь 2024 г. 50 млн россиян имели кредиты (более 40 % взрослого населения), совокупная задолженность достигла 34,8 трлн руб. [2], средний долг на трудоспособного гражданина — 403 тыс. руб. При этом 47 % заёмщиков имели 3 и более кредитов [36]. Региональная дифференциация закредитованности коррелирует с уровнем финансовой грамотности, что свидетельствует о необходимости сочетания образовательных мер с институциональной защитой прав потребителей.

Направления повышения эффективности государственной политики

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд направлений повышения эффективности государственной политики в сфере финансовой грамотности.

Первое направление — персонализация программ для уязвимых групп. Текущая политика недостаточно учитывает разрыв в 15 баллов РИФГ. Для пенсионеров (РИФГ 49), жителей сёл и малоимущих необходимы специализированные программы, адаптированные к их жизненным ситуациям.

Второе направление — усиление поведенческого компонента через внедрение «подталкивающих» механизмов (nudging) и геймификации. Третье — приоритетное развитие антимошеннической грамотности с регулярным обновлением сценариев обучения. Четвёртое — привлечение внебюджетного финансирования: вовлечение финансового сектора в софинансирование программ позволит масштабировать наиболее эффективные практики.

Заключение

Анализ данных четырёх мониторинговых систем за 2022–2025 гг. позволяет зафиксировать три ключевых вывода. Первый: финансовая грамотность россиян растёт, но темпы (3 балла РИФГ за 7 лет) недостаточны для преодоления структурных разрывов — разница между молодёжью (62 балла) и пенсионерами (49 баллов), между высокодоходными (64) и малоимущими (49) гражданами сохраняется. Масштабные государственные программы (34 млн участников ежегодно, 98 % охват школ) привели к значительным количественным результатам, однако качественная трансформация финансового поведения происходит медленнее.

Второй вывод: парадокс роста грамотности и мошенничества (ущерб +74 % до 27,5 млрд руб.) указывает, что знания без устойчивых поведенческих паттернов не обеспечивают безопасности. Расхождение между индексом грамотности (55 баллов) и индексом культуры (41,7) подтверждает данный тезис. Переход к концепции финансовой культуры в Стратегии до 2030 г. является стратегически верным решением.

Третий вывод: институциональная инфраструктура финансового просвещения сформирована (98 % школ, 85 региональных программ, корпоративные платформы), и прогресс зависит от качественной трансформации — персонализации для уязвимых групп, усиления поведенческой направленности, развития антимошеннической грамотности и привлечения внебюджетного финансирования. Комплексный подход, сочетающий образовательные методы с поведенческими интервенциями и институциональными мерами защиты, позволит обеспечить реальное повышение финансовой безопасности населения России.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЦИОМ. Финансовая (без)грамотность в России: мониторинг. 22 апреля 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/finansovaja-bezgramotnost-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 20.02.2026).
2. РБК. Число россиян с кредитами достигло 50 млн. URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/04/2024/660c0a9e9a79473d5dc5bea2> (дата обращения: 20.02.2026).
3. РБК Life. Мошенники украли у россиян не менее ₹295 млрд в 2024 году. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/67c701169a79471c14b76fa5> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Банк России. Российский индекс финансовой грамотности — 2024. URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/ (дата обращения: 20.02.2026).
5. Россия расширяет финансовую грамотность: 34 млн участников в 2025 году // InvestFuture. URL: <https://investfuture.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Кузина, О.Е. Финансовая грамотность, финансовая культура и финансовая автономия молодежи / О.Е. Кузина, А.Я. Абдураманов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2025. — № 6(190). — С. 71–97.
7. Lusardi A., Mitchell O.S. The Economic Importance of Financial Literacy: Theory and Evidence // Journal of Economic Literature. — 2014. — Vol. 52, No. 1. — P. 5–44.
8. Рост финансовой грамотности россиян стал максимальным в 2024 году // Российская газета. 28.03.2025. URL: <https://www.rg.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
9. Аналитический центр НАФИ. Индекс финансовой грамотности россиян — 2024. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-finansovoy-gramotnosti-rossiyan-2024/> (дата обращения: 20.02.2026).
10. Аналитический центр НАФИ. За 2 года россияне улучшили свою цифровую финансовую грамотность (2024). URL: <https://nafi.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Минфин России. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года. URL: <https://minfin.gov.ru/fingram/> (дата обращения: 20.02.2026).
12. В России впервые оценили финансовую культуру жителей страны. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/12/2024/6769add9a79470171308a42> (дата обращения: 20.02.2026).
13. Россияне оценили свою финансовую грамотность на тройку с плюсом // АиФ. URL: <https://aif.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
14. Аналитический центр НАФИ. Насколько финансово грамотны российские подростки и молодёжь до 24 лет (2024). URL: <https://nafi.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
15. Аналитический центр НАФИ. 75% подростков хотят повышать свою финансовую грамотность. URL: <https://nafi.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
16. Россияне хранят деньги по-разному: средний вклад варьируется от 22 тыс. до 1,4 млн руб. // Независимая газета. 05.02.2024. URL: <https://www.ng.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
17. Москва и Петербург — лидеры по вкладам // mentoday.ru. 09.02.2026. URL: <https://www.mentoday.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
18. РБК. Закредитованность россиян: региональная дифференциация. 30.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
19. Klapper L., Lusardi A., van Oudheusden P. Financial Literacy Around the World: Insights from the S&P Global FinLit Survey. — Washington, DC: GFLEC, 2015.
20. OECD/INFE 2020 International Survey of Adult Financial Literacy. URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 20.02.2026).
21. Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // СПС «Консультант Плюс Проф».
22. Приказ Минпросвещения РФ от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении ФГОС начального общего образования»; Приказ № 287 «Об утверждении ФГОС основного общего образования» // СПС «Консультант Плюс Проф».
23. Распоряжение Правительства РФ от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс Проф».
24. Правительство России утвердило Стратегию повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года // government.ru. URL: http://government.ru/dep_news/49904/ (дата обращения: 20.02.2026).
25. Финансовая грамотность в России: первые результаты и новые вызовы национальной стратегии // Финансовый университет. URL: <https://www.fa.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
26. Всероссийский онлайн-зачёт по финансовой грамотности // Ruward. URL: <https://ruward.ru/award/2024/571045/> (дата обращения: 20.02.2026).
27. Банк России запускает новый формат онлайн-уроков финансовой грамотности для школьников. URL: <https://mts-link.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
28. Комплексная программа повышения финансовой грамотности от Сбера для школьников 8–10 классы // TheHRD. URL: <https://thehrd.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
29. «Тинькофф» запустил новое направление обучения финграмотности. 31.10.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5644208> (дата обращения: 20.02.2026).
30. Яков и Партнёры. Сбережения и кредитование населения России — 2024. URL: <https://yakovpartners.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
31. Аналитический центр НАФИ. Россияне стали больше сберегать, но меньше инвестировать (2024). URL: <https://nafi.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
32. Интерфакс. Ущерб от кибермошенничества в 2024 г. составил 200 млрд руб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1009710> (дата обращения: 20.02.2026).
33. Число IT-преступлений в 2024 году достигло рекордных 765,4 тыс. // Эксперт. URL: <https://expert.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
34. Журнал Уралсиб. Возврат средств жертвам мошенничества. URL: <https://journal.uralsib.ru/> (дата обращения: 20.02.2026).
35. Зверева В., Синяков А., Шелованова Т. Финансовая грамотность и финансовое поведение россиян // Econs.online. 2024. URL: <https://econs.online/> (дата обращения: 20.02.2026).
36. ТАСС. 47 % заёмщиков имели 3 и более кредитов. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19152749> (дата обращения: 20.02.2026).

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ

INDICTMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE HISTORY OF ITS FORMATION AND MODERN LEGAL APPROACHES

R. Adiatullin

Summary. The article is devoted to the study of the genesis and modern legal significance of the indictment as the final document of pre-trial proceedings. The article analyzes the evolution of the institution of prosecution from the private-law-suit model of the pre-reform process to public prosecution and written indictment, as well as the impact of the judicial reform of 1864 and the Soviet criminal process on modern legal regulation. Using a comparative legal approach, the features of the indictment document in the legal systems of the CIS countries, Romano-Germanic, Anglo-Saxon and Muslim traditions are revealed. The article substantiates the role of the indictment in determining the limits of the trial and protecting the rights of the accused.

Keywords: indictment, indictment, criminal proceedings, judicial proceedings, jurisprudence, legal guarantees.

Адиатуллин Рустем Искандерович

руководитель второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по РТ (г. Казань)
RustemA1981@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию генезиса и современного правового значения обвинительного заключения как итогового документа досудебного производства. Анализируется эволюция института обвинения от частно-исковой модели дореформенного процесса к публичному обвинению и письменному обвинительному акту, а также влияние судебной реформы 1864 г. и советского уголовного процесса на современное правовое регулирование. С использованием сравнительно-правового подхода раскрываются особенности обвинительного документа в правовых системах стран СНГ, романо-германской, англо-саксонской и мусульманской традициях. Обосновывается гарантийная роль обвинительного заключения в определении пределов судебного разбирательства и защите прав обвиняемого.

Ключевые слова: обвинительное заключение, обвинительный акт, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, правопедение, правовые гарантии.

Обвинительное заключение в уголовном судопроизводстве формировалось не как одномоментное нововведение, а как результат длительной трансформации представлений о природе преступления, о пределах власти государства и о процессуальных гарантиях личности, вследствие чего эволюция данного института демонстрирует постепенный, непоследовательный и во многом противоречивый переход от частной инициативы в преследовании к публичному обвинению, а также от устных и слабо формализованных процедур к письменному обвинительному документу, фиксирующему рамки судебного разбирательства.

Уже в древнерусском и дореформенном уголовном процессе развитие института обвинения прошло длительный и сложный путь, который характеризовался постепенным, непоследовательным и во многом противоречивым переходом от доминирования частной инициативы в уголовном преследовании к формированию элементов публичного обвинения, что было обусловлено эволюцией государственной власти, усложнением общественных отношений и изменением представлений о преступлении как посягательстве не только на част-

ный, но и на публичный интерес. При этом до судебной реформы 1864 года специального нормативного регулирования обвинения как самостоятельного процессуального института не существовало, поскольку «уголовное судопроизводство носило частно-исковой характер, для которого было характерно равноправие сторон... При отсутствии в государстве следственных органов бремя доказывания возлагалось на стороны процесса» [1, с. 91], и именно поэтому инициатива уголовного преследования исходила преимущественно от потерпевшего, выступавшего в роли истца, а суд, сохраняя дистанцию от доказательственной деятельности, ограничивался преимущественно арбитражной функцией и рассматривал дело как спор между равными сторонами.

Такая логика была не случайной, поскольку ранняя правовая культура связывала обвинение с частным притязанием и восстановлением нарушенного порядка между конкретными лицами, а не с публичной репрессией от имени государства. Поэтому данная модель уголовного процесса получила нормативное закрепление уже в первых правовых памятниках Древней Руси, в частности в Русской Правде, которая последовательно отража-

ла частно-исковой порядок уголовного преследования, поскольку поводом к возбуждению дела служила исключительно жалоба потерпевшего, каждый иск рассматривался как обвинение, а само уголовное преследование воспринималось через призму частного притязания, так как «всякое притязание носило деликтный характер» [2, с. 174], вследствие чего стороны самостоятельно собирали, представляли и обосновывали доказательства, и хотя их процессуальные права формально признавались равными, реальное равенство нередко нарушалось социальным статусом, имущественным положением и фактическими возможностями участников процесса.

Однако по мере укрепления централизованной государственной власти и по мере того, как преступление всё отчетливее осознавалось не только как частный вред, но и как угроза общественному и государственному порядку, уголовный процесс постепенно приобретал черты розыскного, или инквизиционного, производства, что выражалось в расширении инициативы властей, в ограничении роли частного обвинителя и в усилении властной компоненты расследования и доказывания. Важным этапом этого процесса стало принятие Соборного уложения 1649 г., которым был зафиксирован поворот к публичному преследованию, поскольку законодатель допустил возможность возбуждения уголовного дела при отсутствии частного истца и тем самым признал право государства самостоятельно инициировать уголовное преследование. При этом вплоть до XVIII в. сохранялось смешение частных и публичных начал, поскольку, с одной стороны, расширялась компетенция государственных органов и усиливались механизмы принуждения, а с другой — отдельные нормы, в частности положения главы 10 Соборного уложения, по-прежнему требовали жалобы потерпевшего для начала дела и тем самым подтверждали устойчивость частно-исковых принципов, хотя уже допускалась возможность начала преследования и без таковой в особых случаях, затрагивавших интересы государственной важности.

В эпоху Петра I эта эволюция достигает качественного перелома, и процесс окончательно приобретает розыскной характер, поскольку расследование преступлений становится функцией государственных органов, а главным и наиболее весомым доказательством признается признание обвиняемого, что резко снижает роль состязательных элементов и частной инициативы. Нормативное оформление прокурорского надзора в данный период связано с учреждением должности генерал-прокурора, поскольку в указе 1722 г. закреплялось: «Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору», а также предписывалось «сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы Сенат свою должность хранил» [12, с. 474].

Лишь в период реформ Екатерины II, и прежде всего с принятием «Учреждений для управления губерний»

1775 г., прокуроры получили обязанность участвовать в судебных заседаниях и поддерживать обвинение от имени государства при отсутствии частного истца, вследствие чего публичное обвинение получило более явные институциональные контуры, хотя полноценно процессуальное оформление итогового обвинительного решения всё ещё оставалось неопределенным, при этом нормативное понимание надзорной миссии на местах формулировалось через положение о том, что «вообще губернский прокурор и губернные стряпчие смотрят и бдение имеют о сохранении везде всякого порядка» [15, с. 135].

К началу XIX в. дореформенное российское право уже предусматривало стадию предварительного следствия, результатом которой фактически являлось составление следственным чиновником заключительного акта (рапорта) о ходе и итогах расследования, однако данный документ не обладал статусом самостоятельного процессуального института обвинения в современном смысле, поскольку он не определял окончательно пределы судебного разбирательства и не связывал суд в формулировании обвинения, а потому такой рапорт выполнял преимущественно техническую функцию передачи материалов дела в суд, тогда как судья сохранял широкие и по существу дискреционные полномочия по самостоятельному доформулированию обвинения, его изменению либо возвращению дела на доследование. В этой конструкции обнаруживалось и отсутствие четкого разграничения процессуальных ролей, и сохранение элементов розыскного начала, при которых обвинение и правосудие оставались функционально слитыми, поэтому до 1864 года уголовный процесс России сохранял полусостязательный и одновременно полуинквизиционный характер, при котором итоговое обвинение не имело самостоятельного процессуального оформления, что объективно предопределяло необходимость глубокой судебной реформы.

Судебная реформа 1864 года заложила основы современной модели обвинительного акта, поскольку ввела состязательное начало, независимый суд и четкое разграничение процессуальных функций, тем самым коренным образом изменив логику уголовного судопроизводства, при этом сам замысел реформы в доктринально-комментаторской традиции связывался с задачей ускорения и упорядочения правосудия, поскольку подчеркивалось, что «Правительство нацелено на создание суда скорого, правого, милостивого, равного для всех» [14, с. 1242], вместе с тем указывалось, что «Сенат избрал единственный верный путь к уяснению обрядов и условий, от которых зависит открытие правильного судебного разбирательства» [4, с. 1242]. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. впервые последовательно разделил стадии и роли участников процесса и одновременно институционально оформил итоговый обви-

нительный документ, который в тот период именовался «обвинительным актом» и составлялся следователем либо прокурором по окончании дознания для передачи дела в суд. Существенное новшество заключалось в разграничении повода к началу уголовного преследования и основания для привлечения лица в качестве обвиняемого, поскольку наличие одного лишь повода в виде жалобы или доноса стало недостаточным для предания суду, а требовалось обоснование обвинения совокупностью доказательств [1, с. 91], вследствие чего Устав установил, что после сбора достаточных улик следствие должно было оканчиваться составлением обвинительного акта, который подлежал обязательной проверке прокурором и лишь затем направлялся в суд, и именно так обвинение получило оформленный процессуальный документ, без которого судебное разбирательство не могло быть начато.

При этом Устав 1864 г. детально регламентировал форму и содержание обвинительного акта и тем самым предвосхитил ряд принципов современного уголовного процесса, усилив гарантии прав личности, поскольку закон требовал объективности и полноты обвинительного изложения и предписывал приводить не только сведения, подтверждающие виновность обвиняемого, но и обстоятельства, свидетельствующие в его пользу, а «громкое преувеличение виновности преступника не допускается» [1, с. 92]. Одновременно вводились существенные процессуальные гарантии для обвиняемого, включая право знать, в чем он обвиняется (ст. 403), право на ознакомление с материалами следствия (ст. 476), право на заявление возражений и жалоб, и в совокупности эти новеллы свидетельствовали о переходе от тайного розыскного процесса к гласному и состязательному, вследствие чего реформа заложила основы института государственного обвинения в современном понимании, отделив его от функции правосудия и закрепив его как самостоятельный процессуальный механизм.

Дальнейшая история показала, что принципы, заложенные в Уставе 1864 г., оказали существенное влияние на формирование советского уголовного процесса, хотя и были восприняты не напрямую, а в трансформированном виде из-за идеологических и политико-правовых отличий: после Октябрьской революции 1917 г. советская власть первоначально упразднила институты присяжных и частного обвинения, превратив уголовное преследование в исключительно государственную функцию, однако уже первые кодифицированные акты РСФСР — Уголовно-процессуальные кодексы 1922 и 1923 гг. — вновь закрепили концепцию итогового обвинительного документа, и в советском уголовном процессе окончательно утвердилось понятие «обвинительное заключение», под которым понимался «процессуальный акт, завершающий предварительное следствие и формулирующий его итоги, на основании которых дело направляется в суд» [12, с. 134].

В советской практике обвинительное заключение составлялось следователем и подлежало обязательному утверждению прокурором, при этом прокурорский надзор выступал прямым наследием принципа 1864 г. о предварительной проверке обвинения перед передачей дела в суд и был ориентирован на недопущение необоснованного предания суду, а с вступлением в силу УПК РСФСР 1960 г. процедура была детально регламентирована, поскольку устанавливались требования к структуре и содержанию заключения, сроки ознакомления обвиняемого и его защитника, порядок утверждения прокурором и последствия отказа в утверждении.

Чтобы показать, как единая по своей логике «советская» модель финализации расследования адаптировалась в разных постсоветских юрисдикциях, целесообразно кратко сопоставить национальные варианты по нескольким опорным критериям, не теряя из виду общий функциональный смысл итогового документа, который в доктрине традиционно раскрывается через тезис о том, что «обвинительное заключение — процессуальный акт, завершающий предварительное следствие и формулирующий его итоги, на основании которых дело направляется в суд» [12, с. 134], а также через более широкую характеристику, согласно которой «обвинительное заключение — это завершающий предварительное следствие процессуальный документ, содержащий сформулированное по делу обвинение, определяющее пределы судебного разбирательства, а также систему и анализ доказательств и фокусирующий процессуальное решение компетентных органов о возможности направления уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу» [3, с. 185].

1. Терминология итогового документа. В Казахстане и Киргизии используется термин «обвинительный акт» (ст. 298 УПК РК; ст. 247 УПК КР), в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Армении сохраняется термин «обвинительное заключение», в Республике Беларусь документ по сути аналогичен, но называется постановлением о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, тогда как в Республике Молдова итоговое обвинительное заключение оформляется прокурором в рамках особой модели [5].
2. Субъект составления итогового документа. В Казахстане и Киргизии итог по делу оформляет дознаватель или следователь, в Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане и Армении итоговый документ готовит следователь, в Беларуси завершение расследования оформляется следственным органом постановлением о передаче дела прокурору для направления в суд, тогда как в Молдове следователь ограничивается направлением прокурору заключения о проделанной работе и собранных доказательствах, а оконча-

тельное обвинительное заключение составляет прокурор.

3. Субъект утверждения и окончательного решения о направлении дела в суд. В Казахстане направление дела в суд связано с прокурорским решением и утверждением в предусмотренном законом порядке, причём в системе в целом заметно усиление роли прокуратуры (ст. 302 УПК Казахстана), в Таджикистане обвинительное заключение утверждается исключительно прокурором (ч. 1 ст. 248 УПК Таджикистана), в Беларуси процессуальная роль на завершающей стадии досудебного производства принадлежит прокурору, поскольку именно он выступает адресатом постановления следственного органа и субъектом, принимающим решение о направлении уголовного дела в суд, тогда как в Молдове прокурор не ограничивается утверждением итогов расследования, а самостоятельно формирует окончательное обвинительное заключение и обращается с ним в суд [11].
4. Модель завершения расследования. Для Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Армении и Беларуси в целом характерна одноступенчатая схема «итоговый акт след-

ствия → проверка прокурора → суд», тогда как Молдова использует двухступенчатую схему, при которой финальный обвинительный документ для суда составляет прокурор.

Проведённое сопоставление национальных моделей государств СНГ показывает, что при сохранении общего функционального назначения итогового обвинительного документа, конкретные процессуальные решения варьируются за счёт перераспределения ролей между следствием и прокуратурой, различий в терминологии и степени прокурорского контроля. Однако выявленные различия носят внутрисемейный характер и укладываются в рамки единой постсоветской традиции. Для более глубокого понимания природы обвинительного заключения и его процессуального значения представляется необходимым выйти за пределы национального регулирования и обратиться к сопоставлению того, как данная функция реализуется в различных правовых семьях, что позволяет выявить не только отличия форм, но и различия в базовых концепциях уголовного процесса (таблица 1).

Сравнительный анализ, представленный в таблице, показывает, что в различных правовых системах обвини-

Таблица 1.

Сравнительная характеристика института обвинительного документа в основных правовых системах [10]

Критерий	Романо-германская правовая семья	Англо-саксонская правовая система	Мусульманская правовая система
Правовая природа документа	Итоговый письменный обвинительный акт, формирующий юридическое основание для передачи дела в суд и подлежащий судебному контролю	Процессуальный акт допуска дела к суду, не завершающий расследование и не содержащий анализа доказательств	Самостоятельный письменный обвинительный документ традиционно отсутствует; обвинение носит устный характер
Субъект формирования обвинения	Прокурор либо следственный судья (в зависимости от модели и стадии процесса)	Большое жюри, либо прокурор	Кадий, совмещающий функции возбуждения дела, расследования и разрешения спора
Роль суда на стадии допуска дела	Суд осуществляет предварительную проверку обоснованности обвинения и принимает решение о допуске дела к разбирательству	Суд формально принимает обвинение; фактическая оценка осуществляется в ходе судебного разбирательства	Суд немедленно приступает к рассмотрению дела по существу без отдельной стадии допуска
Степень формализации содержания	Изложение фактических обстоятельств и юридической квалификации без детального анализа доказательств	Минимальное содержание: указание деяния и применимой нормы права	Устное обвинение; письменная фиксация либо отсутствует, либо носит вспомогательный характер
Связанность суда обвинением	Суд строго связан пределами предъявленного обвинения и не вправе выйти за его рамки	Предмет разбирательства определяется обвинением, но доказательства формируются исключительно в суде	Пределы разбирательства определяются усмотрением кадия
Гарантии защиты от расширения обвинения	Возврат дела прокурору либо предъявление нового обвинения при выходе за пределы первоначального	Процессуальные гарантии состязательности; запрет зачитывания обвинения присяжным	Очистительная клятва, повышенные требования к свидетелям и доказательствам
Современные трансформации	Сокращение объёма обвинительного акта при сохранении судебного контроля	Сохранение минималистской модели и приоритета состязательности	Частичная рецепция континентальных институтов в светских мусульманских государствах

тельный документ занимает неодинаковое место в структуре уголовного процесса и характеризуется различной степенью формализации. В рамках континентальной модели, к которой относится и российское уголовное судопроизводство, обвинительное заключение выступает строго регламентированным процессуальным актом, содержание и форма которого имеют принципиальное значение для определения пределов судебного разбирательства и реализации прав участников процесса. В этой связи представляется необходимым обратиться к российскому уголовно-процессуальному законодательству и последовательно проанализировать, какие требования закон предъявляет к форме и содержанию обвинительного заключения и какую роль данные требования играют в обеспечении законности, определённости обвинения и процессуальных гарантий сторон.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормативно закрепляет структуру и содержание обвинительного заключения, устанавливая исчерпывающий перечень сведений, подлежащих обязательному включению в данный процессуальный документ. В соответствии с законом в обвинительном заключении указываются: 1) сведения о личности обвиняемого, включая «фамилию, имя, отчество» и иные «данные о личности обвиняемого», а также «существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела» [7]. Законодатель тем самым ориентирует обвинительное заключение на точную фактическую индивидуализацию инкриминируемого деяния.

Наряду с этим обязательным элементом обвинительного заключения является «формулировка предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации» [7], что обеспечивает юридическую определённость обвинения. Отдельное значение имеет и требование о включении «перечня доказательств, подтверждающих обвинение, и краткого изложения их содержания» [7], а также самостоятельного указания «перечня доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткого изложения их содержания» [7], что отражает обязанность следствия учитывать и фиксировать позицию защиты на стадии завершения расследования. Дополнительно в обвинительном заключении подлежат отражению «обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» [7], сведения «о потерпевшем, о характере и размере вреда, причиненного ему преступлением» [7], а также «данные о гражданском истце и гражданском ответчике» [7].

Процессуальный статус обвинительного заключения как итогового акта предварительного расследования определяется и порядком его оформления и движения: закон прямо устанавливает, что «обвинительное заключение подписывается следователем» [7], после

чего «уголовное дело с обвинительным заключением... направляется прокурору» [7], который, реализуя функцию надзора и процессуального контроля, «утверждает обвинительное заключение... и направляет уголовное дело в суд» [7], либо принимает иное предусмотренное законом решение. Гарантийная направленность данной стадии выражается также в требовании о доведении обвинения до сведения стороны защиты, поскольку «копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому» [7], что обеспечивает реализацию права на защиту и возможность подготовки к судебному разбирательству на основе чётко определённых фактических и юридических границ обвинения.

Составление и утверждение обвинительного заключения влечёт предусмотренные законом правовые последствия, поскольку именно после завершения досудебного производства «уголовное дело направляется прокурору с обвинительным заключением» [7], а затем «прокурор утверждает обвинительное заключение... и направляет уголовное дело в суд» [7], вследствие чего дело переходит в судебную стадию, а лицо, в отношении которого сформулировано обвинение, фактически вступает в положение подсудимого в рамках судебного разбирательства. Суд, получив материалы, реализует полномочия по подготовке судебного разбирательства и обязан разрешить вопрос о дальнейшем движении дела, в том числе «о назначении судебного заседания» [7], при этом уже на данном этапе действует фундаментальная связанность суда содержанием предъявленного обвинения.

Базовый ориентир для судебного рассмотрения закреплён в норме, согласно которой «пределы судебного разбирательства определяются предъявленным обвинением» [7], что означает запрет на рассмотрение в суде деяний, не охваченных предъявленным обвинением, и предопределяет необходимость сохранения процессуальной определённости предмета доказывания. Одновременно законодатель прямо устанавливает возможность изменения обвинения в суде лишь при соблюдении ограничений, поскольку «судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению» [7], а выход за эти рамки допускается исключительно в пределах, не нарушающих гарантии стороны защиты. В частности, закон предусматривает, что изменение обвинения возможно, если оно не ухудшает положение лица, поскольку «изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» [7], в силу чего допустима переквалификация на менее тяжкий закон при сохранении фактических рамок обвинения, тогда как расширение обвинения за пределы первоначально предъявленного требует применения предусмотренных законом процедур реагирования со стороны суда и органов обвинения.

Указанные правила определяют и доказательственную логику судебной стадии, поскольку «судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения» [7], а дальнейшее исследование доказательств подчинено проверке обстоятельств, составляющих содержание предъявленного обвинения. При этом общий принцип оценки доказательств в суде закреплён тем, что «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы» [7], вследствие чего выводы суда не могут быть подменены изложением позиции следствия в обвинительном заключении, а формируются на основании непосредственного исследования доказательств и их оценки «по своему внутреннему убеждению» [7]. В результате обвинительное заключение выступает процессуальной основой для определения предметных границ судебного разбирательства, однако не приобретает статуса доказательства и не заменяет требования о непосредственном и состязательном исследовании доказательств в судебном заседании.

Социальное назначение обвинительного заключения заключается в том, что оно обеспечивает баланс между эффективным уголовным преследованием и защитой прав личности от необоснованного обвинения, поскольку, с одной стороны, данный документ концентрирует результаты борьбы с преступностью и обеспечивает возможность передачи дела в суд, а с другой стороны, его обязательность и формализованность препятствуют произвольному преданию суду без достаточных оснований [9]. Конституционные гарантии государственной защиты прав личности от необоснованного обвинения и незаконного преследования (ст. 45, 46 Конституции РФ), а также презумпция невиновности (ст. 49 ч. 1 Конституции РФ) предопределяют, что обвинительное заключение само по себе не доказывает вину, а лишь фор-

мулирует обвинение, подлежащее судебной проверке [6], и именно поэтому дореволюционная доктрина подчеркивала относительность значения обвинительного акта. И.Я. Фойницкий метко отмечал: «...обвинительный акт для окончательного производства представляется лишь канвою, на которой может быть нарисован разный рисунок» [14, с. 386], и эта метафора сохраняет актуальность, поскольку обвинительное заключение формирует каркас будущего разбирательства, но окончательный «рисунок» в виде обвинительного или оправдательного приговора создается судом на основе состязательного исследования доказательств.

Таким образом, по результатам исследования установлено, что обвинительное заключение в российском уголовном процессе выполняет комплексную процессуальную функцию: оно завершает стадию предварительного расследования, формулирует окончательное обвинение, обеспечивает передачу дела в суд при прокурорском контроле и определяет пределы судебного разбирательства. Историко-правовой анализ демонстрирует, что устойчивость данного института обусловлена развитием публичного обвинения и институциональным разграничением функций расследования, обвинения и правосудия, а сравнительно-правовое сопоставление подтверждает: при разнообразии моделей обвинительного документа в разных правовых семьях именно континентальная традиция придаёт узловое значение письменному обвинительному акту как юридическому основанию судебного рассмотрения. Следовательно, требования закона к структуре, содержанию и порядку процессуального движения обвинительного заключения имеют системное значение для обеспечения законности, предсказуемости предмета доказывания и реализации права на защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бастрыкин В.В. Исторические аспекты становления и развития нормативного регулирования обвинительной деятельности в уголовном судопроизводстве России в досоветский период // Молодой ученый. — 2020. — № 38 (328). — С. 90–92.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки истории русского права. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 640 с.
3. Гумеров Т.А. Обвинительное заключение: правовая природа, содержание, процессуальные последствия: дис. . . канд. юрид. наук. — Казань, 2009. — 257 с.
4. Кони А.Ф. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий / А. Ф. Кони; под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — М., 1914. — С. 1243–1244.
5. Межпарламентская Ассамблея СНГ. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ (принят 17.02.1996 г. на 7-м пленарном заседании МПА СНГ) // Сборник модельных законодательных актов СНГ. — СПб.: МПА, 1996. — С. 256–300.
6. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. — М.: Юрид. лит., 1994. — 63 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.01.2026).
8. Россинский С.Б. Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы // Российский следователь. — 2023. — № 10. — С. 10–14.
9. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. — СПб.: Наука, 2000. — 276 с.
10. Степанченко А.В. Правовая регламентация составления обвинительного заключения в государствах — участниках СНГ и иных иностранных государствах // Молодой ученый. — 2025. — № 29 (580). — С. 99–102.
11. Строгович М.С. Советский уголовный процесс. — М.: Госюриздат, 1951. — 511 с.
12. Указ Петра I «О должности генерал-прокурора» от 12.01.1722 г. // Полное собрание законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 6. — СПб., 1830. — № 3877. — С. 474–475.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. — Т. 2. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1899. — 580 с.
14. Юдина Т.Ф. Эволюция нормативно-правовой основы российской прокуратуры в дореволюционный период / Т. Ф. Юдина // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (к 300-летию Российской прокуратуры). — 2023. — С. 129–141.

© Адиатуллин Рустем Искандерович (RustemA1981@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ¹

ABUSE OF CORPORATE RIGHTS AT GENERAL MEETINGS: PROBLEMS IN CASE LAW

**R. Baldanov
A. Maradulin**

Summary. This article analyzes unfair conduct by participants (shareholders) during general meetings in business entities. The authors consider the lack of clear and strict legislative guidelines for qualifying actions (inaction) as abuse of corporate rights and their weak supplementation by the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Higher Arbitration Court of the Russian Federation to be a problem. The authors examine three main forms of unfair conduct during general meetings in business companies: manipulation of the venue of the general meeting, «serial» requests to convene extraordinary general meetings on the same issues, and evasion of participation in order to disrupt the quorum of the general meeting. The conclusion is made about the need to develop a system of specific criteria for distinguishing between good faith and unfair conduct at general meetings.

Keywords: abuse of corporate rights, general meeting of shareholders (participants), evasion of participation in the meeting, substitution of the will of a participant, corporate conflict.

Вред-то он причинил в итоге или нет? Вроде как да — общество понесло расходы на созыв собраний. Тогда почему не потребовало возмещения от акционера, неоднократно созывавшего такие собрания? Не позволяет закон? Прекрасно — боритесь за изменение закона!

В.А. Белов. «Когда говорит право...»

Действующее корпоративное законодательство в числе массивного ряда прав акционеров (участников) предусматривает для них возможность требовать проведения общего собрания (ОС) (ст. 35 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» («**Закон об ООО**»)) и ст. 55 ФЗ от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» («**Закон об АО**»)). Вместе с тем, общими положениями гражданского за-

Балданов Руслан Владимирович
Кандидат юридических наук, УрГЮУ;
младший юрист, Адвокатское бюро ЕПАМ, Москва
ruslan_baldanov@epam.ru
Марадюлин Айдар Эмирович
НИИ ВШЭ;
Паралигал, Адвокатское бюро ЕПАМ, Москва
maradulin.pla@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу недобросовестного поведения участников (акционеров) при проведении общих собраний в хозяйственных обществах. В качестве проблемы авторы рассматривают отсутствие четких и строгих законодательных ориентиров при квалификации действий (бездействия) в качестве злоупотреблений корпоративными правами и их слабое восполнение позициями Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Авторы исследуют три основные формы недобросовестного поведения при проведении общих собраний в хозяйственных обществах: манипулирование местом проведения общего собрания, «серийные» требования о созыве внеочередных общих собраний по тем же вопросам и уклонение от участия для срыва кворума общего собрания. Сделан вывод о необходимости формирования системы конкретных критериев разграничения добросовестного и недобросовестного поведения при проведении общих собраний.

Ключевые слова: злоупотребление корпоративными правами, общее собрание акционеров (участников), уклонение от участия в собрании, замещение воли участника, корпоративный конфликт.

конодательства установлен запрет на злоупотребление правом, выраженный в недопустимости заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав посредством шиканы, обхода закона с противоправной целью либо иного заведомо недобросовестного поведения. Очевидно, такой запрет распространяется, в том числе, на осуществление корпоративных прав, с поправкой на их специфику — с учетом субъекта права (участник / акционер), а также корпоративного характера отношений.

В силу «каучукового» характера критериев добросовестности, в ходе исторического развития корпоративного законодательства были сформированы подходы судов, касающиеся признания конкретных действий

¹ Правовые позиции, приводимые в настоящей публикации, являются частным мнением автора и не отражают позицию Адвокатского бюро ЕПАМ, а также не могут использоваться как предпосылки для составления представления о возможных правовых позициях Адвокатского бюро ЕПАМ в будущем.

акционеров (участников) злоупотреблением корпоративными правами. Сформированные «прецедентные» позиции зачастую могут влечь за собой неоднозначные последствия при рассмотрении споров в порядке ст. 225.1 ГК РФ. При этом такие подходы судов имеют особое значение для проведения ОС, в связи с чем в рамках настоящей работы проведено исследование проблем, связанных с недобросовестным осуществлением корпоративных прав при проведении ОС, в частности, при избрании места проведения ОС, при неоднократных требованиях участников о проведении ОС и при уклонении от участия в ОС.

Место проведения собрания

Высокая значимость общего собрания участников корпорации зачастую приводит к тому, что некоторые акционеры (участники) прибегают к крайним мерам, включая откровенно сомнительные юридические механизмы, чтобы ограничить возможности других участников общества в реализации их прав. Одним из таких механизмов является определение мест проведения ОС без учета реальной возможности всех участников реализовать свое право на участие в соответствующем собрании. Подобные действия неоднократно являлись предметом оценки судов на соответствие критериям добросовестности.

Так, ВАС РФ еще в 2008 году прямо указал на то, что определение места проведения ОС за границами Российской Федерации представляет собой злоупотребление корпоративными правами¹. В данном деле акционер (участник) пытался признать недействительным решение о внесении в устав положений, позволяющих совету директоров (СД) устанавливать место проведения ОС на территории стран дальнего зарубежья. ВАС РФ согласился с позицией истца и со ссылкой на неосуществление обществом деятельности в соответствующих государствах сделал вывод о том, что «определение их в качестве мест проведения общих собраний не связано с особенностями хозяйственной деятельности общества или местом пребывания его акционеров»², в связи с чем такие действия должны быть квалифицированы судом как злоупотребление правом по смыслу ст. 10 ГК РФ.

Такой подход ВАС РФ представляется более чем логичным и закономерным, поскольку, например, императивные нормы Закона об АО предусматривают право акционеров на равный доступ к участию в ОС (п. 2 ст. 31 Закона об АО). Действительно, проведение ОС на территории, куда **участник объективно не может прибыть**

или же прибытие туда связано с существенными трудностями, временными и финансовыми затратами, с очевидностью должно быть квалифицировано в качестве злоупотребления правом. С такой позицией, в частности, соглашается и Д.И. Степанов, исследуя данный вопрос в контексте признания недействительным решения собрания по мотиву нарушения равенства прав акционеров (участников) общества на участие в ОС (в порядке пп. 3 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ)³.

Важно отметить, что ВАС РФ не просто сделал вывод о недопустимости «зарубежных собраний», а указал на то, что **(а)** акционеры (участники) общества должны иметь безусловное право участия на ОС и **(б)** место проведения ОС должно коррелировать с основным местом осуществления деятельности общества. В этой связи такой подход был уточнен в деле Славичи⁴, в котором ВАС РФ указал на необходимость обеспечения **реальной возможности** принять участие в ОС путем его проведения в населенном пункте, являющемся местом нахождения общества. Более того, данный вывод сделан во взаимосвязи с необходимостью указания в уведомлении точного адреса (не ограничиваясь населенным пунктом) места проведения собрания. Интересно, что в деле № А40-20109/2012 и вовсе был сделан вывод о том, что даже отсутствие указания на конкретное помещение (например, в гостинице или бизнес-центре) является нарушением порядка созыва ОС — «...собрание проводилось по адресу: Москва, Коровинское ш., д. 10. Следовательно, вывод о том, в каком именно помещении проводилось собрание, сделать невозможно»⁵. В целом на исследуемую проблему косвенно обращал внимание и А.А. Кузнецов, указывая на то, что «отечественная судебная практика содержит богатую казуистику процедурных нарушений»⁶.

Очевидно, упомянутые подходы ВАС РФ стали практикообразующими и по сей день являются ориентиром для правоприменительных органов. В целом суды исходят из того, что проведение ОС на территории иного субъекта является грубым нарушением порядка проведения собраний⁷. В частности, в деле № А21-1303/2023

³ См.: Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. 284 с.

⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 22.02.2011 № 13456/10 по делу № А33-15463/2009.

⁵ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 19.11.2013 № 9515/13 по делу № А40-20109/2012.

⁶ Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. С. 199–271.

⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19.12.2022 по делу № А54-7790/2021, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.12.2020 по делу № А41-95156/2019, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.02.2019 по делу № А40-110830/2016.

¹ Пункт 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 25.11.2008 № 127 // Вестник ВАС РФ. — 2009 г. — № 2, февраль 2009.

² Там же.

сделан вывод о том, что проведение обществом, находящимся в г. Калининграде, собрания на территории г. Санкт-Петербурга является необоснованным. Аналогично в деле № А83-20860/2021 суды признали необоснованным проведение ОС в Москве с учетом местонахождения общества в г. Симферополь⁸.

Вместе с тем, при анализе судебной практики выявлены дела с неоднозначными выводами судов. Так, например, в деле № А40-158627/2021 суды сделали вывод о том, что проведение собрания в подмосковном поселке Барвиха (Одинцовский р-он, д. Рождествено, 12Б) является существенным нарушением порядка созыва ОС и приводит к злоупотреблению корпоративными правами, принимая во внимание место нахождения общества — г. Москва⁹. Интерес к данному делу вызван тем, что место проведения ОС находится в непосредственной близости к г. Москва. Полагаю, что в данном случае суд *de facto* **ограничился исключительно формальным толкованием позиции ВАС РФ** и сделал вывод о том, что проведение ОС в ином регионе является злоупотреблением корпоративными правами. Допустимо ли применение такого формального подхода, если от места нахождения общества до места проведения собрания — всего пара десятков километров?

Важно учесть, что само по себе проведение собрания в ином регионе не является безусловным нарушением порядка созыва ОС. Так, в деле № А51-11109/2019 суды признали правомерным организацию ОС в соседнем населенном пункте, поскольку это было мотивировано необходимостью вызова нотариуса — более того, в том же населенном пункте ОС проводились и ранее, при этом с участием несогласного участника¹⁰. То есть, в целом проведение ОС в условиях территориальной удаленности от местонахождения общества допустимо, если этого требуют объективные обстоятельства, в особенности, если ранее общество уже проводило собрания подобным образом, а участники общества не заявляли против этого возражений (т.е. суд может де-факто применить к несогласному участнику принцип эстоппель).

Так, исходя из судебной практики, в общем виде можно вывести несколько критериев добросовестности при определении места проведения общего собрания. Во-первых, собрание рекомендуется проводить в рамках региона, в котором зарегистрировано общество. Так называемые «пограничные» случаи (проведение собрания в соседнем регионе) не позволяют нивелировать риск установления факта злоупотребления правом — суды

⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.03.2023 по делу № А83-20860/2021.

⁹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.06.2022 по делу № А40-158627/2021.

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.08.2020 по делу № А51-11109/2019.

склонны занимать формальный подход к решению данного вопроса. Во-вторых, при организации рассылки извещений о проведении собраний необходимо указывать адрес таким образом, чтобы участнику было ясно о каком месте идет речь — формальное дублирование адреса из ЕГРЮЛ не поможет «исцелить» такое собрание.

С учетом изложенного, особый интерес представляют недавние поправки, внесенные в Закон об АО¹¹. Так, с 1 марта 2025 года вступили в законную силу положения, регулирующие **проведение дистанционного собрания**, в полной мере поправки заработают с 1 сентября 2027 года. Полагаю, что в связи с регламентацией порядка проведения ОС с помощью электронных и технических средств, суды могут пересмотреть подход, основанный на упомянутой выше позиции ВАС РФ, и исключить строго формальное признание злоупотреблением проведение ОС в ином регионе. Вместе с тем, представляется неясным, каким образом суды будут устанавливать **критерий «реальной и необременительной» возможности** принять участие на ОС. Сможет ли акционер, чье право нарушено ссылаться, на то, что общество не воспользовалось возможностью проведения дистанционного собрания по правилам ст. 49.1 Закона об АО?

Для целей настоящего исследования необходимо также обратиться к регулированию данного вопроса в рамках иностранных правопорядков. Например, Кодекс Штата Делавэр¹² предусматривает возможность проведения собрания акционеров как в пределах, так и за пределами штата (п. 1 пар. 211 Кодекса Штата Делавэр). Вместе с тем, не рассмотрен вопрос о допустимости проведения собрания за пределами США, однако **на корпорацию возложена обязанность принять разумные меры для предоставления таким акционерам и доверенным лицам разумной возможности** участвовать в собрании и голосовать по вопросам (пп. «б» п. 2 пар. 211 Кодекса Штата Делавэр). Аналогично данный вопрос урегулирован в немецком законодательстве. Так, в силу п. 5 пар. 121 Акционерного закона Германии общее собрание должно проводиться по месту нахождения компании¹³. То есть, в целом иностранное регулирование корреспондирует отечественному подходу, принимая во внимание особенность, связанную

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 287-ФЗ // Российская газета. — 15.08.2024 г. — № 181. — с изм. и допол. в ред. от 20.03.2025.

¹² Corporations // The Delaware Code Online URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc07/index.html> (дата обращения: 29.12.2025).

¹³ Stock Corporation Act // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aktg/englisch_aktg.html#p0779 (дата обращения: 29.12.2025).

с установлением самого факта злоупотребления корпоративными правами.

Таким образом, действительно не могут быть признаны добросовестными намеренные действия по выбору места ОС таким образом, чтобы один / несколько участников не могли до него добраться без существенных временных затрат и (или) экономических потерь. Подобная манипуляция местом проведения собрания образует «чистый случай» злоупотреблением корпоративными правами и, вместе с тем, может являться основанием для признания его недействительным (для целей пп. 3 п. 1 ст. 181.4 ГК РФ).

Неоднократные требования о созыве ВОСА по одному вопросу

Помимо изложенного, ВАС РФ сформировал подход, согласно которому неоднократное предъявление требований о созыве внеочередного общего собрания акционеров («ВОСА») является злоупотреблением корпоративными правами¹⁴. Представляется, что данный кейс особенно подчеркивает необходимость реализации любого права с применением критериев разумности и добросовестности, в связи с чем право на защиту также не должно противоречить им.

Такая позиция ВАС РФ в полной мере соответствует ведущим международным правовым порядкам в той мере, в которой в них устанавливается запрет шиканы. То есть, не могут считаться правомерными действия акционеров (участников), направленные на причинение вреда обществу.

Доктринальные подходы также единообразно поддерживают такой вывод ВАС РФ. В частности, О.В. Осипенко в качестве обхода закона в сфере корпоративного управления указывает на «целенаправленное провоцирование «процедурных нарушений» эмитента, высоковероятных при отсутствии нормативно-правовой определенности и нестабильности судебной практики (например, «серийные требования» акционеров проведения ВОСА»¹⁵. Аналогично Е.С. Зрилова указывала на то, что акционеру позволительно злоупотреблять своими правами, «ежедневно направлять требования о проведении собраний»¹⁶. При этом отечественные правоведы в целом указывают на то, что в силу несовершен-

ства корпоративного законодательства не представляет труда перевести общество в осадное положение, периодически направляя от разных лиц требования о проведении ОС¹⁷. Например, Р.В. Макин особенно выделяет злоупотребление корпоративными правами со стороны миноритарных акционеров, в частности при инициации общих собраний по малозначимым вопросам¹⁸.

Между тем, отдельного внимания заслуживает вопрос взыскания обществом убытков, понесенных в связи с необоснованными требованиями акционера о проведении ВОСА. То есть, если допустить ситуацию, при которой акционер неоднократно направлял требования о проведении ВОСА в адрес общества, в связи с чем на последнее необоснованно были возложены расходы на их организацию и проведение, то вправе ли общество по общим основаниям (ст.ст. 10, 15, 1064 ГК РФ) требовать взыскания убытков? А если акционер в условиях корпоративного конфликта направляет заведомо неисполнимые требования о проведении ВОСА (например, в силу установленных законодательством сроков) и (или) формулирует вопросы таким образом, чтобы акционеры (участники) заведомо не могли принять по ним решение?

Представляется, что ответ на подобные вопросы с очевидностью должен быть утвердительным, поскольку такое право даже строго формально следует из общих положений гражданского законодательства. Вместе с тем, например, в деле, в котором ВАС РФ сделал соответствующий вывод¹⁹ (см. выше), общество не предъявляло требований о взыскании убытков. Однако в самом судебном акте прямо указано: «При этом **расходы на организацию, подготовку и проведение собраний легли на ответчика**».

Между тем, в судебной практике соответствующие примеры не выявлены. В целом, в практике имеется крайне немногочисленное количество дел, где общество пыталось взыскать с акционера убытки, понесенные в связи с необоснованной организацией ВОСА. Однако во всех таких кейсах суды не установили сам факт злоупотребления правом, но, **при этом, не сделали**

¹⁷ См.: Корпоративное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 384.

¹⁸ См.: Макин Р.В. Фидуциарные обязанности миноритарных участников хозяйственных обществ и их применение в ситуации злоупотребления правом на блокирование решения компании // Корпоративное право: проблемы и решения: сб. работ / сост. и отв. ред. И.С. Чупрунов. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 320.

¹⁹ См.: Пункт 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 25.11.2008 № 127 // Вестник ВАС РФ. — 2009 г. — № 2, февраль 2009.

¹⁴ Пункт 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 25.11.2008 № 127 // Вестник ВАС РФ. — 2009 г. — № 2, февраль 2009.

¹⁵ Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: монография. Москва: Статут, 2022. 758 с

¹⁶ Зрилова Е.С. Правовые институты регулирования экономических отношений собственности // Право и экономика. 2010. № 2. С. 32–41.

выводов об отсутствии у общества права на иск²⁰. То есть, в целом, если допустить, что шикана доказана, то общество вправе требовать взыскания убытков.

Важно отметить, что убытки, связанные с проведением ОС, не ограничиваются тратами в размере 1–2 тыс. руб. на извещение всех участников. Напротив, такие расходы включают в себя затраты на подготовку собрания, аренду помещения, услуги регистратора, организацию питания, проезд, а также проживание иногородних участников и пр. Если рассматривать международные компании (МКПАО и МКООО) — например, МКПАО «Т-Технологии», то расходы на проведение собраний в таких обществах составляют десятки миллионов рублей. В этой связи вопросы злоупотребления корпоративными правами в таких случаях, несомненно, заслуживают внимания.

Более того, суды при рассмотрении подобных споров признают, что, реализуя право на предъявление требований о созыве ОС, акционеры (участники) должны действовать разумно и добросовестно даже несмотря на то, что положения ст. 55 Закона об АО формально и не указывают на злоупотребление правом в качестве основания для отказа в удовлетворении требования акционера о созыве ВОСА — «...**не содержит основание к отказу в созыве собрания по мотиву злоупотребления правами. Вместе с тем, реализуя указанное право, акционеры должны действовать разумно и добросовестно и не должны злоупотреблять предоставленными им правами (п. 3 ст. 10 ГК РФ). Нарушение акционером общих принципов гражданского права <...> является злоупотребление акционером своим правом**»²¹.

Таким образом, частным случаем злоупотребления корпоративными правами является систематическое направление требований о проведении ВОСА по аналогичным и (или) заведомо неисполнимым вопросам. Однако, полагаем, что на данный момент судебная практика несовершенна, в частности, по вопросу взыскания убытков за подобное недобросовестное поведение. Между тем, несовершенство судебной практики в этой части, на мой взгляд, может быть преодолено появлением соответствующего кейса при условии, что такое дело «доберется» до высших судебных инстанций.

Уклонение от участия в собрании

По общему правилу, недостижение кворума при проведении ОС влечет ничтожность его решения (ст. 8, пп. 2

²⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.01.2017 по делу № А40-61912/2016, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2019 по делу № А40-95063/2019, Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.02.2018 по делу № А15-4804/2017.

²¹ См.: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 05.09.2011 по делу № А17-1096/2011.

ст. 181.5 ГК РФ). Верховный Суд РФ разъяснил, что конвалидация ничтожных собраний невозможна²².

Между тем, применительно к положениям ст. 10 ГК РФ Президиум ВС РФ допустил признание действительными решений ОС, принятых в отсутствие большинства голосов, если участник, без которого принятие решения стало невозможным, необоснованно уклонился от участия в ОС. Такой подход был выработан именно со ссылкой на злоупотребление участником корпоративными правами. Подобный механизм легитимации решения ОС доктринально принято именовать **замещением воли акционера (участника)**²³. В частности, А.В. Егоров указывает, что «*Верховный Суд РФ, по сути, имеет в виду замещение воли такого участника (акционера), поскольку, строго говоря, решение без наличия необходимого кворума ничтожно (ст. 181.5 ГК РФ)*»²⁴.

Обращаясь к зарубежному регулированию, важно сказать, что аналогичный подход используется в Германии. Более того, Верховный Суд Германии закрепил ряд критериев, при соблюдении которых замещение воли допустимо: (а) объективная необходимость в принятии решения; (б) неотложный характер принятия решения под угрозой экономических потерь; (в) отсутствие у «неголосующего» участника разумных оправданий²⁵.

Анализируя сам подход Верховного Суда РФ, нельзя не отметить его революционный характер, поскольку фактически он сделан в отсутствие какого-либо правового основания. Из этого и следует особенность положений ст. 10 ГК РФ, о которой было упомянуто во введении настоящей работы — любые права акционеров (участников) должны осуществляться с учетом «каучуковых» критериев добросовестности, даже несмотря на то, что строго формально они являются законными. При этом ранее ВАС РФ высказывался по схожему вопросу и делал вывод о том, что систематическое уклонение от участия в собраниях может являться основанием для

²² См.: Пункт 108 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

²³ См.: Шайдуллин А.И. Конфликт интересов в обществе. Как участнику защитить свои права на основе принципа лояльности // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 6. С. 102–106., Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34–38.

²⁴ Егоров А.В. Злоупотребления корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов, А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 272.

²⁵ Bratina B., Shareholders' Duty of Loyalty and Positive Voting Duty // China — USA Business Review. May 2014. Vol. 13. Is. 5. P. 347–355.

исключения участника из общества²⁶. Похожие выводы делал и сам Верховный Суд РФ, указав на обязанность участника корпорации участвовать в принятии решений, без которых деятельность корпорации ограничена²⁷. Представляется, что все упомянутые подходы фактически дополняют друг друга и должны толковаться во взаимосвязи между собой. Изложенное демонстрирует качественное применение института добросовестности применительно к процедуре проведения ОС.

Для полноценного изучения исследуемого вопроса полагаю необходимым провести анализ судебной практики в отношении критериев «уклонения от участия». Так, в деле № А40-278897/2023 Арбитражный суд Московского округа наряду с судами первой и апелляционной инстанции сделал вывод о том, что суды не учли системность неявки (5 собраний), а также то, что установление факта намеренного уклонения не требуется (достаточно отсутствия уважительных причин)²⁸. В другом деле суды пришли к выводу о том, что уведомление участником о невозможности явиться из-за изменений графика на работе, направленное «день в день», не свидетельствует о злоупотреблении корпоративными правами²⁹. При таких обстоятельствах суды вновь не пришли к единообразию, что безусловно свидетельствует о спорности каждого из упомянутых выводов.

Вместе с тем, с учетом анализа судебной практики можно выработать ряд общих критериев, которые учитываются при решении вопроса об установлении факта злоупотребления. Так, например, систематическим уклонением от участия в собрании, как правило, признается неявка на два и более общих собрания³⁰. Такой подход зачастую имеет место быть при рассмотрении вопросов об исключении участника из общества³¹. В то же время есть и обратный подход³²

²⁶ См.: Пункт 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью»

²⁷ См.: Пункт 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

²⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2025 по делу № А40-278897/2023.

²⁹ См.: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2023 по делу № А60-52423/2022.

³⁰ См.: Пункт 14 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019).

³¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.09.2018 по делу № А83-16602/2017, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.09.2018 по делу № А83-16602/2017.

Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.05.2017 по делу № А84-3363/2016.

³² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2023 по делу № А40-38003/2022, Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10.01.2008 по делу № А43-32220/2006.

Важно отметить, что сам по себе подход, избранный Верховным Судом РФ, не представляется безусловно верным. Действительно, правосудие не должно поощрять недобросовестное поведение «уклонившихся» участников, однако даже факт злоупотребления корпоративными правами не может в полной мере являться возможностью для исцеления недействительного решения³³. Однако с учетом выработанных в судебной практике критериев такой подход, по меньшей мере, можно признать справедливым.

Заключение

Проблема злоупотреблений при проведении ОС остается одной из наиболее острых в корпоративном праве. Такие вопросы разрешаются исключительно путем формирования судебной практики в отсутствие надлежащих норм законодательства. Само по себе содержание ст. 10 ГК РФ применительно к корпоративным спорам требует гибкости и глубокого понимания контекста правоотношений, включая саму фактуру спора. Однако именно в этой связи и создаются неоднозначные кейсы прецедентного характера.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают, в частности, вопросы злоупотребления корпоративными правами при направлении акционерами заведомо неисполнимых требований о проведении ВОСА. Поскольку судебная практика по данному вопросу еще не сформирована, правопорядок не может дать какой-либо ответ о разрешении подобного рода споров. В то же время неоднозначными представляются вопросы, касающиеся установления критериев добросовестности при определении места собрания — в данном случае судебная практика неоднородна. В этой связи указанные вопросы заслуживают, как минимум, разъяснений Верховного Суда РФ.

Злоупотребление корпоративными правами возможно в самых различных вариациях — от манипуляций с местом проведения собрания, делающего участие отдельных акционеров практически невозможным, до систематических требований о созыве внеочередных собраний с целью создания искусственных препятствий для общества. На сегодняшний день отечественное корпоративное право с учетом подходов ВАС РФ и Верховного Суда РФ уже сформировало ряд ключевых позиций, позволяющих в каждом из таких случаев достигать баланса между защитой прав отдельных участников и предотвращением злоупотреблений. Вместе

³³ См.: Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134; № 11. С. 101–171.

с тем, подходы судебной практики не могут быть признаны совершенными и требует дальнейшего развития, которое непременно будет обеспечено в силу актуализации

исследуемого вопроса, по меньшей мере в связи с реструктуризацией и «релокацией» международных компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазунов А.Ю., Горчаков Д.С., Чупрунов И.С. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134; № 11. С. 101–171.
2. Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34–38.
3. Егоров А.В. Злоупотребления корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов, А.Е. Шершобитов. М.: Статут, 2021. С. 272.
4. Зрилова Е.С. Правовые институты регулирования экономических отношений собственности // Право и экономика. 2010. № 2. С. 32–41.
5. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 384.
6. Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. С. 199–271.
7. Макин Р.В. Фидуциарные обязанности миноритарных участников хозяйственных обществ и их применение в ситуации злоупотребления правом на блокирование решения компании // Корпоративное право: проблемы и решения: сб. работ / сост. и отв. ред. И.С. Чупрунов. М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 320.
8. Осипенко О.В. Корпоративная конфликтология: монография. Москва: Статут, 2022. 758 с.
9. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. 284 с.
10. Шайдуллин А.И. Конфликт интересов в обществе. Как участнику защитить свои права на основе принципа лояльности // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 6. С. 102–106.
11. Bratina V., Shareholders' Duty of Loyalty and Positive Voting Duty // China — USA Business Review. May 2014. Vol. 13. Is. 5. P. 347–355.
12. Corporations // The Delaware Code Online URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc07/index.html> (дата обращения: 29.12.2025).
13. Stock Corporation Act // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aktg/englisch_aktg.html#p0779 (дата обращения: 29.12.2025).

© Балданов Руслан Владимирович (ruslan_baldanov@epam.ru); Марадулин Айдар Эмирович (maradulin.pla@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПОСОБЕН ЛИ СУД ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВОПРЕЕМСТВЕ УСТАНОВИТЬ ПЕРЕХОД СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА?

Ванчиков Сергей Александрович
Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
servanichikov@gmail.com

**CAN THE COURT, CONSIDERING
THE APPLICATION FOR PROCEDURAL
SUCCESSION, DETERMINE WHETHER
THERE HAS BEEN A CHANGE
IN THE PARTIES OF DISPUTED
SUBSTANTIVE RIGHTS?**

S. Vanchikov

Summary. The current concept of procedural succession assumes that its basis is the transfer of a disputed substantive right. This article highlights the obstacles that prevent the court from determining whether the transfer of a disputed right has occurred. The impossibility of verifying the validity of the legal fact of transfer of rights leads to the conclusion that the transfer of a substantive right cannot serve as the basis for procedural succession.

This article examines the main obstacles faced by a trial court when verifying the validity of the legal fact of transfer of rights. The complexities arising during succession at higher levels, as well as the admissibility of dispute resolution in procedural succession proceedings, remain beyond the scope of this article. These issues are beyond the scope of this publication, as they are specific. The purpose of this article is to demonstrate the fundamental impossibility of establishing the transfer of rights, even in a trial court and in the absence of a dispute over the fact of succession.

These obstacles support the conclusion that the transfer of a disputed right cannot serve as the basis for procedural succession, as the court is unable to verify the validity of this legal fact during the trial, as it cannot determine whether the right exists. This conclusion demonstrates the need for a change in the law.

Keywords: procedural succession, transfer of rights, replacement of party.

Процессуальные кодексы [1, 2], Конституционный Суд РФ [3], ВАС РФ [4], Верховный Суд РФ [5] и значительная часть литературы [8, 10] исходят из того, что основанием процессуального правопреемства является переход спорного права.

В частности, согласно ч. 1 ст. 44 ГПК РФ, в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее пра-

Аннотация. Действующая концепция процессуального правопреемства исходит из того, что его основанием является переход спорного материального права. В статье показываются препятствия, которые не позволяют суду установить, состоялся ли переход спорного права. Невозможность проверить действительность юридического факта перехода права приводит к выводу, что переход материального права не может являться основанием процессуального правопреемства.

В статье рассматриваются основные препятствия, с которыми сталкивается суд первой инстанции при проверке действительности юридического факта перехода права. За пределами настоящей статьи остаются сложности, возникающие при правопреемстве вышестоящих инстанциях, а также вопрос о допустимости разрешения споров в процедуре процессуального правопреемства. Они оставлены за рамками настоящей публикации, ибо являются частностями. Цель же настоящей статьи — показать принципиальную невозможность установления перехода права даже в суде первой инстанции и при отсутствии спора по поводу правопреемственного факта.

Изложенные препятствия являются аргументами для вывода о том, что основанием процессуального правопреемства не может быть переход спорного права, так как суд не способен проверить действительность данного юридического факта в период рассмотрения дела, ибо не может установить, есть ли право. Сделанный вывод свидетельствует о необходимости изменения закона.

Ключевые слова: процессуальное правопреемство, переход прав, замена стороны.

вопеемником. В силу ч. 1 ст. 48 АПК РФ, в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном судебным актом арбитражного суда правоотношении (реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга, смерть гражданина и другие случаи перемены лиц в обязательствах) арбитражный суд производит замену этой стороны ее правопреемником и указывает на это в судебном акте.

Конституционный суд России при этом отметил, что «... переход субъективного права или обязанности в гражданском правоотношении, по поводу которого

производится судебное разбирательство, к другому лицу служит основанием для гражданского процессуального правопреемства. К числу таких оснований федеральный законодатель, как это следует из статьи 44 ГПК Российской Федерации, относит как юридические факты, связанные с выбытием участвующего в деле лица из процесса в результате прекращения его процессуальной правоспособности, когда речь идет об универсальном правопреемстве (смерть гражданина, бывшего стороной либо третьим лицом, — пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации; реорганизация юридического лица — статьи 57 и 58 ГК Российской Федерации), так и юридические факты, связанные с выбытием участвующего в деле лица из конкретного материального правоотношения (спорного или установленного судом), т.е. ситуации сингулярного правопреемства (перевод долга, уступка требования и другие случаи перемены лиц в обязательстве)» (абз. 2 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского»).

ВАС РФ и ВС РФ отметили, что «в случае, когда во время судебного разбирательства по иску об истребовании имущества из чужого незаконного владения спорное имущество было отчуждено ответчиком другому лицу, а также передано во владение этого лица, суд в соответствии с частью 1 статьи 41 ГПК РФ или частями 1, 2 статьи 47 АПК РФ допускает замену ненадлежащего ответчика надлежащим. При этом отчуждатель привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика (статья 43 ГПК РФ, статья 51 АПК РФ)» [4]. ВС РФ также указал, что «если в период рассмотрения спора в суде состоялся переход прав кредитора (истца) к третьему лицу, суд по заявлению заинтересованного лица и при наличии согласия cedента и цессионария производит замену истца в порядке, установленном статьей 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ), статьей 48 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)» [5].

Все сказанное выше предполагает, что участник процесса, являющийся субъектом права или обязанности, производит отчуждение имеющегося у него права или обязанности вне процесса: заключает соответствующую гражданско-правовую сделку, исполняет ее, что влечет переход права или обязанности к другому лицу. Процессуальное же правопреемство происходит на основании уже состоявшегося перехода права.

По сути, процессуальное правопреемство является формой реакции суда на изменение, произошедшее

в материальной реальности. Как указывает Конституционный Суд РФ: «Правопреемство как институт гражданского процессуального права неразрывно связано с правопреемством как институтом гражданского права, поскольку необходимость привести процессуальное положение лиц, участвующих в деле, в соответствие с их юридическим интересом обуславливается изменениями в материально-правовых отношениях...» (абз. 2 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского»).

Соответственно, гражданско-правовой юридический факт перехода права (перемена субъекта правоотношения) является не только фактом материального права, но и фактом, имеющим юридическое значение для процесса. Однако влечь соответствующие правовые последствия юридический факт способен только при условии его действительности.

Чтобы суд мог реагировать на переход права, у него должна быть возможность установить его действительность, то есть проверить: существование самого права, вопрос о переходе которого исследуется (ибо ясно, что не может перейти то право, которого нет вообще); заключенность и действительность сделки, лежащей в основании перехода; ее исполнение; наступление условий, влекущих переход права в соответствии с договоренностями сторон. В отсутствие любого из указанных условий право не может считаться перешедшим.

Указанная возможность суда — проверить действительность правопреемственного факта — и станет предметом дальнейшего анализа. Подчеркнем, что от ее наличия зависит то, может ли переход материального права являться основанием для процессуального правопреемства, ибо если суд не может удостовериться в действительности правопреемственного факта, то он не может влечь и правовых последствий.

Это ключевой вопрос для любого варианта концепции процессуального правопреемства, основанного на переходе спорного права. Независимо от того, считать ли, что для процессуального правопреемства достаточно самого правопреемственного факта [11, 12] или для него требуются также согласия cedента и/или цессионария [4], в первую очередь нужно понять, способен ли суд в принципе установить, что имел место действительный переход права.

Д.Б. Абушенко поставил вопросы: «Должен ли арбитражный суд, допуская процессуальное правопреемство, оценивать юридическую действительность самой цессии (соглашения о переводе долга) и основного

обязательства — обязательства, из которого уступается право требования (переводится долг)? Если должен, то к чему должна сводиться такая проверка?»? И дал на них следующий ответ: «... необходимо исходить из принципиальной посылки: для процессуального правопреемства наличие (действительность) основного обязательства вообще не должно иметь значения. Объясняется это тем, что если исходить из обратного, то тогда, к примеру, арбитражный суд первой инстанции, заменяя правопреемника, будет предрешать разрешение дела по существу, что явно не укладывается в процессуальный регламент рассмотрения дела в первой инстанции» [13, 14, 17]. Указанную позицию разделяет А.И. Нечаев [16]. В рекомендациях Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа содержится следующая формулировка: «В судебном акте, вынесенном по вопросу о замене стороны правопреемником, не должно содержаться вывода о действительности обязательства, из которого предположительно возникло уступаемое право (переводимый на другое лицо долг)» [18].

Авторы тем самым формулируют первый аргумент против действующей концепции процессуального правопреемства — поскольку суд не может установить существование самого права, он не может установить его переход. А значит, переход права не может являться основанием для процессуального правопреемства.

С ним нельзя не согласиться. Состязательный характер процесса не позволяет суду считать спорное право существующим, если ответчик оспаривает его наличие. Если бы в определении о процессуальном о правопреемстве суд установил, что право перешло, это вместе с тем означало бы, что суд исходит из его наличия, что недопустимо, ибо предрешает исход спора. Суд познает спорное право, рассматривая дело по существу, и вправе сделать вывод по существу спора только в решении. До этого момента беспристрастность требует от него равной удаленности от истца и от ответчика, равного доверия к утверждениям обоих: как о том, что право есть, так и о том, что его нет, а значит, и установление его перехода невозможно. Выход мог бы быть в том, чтобы допустить процессуальное правопреемство только в тех случаях, когда ответчик не оспаривает существование права, признает иск [15]. Тогда после принятия судом признания иска суд имел бы дело с бесспорным правом. Поскольку иски признаются не часто, приведенное условие свело бы случаи правопреемства на нет.

В своей докторской диссертации Д.Б. Абушенко перечисляет семь аргументов, которые, по его мнению, показывают неэффективность и неразумность закрепления идеи о следовании процессуального правопреемства за материальным [6]. Однако представляется, что по действующей концепции процессуального правопреемства

наибольший удар будет нанесен тогда, когда будет показана ее неработоспособность в принципе — что основанием процессуального правопреемства не может быть переход права, ибо этот юридический факт не может быть установлен.

Помимо невозможности установления существования права есть следующие, до настоящего момента не выявленные в литературе, препятствия к проверке юридического факта перехода права.

1. Характер спора может создавать препятствия к установлению перехода права. Например, немислимо, чтобы суд в рамках одного виндикационного спора вынес два определения о процессуальном правопреемстве: о замене истца и о замене ответчика в связи с отчуждением каждым из них спорной вещи, ибо ясно, что что одно из указанных определений было бы ошибочно, так как собственником одной спорной вещи может быть либо истец, либо ответчик, а значит, только от одного из них право собственности на спорную вещь было способно перейти к контрагенту. Следовательно, суд не может адекватно отреагировать на ситуацию, когда как истец, так и ответчик полагают себя собственниками спорной вещи и отчуждают ее. Совершение процессуального правопреемства только на одной стороне противоречило бы принципам равноправия и состязательности сторон [7].
2. С точки зрения требования правовой определенности и необходимости обеспечить стабильность судебных актов, невозможно вынесение определения о правопреемстве, основанного на переходе права, ибо сделанный вывод о действительности юридического факта перехода права мог бы быть опровергнут решением об отказе в удовлетворении иска. По сути, вывод суда о переходе спорного права, сделанный в определении о процессуальном правопреемстве, нельзя проверить на истинность сам по себе, соответствие его действительности выяснится только после вынесения решения: он верен, если право было, и ошибочен, если права не было. Если право все-таки отсутствовало, сомнительно, чтобы судебный акт, признающий его переход, продолжал оставаться в силе. По-видимому, его следовало бы отменить. Однако отмена судебного акта о правопреемстве поставила бы под сомнение законность всей процессуальной деятельности с участием процессуального правопреемника — у него не было бы оснований для участия в процессе. Например, в суде первой инстанции совершено правопреемство на стороне истца в обязательственном споре. Вступившим в законную силу судебным актом установлено, что у истца право отсутствует. После этого невозможно ответить на вопрос, что

послужило основанием для замены истца: вывод о том, что основанием является переход спорного права, ложно, опровергнуто, ибо установлено, что права не было вовсе. По-видимому, выбывшее из процесса лицо может пересмотреть судебный акт по вновь открывшимся обстоятельствам. Получает ли замененное лицо право «заново» провести процесс (оснований для замены не было, он исключен из процесса неправомерно) или право только подать кассационную жалобу (приобретает только нереализованные процессуальные возможности, при этом не ясно, как участвовавшее в дело лицо, должно реализовать право на защиту)? Все это невообразимо, ибо ясно, что суд, на которого возложено разрешение вопроса о процессуальном правопреемстве, не может быть поставлен в положение, в котором он не способен обеспечить законность процессуального действия, а именно это и происходит, если основанием для процессуального правопреемства является переход спорного права, хотя суд не может проверить его наличие.

3. Для обеспечения лицу, привлеченному к участию в деле в порядке правопреемства, права на судебную защиту необходимо допустить, чтобы он при рассмотрении дела по существу имел возможность доказывать возникновение у него права не только в силу правопреемства, но и по иным основаниям. Вынесение определения о процессуальном правопреемстве на стороне истца, не может препятствовать процессуальному правопреемнику доказывать возникновение у него права собственности на вещь не в связи с правопреемством, ибо изменение основания иска — право стороны. Значит, в определении о процессуальном правопреемстве не может быть вывода о переходе спорного права. Его наличие исключало бы доказывание других оснований приобретения права, ибо, если право перешло в результате правопреемства, оно не могло возникнуть у лица, ни по каким иным основаниям. Точно также лицо, привлеченное в порядке процессуального правопреемства на стороне ответчика, не может быть

лишено права при рассмотрении дела по существу доказывать, что у него право собственности на вещь возникло в силу добросовестного приобретения, то есть не в следствие перехода от правопреемника. А значит, в итоговом судебном акте может быть сделан вывод о наличии у стороны права не вследствие правопреемства, что опровергнет вывод, сделанный в определении о правопреемстве.

4. С точки зрения динамики процесса суд не может установить переход спорного права, ибо не знает, какое право является предметом судебной деятельности. Действующий закон исходит из фактической индивидуализации иска, требует от истца указания только на обстоятельства, на которых он основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства (пп. 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ). Правовая квалификация требования производится судом в решении. До этого момента характер требования остается неопределенным. Например, по иску о взыскании денежных средств могут быть защищены разные требования: о взыскании по договору займа, неосновательного обогащения. Если суд дает юридическую квалификацию требованию, только разрешая дело по существу, то не ясно, уступка какого из требований может влечь процессуальное правопреемство: только обоих; каждого; а может, если уступлено, например, требование о неосновательном обогащении, то первоначальный истец должен остаться в процессе, чтобы в результате разрешения дела получил свою защиту интерес, на реализацию которого был направлен иск? Точно такая же проблема возникает и в вещных спорах, например, когда заявлено требование об истребовании вещи (об обязанности передать вещь), которое может быть предъявлено как к незаконному владельцу вещи (внедоговорное), так и к арендатору, не вернувшему вещь после истечения срока аренды (договорное требование). В целом это актуально для любого иска с альтернативным основанием, где требование может вытекать из разных оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2018 № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Б. Болчинского и Б.А. Болчинского» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: диссертация ... доктора юридических наук. — Екатеринбург, 2014. — 415 с.

7. Ванчиков С.А. Отвечает ли абз. 3 п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» интересам истца? // Арбитражный и гражданский процесс. — 2025. — № 4. — С.39–43.
8. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 7-у изд., перераб. — М.: Издательский Дом «Городец», 2021. — 453 с.
9. Гражданский процесс. Общая часть: учебник / Г.Л. Осокина. — 3-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. — 704 с.
10. Гражданское процессуальное право: учеб. / С.А. Алехина [и др.]; под ред. М.С. Шакарян. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. — 580 с.
11. Ильин А.В. Процессуальное сингулярное правопреемство и дух времени // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2025. — №1. — С.131–148.
12. БИльин А.В. и др. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 2. — С.80–137.
13. Комментарии к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т; под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. — 4-е изд., испр. и перераб. — М.: Статут, 2020. — 1071 с.
14. Комментарии к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / [Абушенко Д.Б. и др.]; под общ. ред. В.И. Нечаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 814 с.
15. Мальбин Д.А. Изменение пассивно легитимированного лица в период спора по виндикационному иску // Вестник арбитражной практики. — 2022. — № 4. — С.30–37.
16. Нечаев А.И. Процессуальное правопреемство в гражданском судопроизводстве: диссертация ... кандидата юридических наук. — Екатеринбург, 2012. — 169 с.
17. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: более 350 актуальных вопросов: Практическое пособие / под ред. В.В. Яркова, С.Л. Дегтярева. М., Юрайт-Издат. 2005. — 284 с.
18. Электронный ресурс. <https://fasuo.arbitr.ru/node/13468> (дата обращения: 20.02.2026).

© Ванчиков Сергей Александрович (servanchikov@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DIGITAL-CPTED: ТЕОРЕТИКО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

DIGITAL-CPTED: THEORETICAL AND CRIMINOLOGICAL FOUNDATIONS FOR CRIME PREVENTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

M. Danilova

Summary. This article examines the theoretical and criminological basis for the Digital-CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design) concept as a proactive strategy for preventing crime in the digital environment. The author substantiates the need to adapt classical CPTED principles to the specificities of the digital space, particularly social media. Based on an analysis of the specifics of social media as a criminogenic environment, the Digital-CPTED model is proposed, aimed at creating a «protective digital space.» The model examines mechanisms for implementing digital natural surveillance, digital territoriality, access control, and maintaining environmental quality. Particular attention is paid to the legal and ethical challenges associated with its implementation, and a hybrid legal model is proposed aimed at striking a balance between security, freedom, and privacy in cyberspace.

Keywords: Digital-CPTED, crime prevention, digital environment, social networks, situational prevention.

Данилова Мария Анатольевна

кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
dory@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается теоретико-криминологическое обоснование концепции Digital-CPTED (Crime Prevention Through Environmental Design) как проактивной стратегии предупреждения преступности в цифровой среде. Автор обосновывает необходимость адаптации классических принципов CPTED к особенностям цифрового пространства, в частности, социальных сетей. На основе анализа специфики социальных сетей как криминогенной среды предлагается модель Digital-CPTED, ориентированная на создание «защитающего цифрового пространства». В рамках модели рассматриваются механизмы внедрения цифрового естественного надзора, цифровой территориальности, контроля доступа и поддержания качества среды. Особое внимание уделяется правовым и этическим вызовам, связанным с её внедрением, и предлагается гибридная правовая модель, направленная на баланс между безопасностью, свободой и приватностью в киберпространстве.

Ключевые слова: Digital-CPTED, предупреждение преступности, цифровая среда, социальные сети, ситуационная профилактика.

Введение

Цифровая трансформация общества привела к тому, что социальные сети стали не только ключевым пространством коммуникации, но и новой средой для криминальных проявлений. Этот тезис подтверждается как официальной статистикой, так и академическими исследованиями. Согласно данным МВД России, в 2025 году более трети всех регистрируемых в стране преступлений были связаны с использованием интернет-каналов [1], что прямо указывает на системную значимость цифровой среды для современной преступности.

Традиционные меры борьбы, такие как уголовно-правовые запреты и технические блокировки, носят преимущественно реактивный характер и не устраняют глубинные криминогенные факторы, заложенные в архитектуре цифровых платформ. В этой связи возникает необходимость в разработке проактивных, превентивных стратегий, способных влиять на среду, в которой формируются правонарушения [2, С. 48]. Перспективным направлением представляется адаптация концеп-

ции предупреждения преступности через дизайн среды (CPTED), успешно применяемой в криминологии для снижения преступности путём изменения физического пространства.

Однако системное применение принципов CPTED к цифровой среде остаётся малоизученным. Целью настоящего исследования является разработка теоретико-криминологических основ новой концепции — Digital-CPTED — применительно к социальным сетям. Это позволит перейти от реагирования на инциденты к проектированию цифровых пространств, снижающих саму возможность совершения преступлений.

1. Теоретико-методологические основы классической концепции CPTED в криминологии

Концепция предупреждения преступности через дизайн окружающей среды (CPTED) является ключевым подходом ситуационной профилактики в криминологии. Её суть состоит в целенаправленном изменении физического пространства для влияния на поведение, что увеличивает риски для потенциального правонарушите-

ля, снижает ожидаемые выгоды от преступления и укрепляет ответственность законопослушных граждан.

1.1. Источники и методологическая база

Теоретической основой работы послужили труды современных российских криминологов, исследующих эволюцию средового подхода и его связь с теориями рационального выбора и виктимологии [3–5]. Их положения о дихотомии «защищающего» и «защищённого» пространства, а также о связи градостроительного и цифрового регулирования приняты в качестве фундамента для последующей адаптации классических принципов.

Методологический подход направлен на адаптацию криминологических концепций к цифровой реальности. С помощью системного анализа социальные сети рассматриваются как целостная среда, где дизайн и алгоритмы являются активными факторами, формирующими поведение. Сравнительный анализ позволил выявить аналогии и различия между физическим и цифровым пространством как объектами профилактики. Ключевые принципы CPTED были перенесены в цифровой контекст методом аналогии и экстраполяции, что позволило избежать механического копирования и учесть уникальные свойства цифровой среды. Итоговая концептуальная модель Digital-CPTED построена методом теоретического моделирования, синтезирующим адаптированные принципы в целостную превентивную архитектуру.

1.2. Эволюция и ключевые принципы концепции CPTED

Теоретические основы CPTED разработаны во второй половине XX века. Идея Джейн Джекобс [6] о «глазах на улице» как факторе естественного неформального контроля и теория «защищаемого пространства» Оскара Ньюмена [7], продемонстрировавшая связь архитектурных решений с уровнем преступности, заложили фундамент средового подхода. Сам термин и первая систематизация принципов принадлежат К. Рэю Джеффри [8]. В современной парадигме CPTED опирается на криминологические теории рационального выбора [9], рутинной активности [10] и возможностей, воздействуя на их элементы через изменение среды.

Ключевыми принципами концепции выступают: «естественный надзор», обеспечивающий видимость и наблюдаемость; «территориальность», укрепляющая чувство хозяина и чёткие границы пространств; «контроль доступа», физически ограничивающий вход для неавторизованных лиц; «поддержание и качество среды», демонстрирующее заботу о территории и родственное теории «разбитых окон»; а также «легитимная активность», поощряющая социально-одобряемое поведение.

В российской криминологии выделяется дихотомия двух путей развития подхода: создание «защищающего пространства», ориентированного на социальную активность и общинный контроль, и «защищённого пространства», основанного на тотальном формальном и техногенном контроле [3]. Этот выбор определяет философию проектирования — способствовать ли интеграции и ответственности или вести к изоляции и стигматизации.

Несмотря на доказанную эффективность, CPTED подвергается критике за риск смещения преступности [11, с. 329], возможную социальную изоляцию и фортификацию, ведущую к созданию «стерилизованных» пространств, где безопасность обеспечивается ценой отчуждения и вытеснения человеческого взаимодействия [3, с. 6–7]. Эти ограничения подчёркивают необходимость сбалансированного применения. Современные трактовки, такие как «CPTED третьего поколения», смещают фокус с механистического контроля на создание сред, способствующих благополучию и социальной активности. Именно эта социально-ориентированная парадигма — модель «защищающего цифрового пространства» — избирается в качестве методологической основы для адаптации CPTED к цифровой среде в данном исследовании.

2. Цифровое пространство социальных сетей как новая криминогенная среда и объект проектирования

Трансформация социальных сетей из инструмента коммуникации в полноценную социальную среду обитания приводит к необходимости их криминологического осмысления в качестве особой криминогенной среды. Ее специфика обусловлена не физическими, а цифровыми и социально-психологическими свойствами, которые создают уникальный комплекс детерминант преступного и деструктивного поведения. В контексте инвайронментальной криминологии цифровая среда перестает быть нейтральным фоном, а становится активным фактором, формирующим поведенческие паттерны и возможности для правонарушений [4, 5].

2.1. Криминологическая характеристика цифровой среды социальных сетей

Социальные сети, трансформировавшись в полноценную социальную среду, обладают специфическими свойствами, которые формируют их криминогенный потенциал [12, с. 207]. Их ключевые свойства — нормированная анонимность и алгоритмическая виральность. Анонимность ослабляет внутренние сдерживающие механизмы и чувство ответственности. Алгоритмы, стремящиеся к максимальному вовлечению, непредвзято продвигают эмоционально заряженный, в том числе деструктивный, контент, делая троллинг ресурсом в «экономике внимания».

Эти особенности усугубляются масштабируемостью вреда и кризисом социальных сигналов. Одно действие может мгновенно достичь миллионов, а диффузия ответственности в коллективных актах минимизирует чувство личной вины. Отсутствие невербальных маркеров и физических ограничителей облегчает эскалацию конфликтов, устраняя «естественный надзор». В итоге формируется среда с высокой виктимогенностью, где личные границы легко преодолеваются, а пользователи лишены инструментов оценки рисков. Криминогенный потенциал реализуется и через латентную «архитектуру выбора» — дизайн, предопределяющий простые и социально одобряемые действия, системно направляя поведение.

2.2. Обоснование возможности криминологически ориентированного проектирования

Если цифровая среда обладает свойствами, способствующими преступлению, то её дизайн должен рассматриваться не как нейтральный технологический фон, а как активный объект криминологического проектирования и правового регулирования. Логика ситуационной профилактики, доказавшая свою эффективность в физическом мире, применима и здесь, поскольку она апеллирует к универсальным механизмам принятия решений потенциальным правонарушителем и потенциальной жертвой: оценке риска, усилий, выгод и провоцирующих сигналов среды [5].

Исторический опыт осознанного проектирования городской среды для безопасности позволяет применить адаптированный подход к цифровому пространству. Концепции «цифровой территориальности», «цифрового естественного надзора» и «контроля цифрового доступа» предполагают установление чётких границ приватности, прозрачность действий и многоуровневые системы доступа. Таким образом, социальная сеть становится не просто технологией, а политико-правовым проектом. Её архитектура должна отвечать не только коммерческим целям, но и нормам публичной безопасности, защиты прав граждан и минимизации рисков. Это формирует теоретическую основу для адаптации принципов безопасного проектирования среды в цифровую эпоху.

3. Адаптация принципов CPTED к дизайну социальных сетей: концептуальная модель Digital-CPTED

Основываясь на философии «защитающего цифрового пространства», концепция Digital-CPTED предлагает системную адаптацию классических принципов предупреждения преступности к архитектуре социальных сетей. Данный подход фокусируется не на изоляции и всеобщем контроле, а на усилении социального капитала, прозрачности и ответственности пользователей через изменение самой «архитектуры выбора».

3.1. Цифровой естественный надзор

Ключевой тезис цифрового естественного надзора заключается в создании прозрачной среды, где действия пользователей имеют социальную заметность, что повышает субъективные риски обнаружения для потенциального нарушителя. Это достигается не через скрытый мониторинг, а путем внедрения видимых механизмов обратной связи, выполняющих функцию «цифровых очевидцев». На практике это реализуется в системах публичной социальной репутации, формируемых на основе истории конструктивных взаимодействий, аналогично репутации в физическом сообществе. Технически таким механизмом может стать децентрализованный протокол верификации действий на базе смарт-контрактов, где ключевые социально значимые действия (например, успешное посредничество в конфликте, создание высокооцененного экспертного контента) фиксируются в виде неизменяемых транзакций с цифровой подписью участников. Это создаст устойчивый, независимый от центральной платформы и защищенный от манипуляций «цифровой след» добросовестного поведения, который может учитываться при оценке доверия в различных сообществах внутри платформы. Дополнительным элементом является видимая маркировка действий модераторов и сохранение истории редактирования материалов, создающее эффект присутствия «цифровой патруля» и усиливая коллективную ответственность.

3.2. Цифровая территориальность создает у пользователей чувство ответственности за их виртуальные «владения», преодолевая анонимность сети. Он превращает абстрактный профиль или сообщество в четкую цифровую территорию с защищенными границами, нарушение которых становится заметным и технически сложным.

Техническим воплощением выступают гранулярные настройки приватности, позволяющие пользователю самостоятельно определять вариант доступа к своей личной информации, и визуальная маркировка типов пространств (открытые/закрытые группы). Инновационным развитием этого принципа может стать механизм «цифровых правоустанавливающих сигналов» для администраторов сообществ. По аналогии с публичной регистрацией прав на недвижимость, администратор крупного сообщества мог бы добровольно и публично регистрировать в специальном реестре платформы базовые правила, миссию и принципы модерации своего «цифрового муниципалитета». Это создавало бы прозрачные ожидания для пользователей, упрощало бы разрешение споров и повышало бы легитимность и ответственность модераторов, трансформируя их роль из неформальных «сторожей» в публично подотчетных «управляющих цифровой территорией».

3.3. Контроль цифрового доступа. Принцип контроля цифрового доступа предполагает сознательную сег-

ментацию пространства и установление обоснованных, многоуровневых барьеров, которые повышают субъективные «усилия» и организационные сложности для потенциального нарушителя, не создавая чрезмерных препятствий для рядового пользователя. Его фундаментом является многоуровневая верификация, привязанная к устойчивым цифровым идентификаторам, что служит основой для установления ответственности. Помимо стандартной практики (многофакторная аутентификация, функциональные ограничения для новых аккаунтов), перспективным механизмом может стать система динамического контекстуального доступа. Например, возможность совершать действия с высоким потенциалом влияния (массовая рассылка сообщений в крупном сообществе, создание опроса на всю платформу) могла бы предоставляться не просто на основе статической верификации, а по результатам анализа цифрового «портфеля доверия» пользователя. Такой портфель агрегировал бы данные о его репутации (принцип надзора), стаже ответственного администрирования «территорий» (принцип территориальности) и истории конструктивных публикаций. Таким образом, доступ к мощным инструментам стал бы производным от длительной социально одобряемой активности, а не результатом простой регистрации, что радикально повысило бы порог входа для злоумышленников.

3.4. Качество и поддержание цифровой среды. Принцип качества и поддержания цифровой среды отражает необходимость постоянного и, что критически важно, видимого для пользователя поддержания порядка, что само по себе служит мощным сигналом об управляемости пространства и коллективном неприятии деструктивных норм. Техническая реализация объединяет реактивные меры (приоритетное удаление спама, фейковых аккаунтов) и превентивные алгоритмические инструменты (исключение деструктивного контента из рекомендательных лент). Ключевым инновационным кейсом здесь является внедрение алгоритмов предиктивной санации среды на основе сетевого анализа. Вместо пассивной реакции на уже нанесенный ущерб, система могла бы в режиме, близком к реальному времени, выявлять формирующиеся координированные сети аккаунтов, демонстрирующих паттерны, характерные для будущих атак (например, синхронное вступление в сообщество, схожие паттерны низкоуровневого негативного комментирования). На основе этой аналитики платформа могла бы применять превентивные, но мягкие меры — например, временно ограничивать видимость контента от такой зарождающейся сети для остального сообщества до завершения автоматизированной и/или модераторской проверки. Это позволило бы «подметать цифровой мусор» до того, как он заполнит информационное пространство, реализуя цифровой аналог теории «разбитых окон» на прогностическом уровне.

3.5. Синтез принципов: комплексная модель «защитающего цифрового пространства». Эффективность Digital-CPTED заключается в синергетическом взаимодействии её принципов, создающем целостную превентивную архитектуру. Например, децентрализованная репутация служит основой для динамического контроля доступа, а данные сетевого анализа помогают укреплять цифровую территориальность сообществ. В совокупности эта модель изменяет баланс выгод и рисков для потенциального нарушителя, повышая предполагаемые усилия и вероятность обнаружения. Одновременно она снижает риски и усиливает защиту законопослушного пользователя. Таким образом, концепция предлагает философию проектирования, переносящую фокус профилактики с запоздалого преследования индивидов на проактивное структурирование среды, в которой принимаются поведенческие решения.

4. Место Digital-CPTED в системе предупреждения преступности и правовые границы ее применения

Концепция Digital-CPTED не может существовать изолированно и должна быть интегрирована в комплексную систему профилактики преступности с учётом правовых и этических ограничений. Её внедрение требует чёткого определения места не только в национальной системе профилактики, но и в контексте формирующихся глобальных парадигм цифровой безопасности.

4.1. Digital-CPTED как инструмент ситуационной и общинной профилактики в цифровой среде

Сравнительный анализ показывает, что предлагаемая модель концептуально соотносится с международными подходами, такими как «Safety by Design» (проактивное внедрение безопасности) [13], «Digital Citizenship» (ответственность пользователей) [14]. Ключевое отличие Digital-CPTED в том, что это не просто рекомендации, а целостная криминологическая система для проектирования. Она напрямую переносит проверенные принципы предотвращения преступлений в цифровую среду, создавая теоретическую основу для снижения рисков через дизайн интерфейсов и алгоритмов.

Концепция Digital-CPTED занимает стратегическую позицию на уровне ситуационной и общинной профилактики преступности. В отличие от работы с конкретным лицом, она изменяет характеристики самой среды, в которой возникает преступный умысел. По сравнению с реактивными правоохранительными мерами, Digital-CPTED выполняет превентивную функцию, снижая число инцидентов и разгружая систему. Одновременно она реализует виктимологическую профилактику, делая цифровую среду безопаснее по своей архитектуре. Таким образом, концепция занимает место между общими социальными мерами и уголовной репрессией, предлагая проак-

тивный слой профилактики на основе криминологически обоснованного проектирования цифровой среды.

4.2. Правовые и этические границы: вызовы «правового» киберпространства

Внедрение Digital-CPTED порождает серьезные правовые и этические вызовы. Главная проблема — это коллизия с правами на приватность, поскольку сбор поведенческих данных создает риск тотальной прозрачности. Существует также риск непрозрачной частной цензуры со стороны корпораций, управляющих дискурсом по неясным критериям. Дополнительным вызовом является алгоритмическая стигматизация, которая может противоречить принципу презумпции невиновности. Наконец, сложности добавляет трансграничность и конфликт национальных правовых систем, что создает юрисдикционную неопределенность при попытках внедрения единых стандартов.

4.3. Гибридная правовая модель для Digital-CPTED: между государством, рынком и сообществом

Учитывая правовые и этические вызовы, внедрение Digital-CPTED требует гибридной модели, балансирующей между государственным регулированием, корпоративной ответственностью и правами сообщества пользователей. Государство может задать вектор через «безопасное регулирование по дизайну», устанавливая законодательные стандарты безопасности цифровых платформ. Ключевым условием становится трансграничная прозрачность и подотчетность, обязывающая платформы отчитываться о работе алгоритмов. Для обеспечения доверия необходим независимый аудит с при-

влечением экспертов. Законодательство должно также гарантировать пользователям усиленные процессуальные права и доступ к механизмам цифрового правосудия. Таким образом, правовое оформление концепции становится процессом конструирования новой цифровой реальности, требующим сбалансированного участия всех сторон.

Заключение

Концепция Digital-CPTED — это научный подход к проактивному предупреждению преступности через адаптацию принципов ситуационной профилактики к архитектуре социальных сетей. Она призвана изменить баланс рисков и выгод для потенциальных нарушителей и снизить виктимогенный потенциал среды.

Проведенный анализ показывает, что уникальные свойства цифрового пространства требуют целенаправленного проектирования безопасных сред. Концепция предлагает конкретные инструменты, которые формируют устойчивую превентивную архитектуру.

Внедрение Digital-CPTED сопряжено с правовыми и этическими вызовами. Для минимизации этих рисков необходима гибридная модель регулирования.

Таким образом, Digital-CPTED является основой для формирования безопасной, инклюзивной и ответственной цифровой экосистемы. Дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке конкретных технических решений, правовых механизмов и международно-правовых рамок.

ЛИТЕРАТУРА

1. МВД России: каждое третье преступление в стране связано с интернетом [Электронный ресурс] // Инфофорум. 2025. 10 сен. — URL: <https://infoforum.ru/glavnoe/mvd-rossii-kazhdoe-trete-prestuplenie-v-strane-svjazano-s-internetom> (дата обращения: 09.01.2026).
2. Степанова М. Н. Регулирование правоотношений в эпоху цифровой трансформации // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 44–49. DOI: 10.47475/2311-69.
3. Разогреева А.М. Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство / А.М. Разогреева // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 706–716. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).706-716.
4. Кузьменков В.А. Влияние экологической ситуации на преступность в мире и в регионах Российской Федерации // Ex jure. 2024. № 3. С. 153–165. DOI: 10.17072/2619-0648-2024-3-153-165.
5. Радостева, Ю.В. Жертва и пространство / Ю.В. Радостева // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 90–93.
6. Jacobs J. The death and life of great American cities / Jane Jacobs. — New York: Vintage books, Cop. 1961. — 458 с.
7. Newman Oscar Defensible space Crime prevention through urban des. / Oscar Newman. — New York: Collier books, 1973. — XVIII, 264 с. ил.; 23.
8. Jeffery, C.R. (1971). Crime Prevention through Environmental Design. Beverly Hills, CA: Sage Publications.
9. Cornish, Derek B., and Ronald V. Clarke, editors. The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending. Springer-Verlag, 1986.
10. Cozens PM, Saville G, Hillier D (2005), «Crime prevention through environmental design (CPTED): a review and modern bibliography». Property Management, Vol. 23 No. 5 pp. 328–356, doi: <https://doi.org/10.1108/02637470510631483>.
11. Cohen, L.E., & Felson, M. (1979). Social change and crime rate trends: A routine activity approach. American Sociological Review, 44(August), 588–608.
12. Шут О.А. Свойства социальных сетей как фактор их криминализации // Прокурорский надзор и криминология. — 2022. — № 3. — С. 207–216. — DOI: 10.24412/2227-7315-2022-3-207-216.
13. Safety by Design (SbD) [Электронный ресурс] // Всемирный экономический форум. — URL: <https://www.weforum.org/projects/safety-by-design-sbd/> (дата обращения: 07.01.2026).
14. Be Internet Awesome — A Program to Teach Kids Online Safety [Электронный ресурс] // Google. — URL: <https://beinternetawesome.withgoogle.com/> (дата обращения: 07.01.2026).

© Данилова Мария Анатольевна (dory@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ДОПУСТИМОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ

MANDATORY CONCILIATION IN ARBITRATION: ADMISSIBILITY AND LIMITS OF THE CONSTITUTIONAL MODEL

P. Dashevskii

Summary. The article analyzes the legislative acts of foreign states regarding compulsory reconciliation procedures, focusing on those aspects that are absent in the Russian legal field. The study identifies potential difficulties that may arise when adapting these procedures to the legal system of Russia. The significance of this study is due to the contribution of conciliation mechanisms to resolving legal conflicts, contributing to reducing the workload of courts, strengthening citizens' faith in justice and the effectiveness of the judicial system.

Keywords: mandatory reconciliation, admissibility, limits of the constitutional model, arbitration legislation.

Дашевский Павел Алексеевич

Аспирант,
Академии труда и социальных отношений (АТусО)
pdashevskiy@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует законодательные акты иностранных государств, касающиеся процедур обязательного примирения, акцентируя внимание на тех аспектах, которые отсутствуют в российском правовом поле. Исследование выявляет потенциальные трудности, которые могут возникнуть при адаптации данных процедур в правовую систему России. Значимость данного исследования обусловлена вкладом примирительных механизмов в разрешение юридических конфликтов, способствуя снижению загруженности судов, укреплению веры граждан в справедливость и эффективность судебной системы.

Ключевые слова: обязательное примирение, допустимость, пределы конституционной модели, арбитражное законодательство.

Несмотря на то, что судебные процессы могут быть длительными и обременительными, они остаются предпочтительным средством разрешения споров из-за их воспринимаемой надежности [17, с. 517]. Эта перспектива укрепляется из-за недостаточного осознания процедур, как показывают данные приведённые в статье А.Е. Солохина, где 42,1 % респондентов указали на недопонимание процесса.

Примирительные процедуры становятся ключевым направлением в современной цивилистической судопроизводственной практике многих государств. В России этот метод разрешения юридических конфликтов нашел отражение в процессуальном законодательстве. Особое значение примирительных процедур подчеркивается в арбитражной практике, где мирное решение споров выделяется как приоритетная задача арбитражного судопроизводства, что закреплено в ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ). Главные изменения арбитражного процесса в России касательно примирительных процедур происходило после принятия Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», введена ст. 138.2 «Виды примирительных процедур».

Процесс в арбитражном суде предусматривает последовательный переход между различными фазами

судопроизводства. В текущем арбитражном процессуальном законодательстве не закреплено положение о стадии судебного примирения в контексте данных фаз. Необходимо определить точное положение процедуры обязательного примирения в структуре арбитражного процесса.

Авторы, занимающиеся изучением вопросов правового регулирования медиации, особо акцентируют внимание на введении данной нормы. Термин «примирительные процедуры» можно определить как совокупность законодательно регламентированных действий, осуществляемых судом и участвующими в судебном разбирательстве сторонами, включая возможность вовлечения третьих лиц, направленных на досудебное разрешение споров между участниками. Эти процедуры проводятся для достижения согласия и окончания конфликта без вынесения судебного решения по существу дела.

Например, исследователь О.Н. Здрок в своих академических работах разъясняет принципы выстраивания примирительных процедур. Он уточняет, что они могут быть законодательно регламентированы, оговорены контрактами или основаны на устойчивых традициях. Эти процедуры направлены на достижение компромисса между сторонами конфликта через переговоры, с возможным участием посредников. Главной целью является

достижение соглашения, которое предотвращает необходимость обращения за решением спора в судебные инстанции или прекращение уже начатого судебного процесса без принятия решения по сути [3, с. 7].

Следует подчеркнуть многозначность понятия обязательного примирения в действующем законодательстве Российской Федерации. Во-первых, законодательство Российской Федерации определяет переговоры как независимый метод урегулирования споров, что прописано в статье 138.3 АПК РФ. Во-вторых, ведение переговоров может служить механизмом реализации процесса судебного урегулирования споров, предусмотренного частью 5 статьи 138.5 АПК РФ. В-третьих, переговоры классифицируются как отдельная материально-правовая процедура, что является преддоговорной фазой для определения условий потенциального гражданско-правового соглашения согласно статье 434.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно мнению И.Л. Буровой для юридических специалистов важно знание частоты использования переговоров в качестве инструмента урегулирования арбитражных споров. По данным информационно-правовой системы «Консультант плюс» во время подготовки материала, есть 15 юридических документов, включающих упоминания о переговорах как о методе примирения в рамках арбитражного процесса. Распределение документов следующее: 12 относятся к делам, рассмотренным в судах первой инстанции; 4 акта происходят из арбитражных апелляционных судов; в судах окружного уровня этот метод упоминается 1 раз, и 7 раз указан в решениях Суда по делам об интеллектуальных правах. Все методы альтернативного урегулирования споров базируются на принципе добровольного участия сторон [1].

Альтернативные механизмы разрешения разногласий, известные как ADR (Alternative Dispute Resolution), активно обсуждаются в юридических кругах. Сложности, связанные с международными санкциями, изменениями в геополитической арене и увеличением коммерческих операций, способствуют возрастанию числа конфликтов в бизнес-сфере. Участники рынка, вне зависимости от национальной принадлежности, активно взаимодействуют на российской экономической арене, что приводит к частому обращению в арбитражные суды для урегулирования споров. Однако, статистика Судебного департамента при ВС РФ показывает, что механизм примирения сильно недооценен, особенно в административной практике — в 2021 году только 28 случаев были завершены путем согласия сторон, в то время как в гражданском судопроизводстве число таких дел составило 7,203. К 2022 году эти показатели немного увеличились, и в 2023 году достигли только 224 в административной сфере против 12,906 в гражданской, что подтверждает низкий интерес к примирительным процедурам в административных

делах. Роберт Ч. Элликсон полагает, что использование «неформальных норм» в разрешении конфликтов помогает уменьшить социальное напряжение между участниками, а также оградить от длительных и дорогостоящих юридических разбирательств и судебных процессов, которые несут значительные затраты как в плане времени, так и в финансовом аспекте [9, с. 56].

Автор статьи утверждает, что в контексте арбитражного разбирательства, принцип соразмерности в отношении обязательного примирения подразумевает, что затраты времени и ресурсов, которые стороны несут в процессе попыток разрешить спор, не должны стать чрезмерным барьером, препятствующим доступу к судебной защите.

Н.В. Тюменева отмечает, что «в юридической системе России наблюдается усиление применения различных альтернативных методов урегулирования конфликтов» [8]. В рамках процессуального права значительно расширен ассортимент стратегий разрешения споров, направленных на защиту прав и свобод граждан. В течение последних десяти лет правотворческая деятельность способствовала формированию комплексного института примирительных механизмов, среди которых ключевую роль играют механизмы медиации и судебного примирения. Путем стандартизации данных процедур в процессуальных законах, законодательство интегрировало их в рамки судопроизводства как процедуры, выходящие за рамки традиционной юрисдикции. В то время, как и судебная медиация, и судебное примирение направлены на разрешение конфликтов, они имеют различия в методологиях и юридических подходах.

Особенностью механизма примирения в контексте административного судопроизводства является его явное инкорпорирование в процедурные нормативные акты, что влечет за собой определенные правовые последствия, в частности, возможность приостановления рассмотрения дела при активации примирительных процессов. Важно подчеркнуть, что несмотря на отсутствие прямой нормы в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе (АПК РФ) о приостановлении дела в ходе примирения, из общей логики данных кодексов вытекает подразумеваемая возможность таких действий. Это подтверждается ссылками на восстановление процессуальной активности после неудачи примирения или окончания его срока, как указано в пункте 5 статьи 153.2 ГПК РФ и пункте 5 статьи 138.1 АПК РФ. Процесс возобновления рассмотрения возлагается на суд.

Критическим моментом в контексте Кодекса административного судопроизводства РФ является отсутствие явного упоминания о роли суда как «субъекта примирения». В качестве органа правосудия, суд играет важную

роль в применении примирительных процедур, не просто откликаясь на инициативы сторон, но и активно внося предложения о применении данных процедур. Утверждение примирительной процедуры в деле осуществляется именно судебным определением. В то время как КАС РФ указывает на применимость примирительных процедур при возможности взаимных уступок, отсутствие прямого указания на функции суда как посредника и примирителя в административных спорах выступает серьезным пробелом, требующим корректировки.

В анализе И.В. Бухаровой озвучивается, что согласно статье 2062 Гражданского кодекса Франции, партисипативная процедура является методом, при котором диспутирующие стороны обязуются сотрудничать с целью найти мирное решение конфликта или достичь предсудебной договоренности. Этот процесс предполагает взаимное согласие сторон начать конструктивные переговоры с участием своих адвокатов, что способствует правильному и эффективному урегулированию спора.[2]

Статьей 1549 Гражданско-процессуального кодекса Франции детально регламентируется порядок привлечения эксперта при урегулировании дела. Согласно кодексу, эксперт назначается совместным решением сторон, если они признают его вовлечение необходимым для рассмотрения кейса. Стороны также берут на себя обязательства по финансированию деятельности этого специалиста, условия оплаты которого закрепляются контрактом. В законе определены основные принципы деятельности эксперта, к которым относят добросовестность, не предвзятость и допустимость соревновательного метода. Вместе с тем указывается требование к тщательности выполнения экспертом своих обязательств. Точное толкование термина «усердно» в контексте закона остается открытым вопросом.

Относительно законодательной базы Великобритании, как указывает Князев, ключевым элементом является Акт об арбитраже 1996 года, который является фундаментальным документом, регламентирующим проведение арбитражных процедур на территории страны. Этот закон определяет рамки действия арбитражных соглашений, устанавливает процедуру инициации и проведения арбитража, роли и полномочия арбитров, включая их право на вынесение обязательных решений для всех сторон процесса. Кроме того, важные разъяснения вносит и Правила гражданского судопроизводства 1998 года. Как отмечается, в Великобритании существует эффективно функционирующая система исполнения арбитражных решений. При анализе медиативных соглашений, суды тщательно изучают ясность формулировок обязательств сторон, как по участию в предсудебном урегулировании споров, так и по воздержанию от обращения в суд. Отдается предпочтение соглашениям, которые предусматривают проведение

институциональной медиации по правилам, установленным соответствующими организациями, в сравнении с медиацией (Sulamerica и Ohpen), поскольку последние часто страдают от неопределенности ключевых условий. В частности, перед подачей в суд, условия соглашения о медиации должны четко определять процесс выбора медиатора и методику проведения самой медиации. Проще всего достигнуть нужной четкости через выбор институциональной медиации, регулируемой правилами уважаемой медиативной организации. Также важно включить в договор конкретные положения, означающие как начало, так и завершение медиации. Событие, запускающее передачу дела в арбитраж, должно быть ясно оговорено, например, как окончание определенного временного периода с начала медиации или завершение процесса медиации. Если указано прекращение медиации как катализатора, необходимо четко определить, как именно медиация может быть закончена.

В качестве направлений совершенствования правовой системы предлагается модифицировать статью 11 Резолюции Верховного Суда РФ № 41, установив определенный лимит времени для судебного примирения [5].

Российская практика подчеркивает ограниченное применение медиации в разрешении конфликтов, что свидетельствует о сложностях в процессе её институционального внедрения.

Ключевые факторы, снижающие престиж этого метода как одного из эффективных механизмов урегулирования споров, включают: Недостаточное мастерство в управлении конфликтами часто вынуждает участников избегать диалога и поиска эффективных методов разрешения споров. В этом контексте предлагается совместить процессы медиации и деятельность омбудсмена в процессе их развития. Вместе с тем, процесс интеграции медиации в структуры власти может затянуться, что сомнительно способствует укреплению доверия к медиации как к методу разрешения конфликтов.

Отсутствие доверия к возможности урегулирования конфликтов через медиацию, в том числе с участием независимого посредника, отражает распространенный среди граждан психологический настрой, который также может касаться самих медиаторов. Подобное недоверие чаще всего коррелирует с низким уровнем осведомленности населения о принципах и правилах медиативного процесса, а также о юридических аспектах медиативного соглашения, которое при нотариальном удостоверении приобретает статус исполнительного листа. Недооценка информационной кампании о преимуществах медиации среди населения становится заметной. Основным каналом распространения данных сведений выступают СМИ, в арсенале которых — телевидение, радио, интернет-ресурсы, включая социальные медиа.

Преимущества интернет-платформ и социальных сетей заключаются в механизме обратной связи: комментарии и активное участие пользователей в дебатах углубляют их заинтересованность в теме. Это дает воз-

можность индивидам обсуждать свои взгляды, обмениваться мнениями, что способствует формированию осознания полезности медиации. [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутова, И.Л. Изменения в законодательстве Российской Федерации о примирительных процедурах в арбитражном процессе / И.Л. Бутова, А.В. Никитова // Legal Bulletin. — 2022. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-v-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii-o-primiritelnyh-protsedurah-v-arbitrazhnom-protseste> (дата обращения: 19.02.2026).
2. Бухарова, И.В. Зарубежный опыт использования примирительных процедур в арбитражном процессе: перспективы применения в России / И.В. Бухарова // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2023. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-ispolzovaniya-primiritelnyh-protseduh-v-arbitrazhnom-protseste-perspektivy-primeneniya-v-rossii> (дата обращения: 19.02.2026).
3. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореферат дис. ... доктора юридических наук: по специальности 12.00.15 Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс. — Минск, 2019. — 52 с.
4. Князев, Д.В. Соглашения (оговорки) о досудебном урегулировании споров в Великобритании / Д.В. Князев // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 494. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soglasheniya-ogovorki-o-dosudebno-uregulirovani-sporov-v-velikobritanii> (дата обращения: 19.02.2026).
5. Миташова, А.А. О примирении сторон в административном судопроизводстве / А.А. Миташова, И.Н. Иваненко // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 8 (236). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-primireni-storon-v-administrativnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 19.02.2026).
6. Нигоева, А.Р. Судебное примирение в арбитражном процессе / А.Р. Нигоева // Eromen.Global. — 2024. — № 55. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnoe-primirenie-v-arbitrazhnom-protseste> (дата обращения: 19.02.2026).
7. Солохин, А.Е. Судебная примирительная процедура как стадия арбитражного судопроизводства / А.Е. Солохин // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 3 (231). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-primiritel'naya-protsedura-kak-stadiya-arbitrazhnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 19.02.2026).
8. Тюменева, Н.В. Примирительные процедуры в процессуальном праве и законодательстве (на примере судебной медиации и судебного примирения) / Н.В. Тюменева // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2022. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-protsestualnom-prave-i-zakonodatelstve-na-primere-sudebnoy-mediatsii-i-sudebnogo-primireniya> (дата обращения: 19.02.2026).
9. Элликсон, Р.Ч. Порядок без права. Как соседи улаживают споры / Р.Ч. Элликсон. — Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 520 с.

© Дашевский Павел Алексеевич (pdashevskiy@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванов Георгий Романович

аспирант, Российский новый университет, Москва
mr.georgiyivanov@mail.ru

DIGITAL SOVEREIGNTY IN THE SYSTEM OF LEGAL SUPPORT OF STATE INDEPENDENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

G. Ivanov

Summary. The purpose of the study is theoretical and legal substantiation of digital sovereignty as an independent legal category in the system of national law of the Russian Federation. The methodological basis of the research is based on the doctrinal approach, systemic method and functional analysis, which made it possible to identify the place of digital sovereignty in the structure of state sovereignty and determine the mechanisms of its legal support. The results of the study are aimed at forming a conceptual understanding of digital sovereignty as a multidimensional legal structure that includes control over digital infrastructure, citizens' data and algorithmic decisions that determine social reality. In the context of rapid digital transformation and cross-border information flows, digital sovereignty is becoming a guarantee of legal autonomy and technological security of the state. The necessity of including digital sovereignty in the system of national law as an independent legal category reflecting new forms of normative subjectivity of the state in the context of civilizational shift is substantiated. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to improve national legislation and develop strategic documents in the field of digital security.

Keywords: state sovereignty, digital sovereignty, digital transformation, legal regulation, national security, information infrastructure, technological independence.

Аннотация. Цель исследования — теоретико-правовое обоснование цифрового суверенитета как самостоятельной правовой категории в системе национального права Российской Федерации. Методологическая основа исследования базируется на доктринальном подходе, системном методе и функциональном анализе, что позволило выявить место цифрового суверенитета в структуре государственного суверенитета и определить механизмы его правового обеспечения. Результаты исследования направлены на формирование концептуального понимания цифрового суверенитета как многомерной правовой конструкции, включающей контроль над цифровой инфраструктурой, данными граждан и алгоритмическими решениями, определяющими социальную реальность. В условиях стремительной цифровой трансформации и трансграничных информационных потоков цифровой суверенитет становится гарантией правовой автономии и технологической безопасности государства. Обосновывается необходимость включения цифрового суверенитета в систему национального права как самостоятельной правовой категории, отражающей новые формы нормативной субъектности государства в условиях цивилизационного сдвига. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования национального законодательства и разработки стратегических документов в сфере цифровой безопасности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, цифровой суверенитет, цифровая трансформация, правовое регулирование, национальная безопасность, информационная инфраструктура, технологическая независимость.

Введение

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и формирования глобального информационного пространства традиционное понимание государственного суверенитета требует концептуального переосмысления [1]. Современное правовое государство, стоящее на страже национального интереса и правовой идентичности, сталкивается с необходимостью адаптации классической парадигмы суверенитета к реалиям цифровой эпохи [6].

Цифровая трансформация радикально изменяет способы осуществления публичной власти, создавая новые

формы зависимости от транснациональных технологических корпораций и глобальных цифровых платформ. В этих условиях суверенитет государства выходит за пределы классической парадигмы территориальной и политической власти, приобретая новые формы, среди которых цифровой суверенитет занимает особое место [9].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что цифровой суверенитет в современных условиях не является периферийной или факультативной категорией — напротив, он становится ядром нормативной архитектуры XXI века, требуя включения в систему национального права как самостоятельная правовая категория [8]. Без обеспечения цифрового суверенитета невозмож-

на реализация конституционного принципа независимости и самостоятельности государства в условиях глобальной информационной взаимозависимости [3].

Проблема цифрового суверенитета получила отражение в работах ряда российских исследователей [7], однако комплексного теоретико-правового исследования, рассматривающего цифровой суверенитет как самостоятельную категорию в системе национального права, до настоящего времени не проведено.

Методологическая основа исследования базируется на доктринальном подходе, позволяющем осмыслить цифровой суверенитет на уровне концептуальных правовых оснований [1]. Системный метод использован для выявления места цифрового суверенитета в структуре государственного суверенитета и определения его взаимосвязи с иными формами суверенной власти. Функциональный анализ применен для исследования механизмов реализации цифрового суверенитета в практике государственного управления.

Теоретический анализ направлен на осмысление эволюции понятийного аппарата и выявление ключевых доктринальных позиций в области цифрового суверенитета. Правовое моделирование применяется для конструирования нормативных механизмов обеспечения цифрового суверенитета в условиях трансформации международного порядка [2].

Целью исследования является теоретико-правовое обоснование цифрового суверенитета как самостоятельной правовой категории и определение механизмов его включения в систему национального права Российской Федерации.

Цифровой суверенитет как правовая категория

Цифровой суверенитет представляет собой не просто контроль над информационным пространством, но утверждение права государства на защиту цифровой инфраструктуры, данных граждан и алгоритмических решений, определяющих социальную реальность [4]. В условиях трансграничных потоков информации и зависимости от глобальных платформ цифровой суверенитет становится гарантией правовой автономии и технологической безопасности [5].

В отличие от традиционного понимания информационного суверенитета, сводившегося преимущественно к контролю над средствами массовой информации, цифровой суверенитет охватывает более широкий спектр общественных отношений: от регулирования искусственного интеллекта до защиты критической информационной инфраструктуры, от контроля над трансграничными потоками данных до обеспечения технологической независимости.

Правовое оформление цифрового суверенитета требует создания национальных регистров данных, криптографических стандартов, нормативного регулирования искусственного интеллекта и цифровых прав личности [8]. Это предполагает формирование целостной системы правовых норм, способных обеспечить баланс между технологическим развитием и защитой национальных интересов.

Структурные элементы цифрового суверенитета

Цифровой суверенитет как правовая категория включает несколько взаимосвязанных элементов [9].

Во-первых, контроль над критической информационной инфраструктурой, включая телекоммуникационные сети, центры обработки данных, платформы электронного правительства. Этот элемент предполагает обеспечение физической и логической защищенности ключевых информационных систем от внешних воздействий.

Во-вторых, суверенитет над данными граждан и организаций, что подразумевает установление правового режима сбора, хранения, обработки и трансграничной передачи персональных и иных данных. Государство должно обладать исключительным правом определять условия доступа к данным, находящимся на его территории или принадлежащим его гражданам.

В-третьих, технологическая независимость, выражающаяся в способности государства разрабатывать и производить критически важные цифровые технологии, программное обеспечение, микроэлектронные компоненты без критической зависимости от внешних поставщиков.

В-четвертых, нормативная автономия в регулировании цифровых отношений, предполагающая право государства самостоятельно устанавливать стандарты цифровой деятельности, требования к технологическим платформам, правила функционирования искусственного интеллекта [6].

Механизмы правового обеспечения цифрового суверенитета

Обеспечение цифрового суверенитета требует создания комплексной системы правовых механизмов, включающей:

Конституционное закрепление принципа цифрового суверенитета как элемента государственного суверенитета. Конституция Российской Федерации, устанавливая основы конституционного строя, должна содержать положения о праве государства на защиту цифрового пространства и технологической независимости [3].

Федеральное законодательство, регулирующее различные аспекты цифровых отношений: от защиты персональных данных до обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры. Ключевую роль играет Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [4], который устанавливает правовые и организационные основы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры в целях её устойчивого функционирования при проведении в отношении её компьютерных атак.

Стратегические документы, определяющие приоритеты государственной политики в цифровой сфере. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [5] формирует концептуальную основу обеспечения цифрового суверенитета, определяя основные угрозы и направления государственной политики.

Институциональные механизмы, включающие создание специализированных государственных органов, ответственных за различные аспекты цифрового суверенитета: от регулирования цифровых платформ до противодействия киберугрозам [7].

Цифровой суверенитет в условиях глобализации

Особенностью цифрового суверенитета является необходимость его реализации в условиях глобальной цифровой взаимозависимости [2]. В отличие от традиционных форм суверенитета, основанных на территориальном принципе, цифровой суверенитет действует в экстерриториальном пространстве глобальных информационных сетей [9].

Это создает объективные ограничения для его осуществления, связанные с трансграничным характером цифровых технологий, доминированием отдельных государств и транснациональных корпораций в ключевых сегментах цифровой экономики, необходимостью международной кооперации для решения глобальных проблем кибербезопасности [10].

Вместе с тем, эти ограничения не отменяют право государства на обеспечение цифрового суверенитета, но требуют выработки гибких правовых механизмов, способных сочетать национальные интересы с императивами глобального технологического развития.

Вызовы цифровому суверенитету Российской Федерации

Российская Федерация сталкивается с рядом специфических вызовов в области обеспечения цифрового суверенитета:

Технологическая зависимость от зарубежных производителей программного обеспечения, микроэлектроники, телекоммуникационного оборудования создает риски для национальной безопасности и ограничивает способность государства к самостоятельному технологическому развитию [5].

Санкционное давление, направленное на ограничение доступа российских организаций к передовым технологиям, требует ускоренного развития отечественных разработок и создания механизмов технологического импортозамещения [2].

Трансграничные потоки данных, контроль над которыми затруднен в условиях глобальной архитектуры интернета, создают риски утечки критически важной информации и несанкционированного доступа к данным российских граждан [4].

Влияние глобальных цифровых платформ, контролируемых иностранными юрисдикциями, на информационное пространство России требует разработки эффективных механизмов регулирования их деятельности без нарушения принципов свободы информации [3].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости признания цифрового суверенитета самостоятельной правовой категорией в системе национального права Российской Федерации. Цифровой суверенитет не является факультативным дополнением к традиционному пониманию государственного суверенитета, но представляет собой его органичную составляющую, отражающую специфику осуществления государственной власти в условиях цифровой трансформации.

Включение цифрового суверенитета в систему национального права требует комплексного подхода, охватывающего конституционное закрепление соответствующих принципов, развитие специализированного законодательства, создание эффективных институциональных механизмов и выработку стратегических приоритетов государственной политики.

Обеспечение цифрового суверенитета в современных условиях становится не только юридической, но и цивилизационной задачей, от решения которой зависит способность государства сохранить свою идентичность, автономию и историческую миссию в условиях глобальной цифровой турбулентности. Только через утверждение цифрового суверенитета как правовой категории и создание эффективных механизмов его реализации Российская Федерация сможет обеспечить устойчивое развитие в условиях стремительных технологических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев Н.И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М.; Волгоград: Книгодел; Волгоградский институт экономики, социологии и права, 2009. 467 с.
2. Кузнецова Е.С. Проблема ограничения суверенитета в мировой политике: дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 251 с.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).
4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.
6. Тихомиров Ю.А. Государство. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.
7. Фадеева Е.С. Правовой мониторинг государственных институтов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 210 с.
8. Филин А.Ю. Государство в современных политико-правовых доктринах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 175 с.
9. Núñez J.E. State Sovereignty: Concept and Conceptions // International Journal for the Semiotics of Law. 2024. Vol. 37. P. 2131–2150.
10. Popovski V. Legitimacy of popular sovereignty and ad hoc consent against standing authorizations for humanitarian and restorative interventions // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2025. January.

© Иванов Георгий Романович (mr.georgiyivanov@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ И УЗЛАМИ РАСПРЕДЕЛЁННОГО РЕЕСТРА

Ионцев Михаил Анатольевич

к.ф.-м.н., доцент, Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономик»
mikhail.iontsev@gmail.com

THE LEGAL NATURE OF LEGAL RELATIONS BETWEEN USERS AND DISTRIBUTED LEDGER NODES

M. Iontsev

Summary. The article is devoted to the analysis of the legal nature of legal relationships that form between nodes of a distributed registry and users of such registry. The author assumes that the activity of nodes for the validation, storage and dissemination of data is carried out in the interests of users, but, as a rule, without an individual order and without the direct expression of the will of a particular user. In this regard, the applicability of the construction of actions in someone else's interest without instructions (*negotiorum gestio*) is substantiated, and its limits in the digital environment are revealed. The article explores the reasons for such legal relations, their non-contractual nature, specifics of risk and liability distribution, as well as the correlation of actions of nodes with other legal models — contract, corporate and tort obligations. A conclusion is made on the need to clarify traditional civil approaches in relation to distributed registries and proposals are formulated for the further development of legal regulation in this area.

Keywords: nodes, users, owners of digital currencies, distributed ledger, *negotiorum gestio*, public promise of award.

Аннотация. Статья посвящена анализу правовой природы правоотношений, складывающихся между узлами распределённого реестра и пользователями такого реестра. Автор исходит из того, что деятельность узлов по валидации, хранению и распространению данных осуществляется в интересах пользователей, но, как правило, без индивидуального поручения и без прямого волеизъявления конкретного пользователя. В связи с этим обосновывается применимость к рассматриваемым отношениям конструкции действий в чужом интересе без поручения (*negotiorum gestio*), а также выявляются её пределы в цифровой среде. В статье исследуются основания возникновения указанных правоотношений, их внедоговорной характер, особенности распределения рисков и ответственности, а также соотношение действий узлов с иными правовыми моделями — договором, корпоративными и деликтными обязательствами. Делается вывод о необходимости уточнения традиционных цивилистических подходов применительно к распределённым реестрам и формулируются предложения по дальнейшему развитию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: узлы, пользователи, обладатели цифровых валют, распределённый реестр, *negotiorum gestio*, публичное обещание награды.

Как следует из ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА, субъектами, содействующими выпуску цифровых валют, являются узлы информационной системы и оператор (при наличии). При этом указанный закон не уточняет, как соотносятся между собой статусы оператора и узлов в таких информационных системах. Одновременно обязанности как узлов, так и оператора перед всеми обладателями цифровых валют носят исключительно технический характер, на них возлагается обязанность поддерживать операционную непрерывность и функциональность информационной системы на основе распределённого реестра.

Также в настоящее время федеральное законодательство не конкретизирует вид информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых валют. Так, выпуск цифровых валют возможен как в открытых, так и в закрытых информационных системах на основе распределённого реестра. При этом следует отметить, что подавляющее большинство цифровых валют выпу-

скаются и учитываются именно в открытых информационных системах.

Таким образом, с точки зрения Закона о ЦФА статусы оператора и узлов информационной системы тождественны, если речь идет о выпуске цифровых валют в открытых информационных системах.

Ключевым элементом выпуска цифровых валют является порядок взаимодействия узлов, а также правила консенсуса. В полностью децентрализованной информационной системе на основе распределённого реестра каждый пользователь может становиться узлом. Правила консенсуса существуют в первую очередь с целью определения порядка выбора только одной из двух и более одинаково верных с точки зрения функционирования альтернативных записей в распределённом реестре.

Рассмотрим различные виды взаимодействия узлов информационной системы, в которой осуществляет-

ся выпуск цифровых валют. Порядок взаимодействия узлов с целью выпуска цифровых валют определяется правилами консенсуса, которые, как правило, описываются в специальной документации, которая условно называется «проспект эмиссии цифровых валют» (*crypto currency white paper*). Такая документация раскрывается в информационно-телекоммуникационной сети Интернет разработчиками информационной системы на основе распределенного реестра, в которой осуществляются выпуск, учет и обращение цифровых валют.

Изучение правил консенсуса ведется уже продолжительное время и составляет самостоятельную область исследований в рамках вычислительных наук [1]. Подробный анализ всех существующих механизмов консенсуса выходит за рамки данной работы, так как их количество в настоящее время исчисляется сотнями. При этом в целом правила консенсуса можно классифицировать в зависимости от:

- 1) количества затраченных ресурсов (*proof of work*);
- 2) доли цифровых валют в общем объеме выпущенных цифровых валют (*proof of stake*);
- 3) полномочий узла (*proof of authority*).

Правила консенсуса, связанные с количеством затраченных ресурсов, основаны на принципе, согласно которому чем больше вычислительных ресурсов узел использует, тем больше вероятность того, что именно он предложит следующий блок в распределенном реестре, а значит, именно он получит вознаграждение в виде цифровой валюты за его создание. При этом алгоритм информационной системы автоматически сгенерирует цифровую валюту на адресе — идентификаторе узла. Указанное описание взаимодействия узлов указано в определении майнинга, предусмотренном ч. 3.1 ст. 1 Закона о ЦФА. С учетом изложенного, правила консенсуса, определенные количеством затраченных ресурсов, далее в диссертации будут называться правилами консенсуса при майнинге.

При этом следует отметить, что в настоящее время посредством майнинга выпускается небольшое количество цифровых валют от их общего числа, самыми крупными по своей капитализации являются *BTC*, *Monero*, *Kaspa*, *Zcash*, *Dogecoin*, *Litecoin* [2].

Так, например, документация об информационной системе *BTC* [3] не возлагает никаких ограничений на узлы, а издержки, связанные с достижением согласия узлов, в виде вычислительной мощности фактически ничем не ограничиваются (Пункты 4 и 5 документации об информационной системе *BTC*). Правила консенсуса при майнинге подразумевают, что любой пользователь открытой информационной системы *BTC* может стать узлом при наличии у него необходимых вычислительных мощностей.

Правила консенсуса при майнинге содержат принцип, согласно которому требуется все больше ресурсов для подтверждения последующих записей в распределенном реестре, а значит, и для функционирования информационной системы, в том числе выпуска цифровых валют.

В таком случае в некоторый момент подтвердить записи в информационной системе смогут только такие узлы, у которых имеется достаточно много ресурсов, что с экономической точки зрения означает, что, скорее всего, такие узлы будут являться крупными хозяйственными обществами. В частности, такая ситуация уже наблюдается в информационной системе *BTC*, где узлы (майнеры), которые могут подтверждать внесение изменений информационной системы *BTC*, являются крупными хозяйственными обществами, экономические показатели которых сопоставимы с крупнейшими промышленными компаниями [4].

В настоящее время отсутствует международная правовая база, которая предписывала бы правила регулирования международной информационной системы *BTC*, в связи с чем можно ожидать, что в ближайшее время такое регулирование начнет разрабатываться. Кроме того, инициативы, направленные на создание такого регулирования, уже звучат в публичном пространстве [5].

Деятельность узлов, связанная с подтверждением внесения изменений записей по правилам подтверждения количеством затраченных ресурсов, привлекает внимание государственных органов различных юрисдикций из-за существенных объемов энергопотребления. Так, в некоторых юрисдикциях введен прямой запрет на осуществление майнинга в связи с рисками в сфере энергопотребления и энергобезопасности (Китай, Косово, Албания) (Постановление Народного банка Китая (*People's Bank of China*) о запрете майнинга (2021) вступило в силу в сентябре 2021 г. Китай официально запретил любую форму майнинговой активности. Также указаны причины запрета: высокое энергопотребление и стремление страны достичь углеродной нейтральности. В январе 2022 г. правительство Косово заявило о приостановке всех операций по добыче криптовалют из-за энергетического кризиса. Официальные упоминания содержатся в пресс-релизах Министерства экономики), а в ряде стран введены жесткие ограничения на осуществление майнинговой деятельности (Иран, Таджикистан и Киргизия) [6]. Комплексное регулирование в указанной сфере может строиться по двум не взаимоисключающим друг друга путям: установлению тарифной лестницы «чем больше энергопотребление, тем дороже плата за электроэнергию» и ведению реестра или лицензирования узлов. В России, например, в настоящее время фактически реализованы оба подхода.

Рассмотрим теперь правила консенсуса, согласно которым подтверждение записи в распределенном реестре зависит от доли цифровых валют в общем объеме выпущенных цифровых валют (далее — правила корпоративного консенсуса). Так, подтверждение записи совершает узел, обладающий большей долей среди всех активных узлов на момент подтверждения такой записи. Предполагается, что узел, обладающий большим количеством цифровых валют, наиболее заинтересован в надлежащем функционировании информационной системы и не будет компрометировать записи. В настоящее время правила корпоративного консенсуса применяются в большинстве информационных систем, наибольшей капитализацией из которых обладает *Etherium*.

Фактически такая цифровая валюта по своей правовой природе удостоверяет корпоративное право, так как ее обладатель получает право принимать решения, связанные с управлением информационной системой на основе распределенного реестра. Таким образом, в отношениях между пользователями информационной системы с правилами корпоративного консенсуса цифровая валюта становится новым объектом корпоративного права, по своей природе близкому к акции, но все же отличному от нее, так как у цифровой валюты отсутствуют эмитенты [7].

Накопление цифровых валют у одного узла может привести к формированию мажоритарной доли. Таким образом, от мажоритарного узла будет зависеть функционирование всего распределенного реестра. При этом следует отметить, что правила корпоративного консенсуса могут в числе прочего предусматривать запрет на накопление такого объема цифровых валют, который приведет к формированию мажоритарного узла [8]. В зарубежной доктрине отмечается, что регулирование подобных отношений следует строить по аналогии с регулированием в сфере корпоративного права [9].

В настоящее время федеральное законодательство не содержит специальных положений, регулирующих отношения узлов, принявших правила корпоративного консенсуса для целей выпуска цифровой валюты.

В завершение рассмотрим правила консенсуса, согласно которым выпуск цифровых валют зависит от наличия специальных полномочий узла, то есть один отдельный узел или их ограниченная группа решает, какое количество цифровых валют выпускать. Как представляется, в случае полного контроля узлом или группой узлов количества выпускаемых цифровых валют отношения между пользователями и узлами могут быть квалифицированы в качестве договора возмездного оказания услуг, так как фактически такой узел предоставляет пользователям возможность использования электронного денежного средства [10].

С учетом изложенного следует сделать вывод, что отношения между узлами и пользователями информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых валют, должны быть квалифицированы в зависимости от вида консенсуса, который принимают узлы с целью выпуска цифровой валюты. Важно отметить, что любые правила валидации предназначены в первую очередь для достижения соглашения о текущем состоянии информационной системы на основе распределенного реестра, то есть узлы фактически осуществляют только технические действия. Узлы не одобряют и не разрешают какие-либо сделки и не оценивают сделки, совершенные в информационной системе, на предмет их действительности [11]. Такая задача была бы крайне трудновыполнимой в силу международного характера основных открытых информационных систем, в которых выпускаются цифровые валюты: потребуется, чтобы для каждой предлагаемой сделки узел не только оценивал применимое право, но и анализировал совершаемую сделку на предмет соответствия положениям применимого права [12]. Даже если бы на уровне закона к узлам предъявлялось требование всегда применять личный закон узла ко всем предлагаемым сделкам, то такое требование не позволило бы создать единую информационную систему, если бы какой-либо узел имел личный закон другой юрисдикции, в которой содержатся контрадикторные нормы действительности сделок.

Таким образом, как минимум для открытых информационных систем, которые имеют международный характер, невозможно установить требование к узлам проверять сделки на соответствие законодательству.

Отдельно следует обратить внимание на злоупотребления, которые могут допускать узлы, обеспечивающие функционирование информационной системы на основе распределенного реестра. Так, например, майнеры, которые обладают наибольшими мощностями, могут фактически занимать доминирующее положение на рынке майнинга [13] и таким образом ставить в зависимость от своих действий возможность совершения операций с цифровыми валютами в информационной системе [14]. Одновременно чем ниже пороги входа на рынок майнинга, тем больше майнеров могут осуществлять деятельность по выпуску цифровых валют и закрытию блоков распределенного реестра, тем ниже влияние отдельно взятых майнеров на возможность осуществления операций с цифровыми валютами пользователями [15]. В экономической литературе низкая зависимость пользователя от действий конкретного майнера называется децентрализацией [16]. С учетом изложенного представляется, что регулирование, связанное с поддержанием децентрализованного характера информационных систем, должно строиться по принципам законодательства о защите конкуренции, чтобы не допускать возникновения майнеров, занимающих

доминирующее положение, и горизонтальных соглашений. Также представляется целесообразным установить регулирование, направленное против совершения злоупотреблений узлами, которые имеют мажоритарную долю цифровых валют или занимают доминирующее положение при выпуске цифровых валют.

Рассмотрим ниже отношения между узлами (оператором) и обладателями цифровых.

Договорная природа правоотношений между пользователями и узлами обоснована в работах Л.А. Новоселовой [17] и Л.Г. Ефимовой [18], в которых приводятся следующие аргументы в пользу такой квалификации. Во-первых, пользователи информационной системы вправе требовать от узлов совершения действия по внесению записей в такую информационную систему. Во-вторых, круг узлов хоть и является широким, но все же определенным. При этом с указанной квалификацией и аргументами не соглашаются, в частности, А.И. Савельев [19] и М.А. Успенский [20], обоснованно указывая, что узлы не явно выражают волеизъявления на принятие обязательств по совершению определенных действий перед конкретными обладателями цифровой валюты. Кроме того, перечень узлов динамично изменяется. Таким образом, установить состав лиц, вступающих в конкретные договорные отношения, не представляется возможным.

Даже предполагая, что между пользователями и узлами заключается договор, то он в любом случае является непоименованным, а значит, к нему должны применяться общие положения о договорах, что влечет лишь предоставление сторонам таких отношений договорных способов защиты своих прав, в частности, договорных исков, которые, как представляется, с практической точки зрения фактически невозможно реализовать, что отмечается самими авторами концепции договорной природы отношений между пользователями и узлами [21].

Если деликты и договор исключить из числа возникновения обязательств между узлами и пользователями, то стоит рассмотреть их в качестве квазидоговора, в частности, действий в чужом интересе без поручения, а также публичного обещания награды. Указанные подходы в настоящее время восприняты и активно обсуждаются как французской, швейцарской и немецкой доктринами [22]. Актуальность корректной квалификации отношений между узлами информационной системы на основе распределенной системы и пользователями такой системы, которые осуществляют операции по переводу и хранению цифровой валюты, обоснована высокой экономической значимостью таких общественных отношений. В отечественной доктрине неоднократно отмечалось, что в тех случаях, когда отношения сложно квалифицировать с точки зрения договорного или деликтного права, особую значимость и ценность при-

обретают внедоговорные обязательства, выполняющие компенсаторную и системообразующую функцию [23].

Во-первых, предметом действий в чужом интересе без поручения является совершение каких-либо действий во благо третьему лицу, которое не является определенным или определимым, что снимает, в свою очередь, дискуссию о сторонах правоотношений, определенности, определенности и установленности лиц правоотношений. В доктрине подчеркивается [24], что *negotiorum gestio* исторически возник как правовой механизм «заполнения пробела» между фактическим действием и отсутствием юридической связи, что полностью соответствует архитектуре отношений между узлами и пользователями распределенного реестра.

Особенностью отношений является множественность гесторов являющихся узлами, однако ни отечественное законодательство, ни доктрина не исключают множественность гесторов, коллективный и совместный характер действий, а также необходимость персональной индивидуализации отдельных *dominus negotii* [25]. В указанной литературе также говорится о возможности применения *negotiorum gestio* и к ситуациям защиты диффузного имущественного интереса, если он индивидуализируем *ex post*.

Во-вторых, действия в чужом интересе без поручения возлагают на узлы обязанность действовать только в законных интересах пользователя, что соответствует позиции международных организаций и практике отдельных узлов о недопустимости и блокировании противоправных операций с цифровыми валютами в распределенном реестре. Этому вторит ГК РФ и доктрина, так как ключевым материальным признаком действий в чужом интересе является направленность поведения гестора на защиту или улучшение имущественного положения *dominus negotii*. Так, согласно пункту 1 статьи 980 ГК РФ действия гестора должны быть направлены на предотвращение вреда имуществу, исполнение обязательства заинтересованного лица или достижение иного имущественного значимого результата. При этом действия узлов направлены на обеспечение фактической возможности совершения операций с цифровой валютой, предотвращение ее двойного расходования и обеспечение неизменяемости и устойчивости распределенного реестра. Также следует отметить, что у узлов есть и субъективный экономический интерес: осуществляя действия, обеспечивающие возможность совершения операций с цифровой валютой в системе, они получают новые единицы цифровой валюты в результате ее автоматического выпуска, то есть помимо объективного интереса обладают и личным мотивом. Однако отечественная доктрина твердо стоит на позиции о том, что объективного интереса достаточно для квалификации отношений в качестве *negotiorum gestio* [26]. Воз-

ражение против квалификации деятельности узлов как *negotiorum gestio* нередко основывается на том, что узлы получают вознаграждение от обладателей цифровой валюты в виде комиссий. Однако подобный аргумент неубедителен в силу следующего. Во-первых, системное толкование статей 983 и 985 ГК РФ говорит о том, что гестор вправе требовать возмещения необходимых расходов, а, во-вторых, вознаграждение допускается, если действия гестора приносят пользу *dominus negotii* [27].

В-третьих, еще одним существенным признаком *negotiorum gestio* является отсутствие у гестора юридической обязанности совершать какие-либо действия. Одновременно узлы информационной системы не связаны обязательствами перед владельцами цифровой валюты, не несут ответственность за отказ от участия в подтверждении операций с цифровыми валютами и осуществляют свою деятельность только по собственной инициативе [28]. При этом максимальная на узлов возлагается лишь обязанность в силу закона действовать с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью, что препятствует совершению злоупотреблений со стороны узлов, которые во многом проявляются в манипулировании, которое совершают узлы, в частности, с размером комиссии.

В-четвертых, узлы не должны информировать пользователей о том, что они совершают какие-либо действия в интересах пользователей, так как пользователи находятся онлайн в информационной системе, что может быть квалифицировано в качестве присутствия согласно положениям п. 2 ст. 981 ГК РФ.

В-пятых, квазидоговорная модель правоотношений не только близка по своему содержанию к договорной, но и может непосредственно быть в нее трансформирована при наличии согласия пользователя, как следует из ст. 982 ГК РФ. При этом действия узлом в интересах пользователей, совершенные после того, как узлам стало известно, что они не одобряются пользователями, не влекут для таких пользователей обязанностей ни в отношении узлов, ни в отношении третьих лиц. Таким образом, сохраняется гибкость в регулировании правоотношений. Пользователь вправе, выразив согласие с действиями узла, квалифицировать их отношения как договорные, ввиду чего дальнейшее их регулирование будет осуществляться непосредственно в соответствии с правилами о конкретном виде договора.

Кроме того, как указывалось ранее, согласно пункту 1 статьи 982 ГК РФ последующее одобрение действий заинтересованным лицом влечет применение правил о соответствующем договоре. При этом обладатели цифровой валюты принимают результат подтверждения операции с цифровой валюты, распоряжаются цифровой валютой, только после включения операции с ней

в блок распределенного реестра узлами, а также извлекают экономическую выгоду из функционирования распределенного реестра. Указанное поведение может рассматриваться как конклюдентное одобрение действий узлов, что дополнительно подтверждает их направленность на чужой интерес.

В-шестых, согласно пункту 1 статьи 981 ГК РФ действия в чужом интересе не допускаются, если они совершены вопреки выраженной воле заинтересованного лица. В контексте отношений между узлами и обладателями цифровой валюты следует отметить, что обладатель цифровой валюты не может технически выразить запрет на подтверждение его операции конкретными узлами, использование общей информационной системы предполагает принятие ее правил, а техническая архитектура распределенного реестра делает участие узлов ожидаемым и необходимым для ее функционирования, хоть и не обязательным для конкретного узла. Таким образом, имеет место презумпция разумного согласия обладателей цифровой валюты с действиями узлов распределенного реестра, что соответствует подходу, выработанному в доктрине применительно к массовым интересам [29].

Позиции немецкого, швейцарского и французского права также склонны квалифицировать отношения между узлами и обладателями цифровой валюты как *negotiorum gestio*. Так, согласно § 677 ГГУ лицо, которое без поручения ведет чужие дела, обязано осуществлять их в соответствии с действительной и предполагаемой волей хозяина дела. В отношениях между узлами и обладателями цифровой валюты отсутствуют как договорные, так и законные основания для действий узлов, при этом обладатели цифровой валюты ожидают от узлов подтверждения их операций с цифровой валютой. Таким образом, отношения между узлами и обладателями цифровой валюты формально соответствуют критерию *Geschäftsführung ohne Auftrag*, установленному немецким правом. Ключевым аргументом в пользу квалификации является категория объективно чужого дела (*objektiv fremdes Geschäft*). Немецкая доктрина исходит из того, что, если действие по своему экономическому и правовому смыслу относится к сфере интересов другого лица, наличие субъективного намерения действовать именно в чужом интересе (*Fremdgeschäftsführungswille*) презюмируется [30]. Так, обеспечение неизменяемости распределенного реестра, предотвращение двойного расходования и сохранение оборотоспособности цифровой валюты не относятся к собственной имущественной сфере узла, а к сфере обладателей цифровой валюты, что позволяет рассматривать деятельность узла как объективно, направленную на ведение чужих дел. Наличие собственного интереса (*auch-fremdes Geschäft*) у узла (например, получение комиссии) не препятствует квалифицировать отношения как *Geschäftsführung ohne*

Auftrag, если при этом собственный интерес не является преобладающим [31]. Также немецкая доктрина не требует наличия единственного индивидуализированного Geschäftsherr. Допускается множественность управомоченных лиц, если действия направлены на защиту коллективного имущественного интереса и выгода может быть распределена между конкретными лицами [32].

В швейцарском праве Geschäftsführung ohne Auftrag трактуется весьма широко и прагматично. Так, в качестве Geschäftsführung ohne Auftrag квалифицируются любые отношения, если лицо без поручения ведет любые дела хозяина дела, при этом наличие и значимость субъективного интереса не играет никакой роли на такую квалификацию [33]. Швейцарские цивилисты квалифицируют отношения между узлами и обладателями цифровой валюты в качестве Geschäftsführung ohne Auftrag в связи с тем, что действия узлов с неизбежностью приносят пользу обалделом цифровой валюты, то есть их действия соответствуют предполагаемой воле обладателей цифровой валюты (ст. 419 ШОЗ) [34]. Во французской доктрине действия узлов в интересах обладателей цифровой валюты квалифицируются как gestion d'affaires на основании статей 1301–1301.5 ФГК. Основным условием такой квалификации является наличие пользы для лица (maître de l'affaire), которое не давало поручения и иным любым способом не создавало и не стремилось создать правовой связи с лицом, создающим пользу для него (gérant).

С учетом изложенного, представляется целесообразным квалифицировать отношения между пользователями и узлами в качестве действий в чужом интересе без поручения.

Отношения между узлами и обладателями цифровой валюты могут быть квалифицированы в качестве публичного обещания награды. Так, в российском, французском, швейцарском и немецком правопорядках указанный правовой институт служит для ситуаций, в которых неопределен круг лиц, которому заранее объявляются условия, достижение определённого результата автоматически влечет право на вознаграждение, а договорная координация сторон отсутствует.

Так, во французской доктрине отмечается, что алгоритмы информационной системы на основе распределённого реестра могут рассматриваться как нормативно зафиксированное публичное обещание, при этом узлы принимают условия не путем акцепта, а путем факти-

ческого достижения результата. Так, ряд ученых допускает [35], что воля может быть выражена объективно, через правила, тексты или технические инструкции, если они устойчиво направлены на порождение правовых последствий (intention objectivée). Вместе с тем ряд французских исследователей указывают, что публичное обещание награды (promise de récompense) не может существовать без индивидуализированного лица лица, обещавшего награду. Аргумент состоит в том, что, хотя обладатели цифровой валюты всегда вправе предложить вознаграждение за совершение операций узлами, однако могут этого и не делать, и тогда правоотношения не смогут быть квалифицированы в качестве promise de récompense [36].

Немецкая и швейцарская правовые доктрины также склонны исключать возможность квалификации отношений в качестве публичного обещания награды (Auslobung), так как какое-либо материальное предоставление лица, обещающего награду (Auslobender), может просто отсутствовать. Кроме того, швейцарская доктрина допускает предполагаемую волю (mutmasslicher Wille) в рамках ведения чужих дел без поручения, но не в конструкции обещания награды [37]. Также подчеркивается, что публичное обещание награды стимулирует разовое действие [38] и институционально не подходит для деятельности узлов распределённого реестра, осуществляющих свою деятельность на постоянной основе.

Одновременно российское позитивное законодательство и доктрина, как представляется, также не позволяют квалифицировать отношения между узлами и пользователями в качестве публичного обещания награды. Так, необходимым условием квалификации отношений является обязанность выплатить награду [39], при этом обладатели цифровых валют могут не устанавливать комиссию за совершение операций. Кроме того, согласно пункту 2 статьи 1055 ГК РФ другим условием для квалификации отношений в качестве публичного отношения награды является возможность установить лицо, которое ее обещало, однако указанное невозможно сделать ввиду анонимного характера операций, совершаемых в распределённом реестре.

Таким образом, публичное обещание награды не соответствует по своему содержанию для регулирования общественных отношений, возникающих между узлами распределённого реестра и обладателями цифровой валюты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fischer M.J., Lynch N.A., Paterson M. S. Impossibility of distributed consensus with one faulty process // *Journal of the ACM (JACM)*. — 1985. — Vol. 32. — Iss. 2. — P. 374–382.
2. <https://www.coingecko.com/en/categories/proof-of-work-pow> (дата обращения: 08.08.2025).
3. <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 08.08.2025).
4. Лабабуева О.С. Понятие и правовая природа майнинга // *Хозяйство и право*. 2024. № 1. С. 69–79.
5. Financial Action Task Force (FATF). *Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*. Paris: FATF, 2021. 60 p.
6. Cambridge Centre for Alternative Finance. *Global cryptoasset benchmarking study*. 3rd ed. September 2021.
7. Heimbach L., Wattenhofer R. Sok: Preventing transaction reordering manipulations in decentralized finance // *Proceedings of the 4th ACM Conference on Advances in Financial Technologies*. 2022. P. 47–60.
8. Цепов Г.В., Иванов Н.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // *Закон*. 2022. № 3. С. 149–172.
9. Баракина Е.Ю. Субъекты правоотношений цифровых платформ как механизма реализации финансовых технологий // *Юрист*. 2023. № 3. С. 16–22.
10. Баракина Е.Ю. Субъекты правоотношений цифровых платформ как механизма реализации финансовых технологий // *Юрист*. 2023. № 3. С. 16–22.
11. Тумаков А.В. Цифровые финансовые активы как объект цифрового гражданского оборота // *Гражданское право*. 2024. № 6. С. 9–12.
12. Общий анализ коллизионного права см. в статье: Villata F.C. *Cryptocurrencies and Conflict of Laws* // *Blockchain and Private International Law*. Brill Nijhoff, 2023. P. 314–347.
13. Schrepel T. *Libra: A Concentrate of 'Blockchain Antitrust'* // *Mich. L. Rev. Online*. 2019. Vol. 118. P. 160.
14. Miller E. *Antitrust Live: The New Blockchain Era of Antitrust* // *Colum. Sci. & Tech. L. Rev.* 2022. Vol. 24. P. 106.
15. Савельев А.И. *Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения*. М.: Статут, 2024. 620 с.
16. Daian P. et al. *Flash boys 2.0: Frontrunning in decentralized exchanges, miner extractable value, and consensus instability* // *IEEE symposium on security and privacy (SP)*. 2020. P. 910–927.
17. Новоселова Л.А. О правовой природе биткойна // *Хозяйство и право*. 2017. № 9. С. 10–11.
18. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6–15.
19. Савельев А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // *Закон*. 2018. № 2. С. 36–51.
20. Успенский М.А. Криптовалюта как обязательственное право // *Закон*. 2024. № 10. С. 154–168.
21. Новоселова Л.А. Криптовалюта как объект взыскания в исполнительном производстве // *Вестник гражданского процесса*. 2025. № 1. С. 216–231.
22. Vamparys X. *Blockchain et droit des sociétés — Quelques réflexions d'un praticien* // *JCP E*. 2018. N 1.
23. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / Иоффе О.С. *Избранные труды по гражданскому праву*. 4-е изд. М., 2020. С. 562.
24. Брагинский Михаил И., Витрянский Василий В. 1999. *Договорное право: Общие положения*. В 5 кн. Кн. 1. М.: Статут.
25. Гонгало Б.М. *Обязательства из односторонних действий* // *Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова*. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — Т. 2.
26. Толстой Ю.К. *Обязательства из односторонних действий* // *Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого*. — М.: ТК Велби, Проспект, 2011.
27. Zimmermann R. *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition*. — Oxford: Oxford University Press, 1996.
28. Иоффе О.С. *Обязательственное право*. — М.: Юридическая литература, 1975. — 880 с.
29. Толстой Ю.К. *Обязательства из односторонних действий* // *Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого*. — М.: ТК Велби, Проспект, 2011.
30. Palandt/Sprau, § 677 Rn. 8; MüKoBGB/Seiler, § 677 Rn. 35–38
31. Palandt/Sprau, § 677 Rn. 9; Medicus/Lorenz, *Schuldrecht I*, § 39 Rn. 23
32. MüKoBGB/Seiler, § 677 Rn. 52–54
33. Gauch/Schluep/Schmid, *OR AT*, Bd. II, 10. Aufl., Zürich 2014, Rn. 1038–1040
34. Gauch/Schluep/Schmid, Rn. 1052
35. Terré F., Simler P., Lequette Y. *Droit civil. Les obligations*. — 12e éd. — Paris : Dalloz, 2018.
36. Ghestin J., Billiau M., Loiseau G. *Traité de droit civil. Les effets du contrat*. — Paris: LGDJ, 2014.
37. Gauch P., Schluep W.R., Schmid J., Rey H. *Schweizerisches Obligationenrecht. Allgemeiner Teil*. — Bd. II. — 10. Aufl. — Zürich: Schulthess, 2014.
38. von Tuhr A., Peter H. *Allgemeiner Teil des Schweizerischen Obligationenrechts*. — Zürich: Schulthess, 1979.
39. *Гражданское право. Особенная часть: учебник под ред. Е.С. Болтановой, ИНФРА-М, 2023*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ON CERTAIN RESTRICTIONS ON THE RIGHT TO VOTE IN RUSSIAN LEGISLATION

Ju. Kulikova

Summary. The article draws attention to individual electoral qualifications existing in active and passive suffrage, examines trends in Russian legislation adopted by the legislator and aimed at expanding such restrictions, attempts are made to evaluate these legal actions from both a positive and a negative perspective, their importance for the development of the constitutional and legal institution of electoral law in Russia.

Keywords: active suffrage, passive suffrage, constitutional principles, legislative initiatives, electoral qualifications.

Куликова Юлия Альбертовна

Кандидат юридических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский государственный университет спорта и туризма» (МГУСиТ)
jumar66@bk.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на отдельные избирательные цензы, существующие в активном и пассивном избирательном праве, рассмотрены тенденции в российском законодательстве, принимаемые законодателем и направленные на расширение таких ограничений, сделаны попытки оценить эти правовые действия как с позитивной, так и негативной стороны, их значение для развития конституционно-правового института избирательного права в России.

Ключевые слова: активное избирательное право, пассивное избирательное право, конституционные принципы, законодательные инициативы, избирательные цензы.

Общеизвестно, что все российские граждане обладают избирательным правом, это отражено в статье 32 Конституции РФ [1], которая выделяет активное избирательное право и пассивное избирательное право. Конституционные принципы избирательного права подробно раскрываются в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», где они значатся, как: всеобщность, равенство, гласность, свобода и добровольность, тайное голосование [2].

Активное избирательное право обозначает, что каждый гражданин, достигший совершеннолетия, может избирать депутатов разного уровня, главу субъекта, на территории которого он проживает, главу государства — президента. Ранее в этот список можно было бы включить и выборы главы муниципального образования, но на сегодняшний момент в большинстве городов это право передано муниципальным депутатам. Ограничения активного избирательного права есть, например, вменяемость, нахождение в местах лишения свободы, гражданство.

Пассивное избирательное право обозначает, что сам гражданин может быть избран на соответствующую должность в органы государственной и муниципальной власти, ограничения тоже есть, по возрасту, гражданству, вменяемости, оседлости и судимости. Например,

кандидат в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания должен достигнуть 21-летнего возраста, а для кандидата на должность Президента РФ возрастная планка увеличивается до 35 лет. Еще один критерий для примера — вменяемость, то есть кандидат на должность чиновника любого уровня должен быть дееспособным гражданином.

Нам представляется интересным обратиться к законодательным инициативам, которые были предприняты в области избирательного права, и повлекшие за собой определенные последствия.

Одна из них касается активного избирательного права, а именно, возможности гражданам ежегодно оценивать эффективность деятельности депутатов разного уровня с помощью портала «Государственные услуги», соблюдая тайность голосования. С такой инициативой выступили депутаты от политической партии «Новые люди» в декабре 2025 года. На наш взгляд, причины этой законодательной инициативы были следующие. Если в ранее существовавшем Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления», была возможность отзыва муниципального депутата (статья 24)[3], и это был единственный уровень, когда избиратель мог быть инициатором этого процесса, то в Федеральном законе, принятом в 2025 году «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [4] этой возмож-

ности избирателей лишили, предоставив органам местного самоуправления самим решать этот вопрос и отражать эту правовую норму на свое усмотрение в уставах муниципальных образований.

В пояснительной записке к законопроекту №787068-8 от 04.12.2025 сказано, что «граждане имеют ограниченные возможности для выражения своего мнения о работе депутатов и чиновников. Это приводит к снижению доверия к власти и ощущению разрыва между интересами граждан и действиями представителей власти» [5]. Предлагалось избирателей наделить правом оценивать деятельность депутатов Государственной Думы Федерального Собрания, депутатов законодательного органа субъекта Российской Федерации, высшего должностного лица субъекта, депутатов представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг» при тайном голосовании. Это могло бы привести к более эффективному государственному управлению на всех уровнях власти «благодаря введению механизма ежегодного получения обратной связи от граждан» [5] и обеспечило бы выявление актуальных проблем и нахождению быстрых путей их решения. Результаты ежегодного оценочного голосования предлагалось публиковать в открытом доступе, и, по мнению авторов, подобная практика послужила бы дополнительным стимулом для должностных лиц слышать и слушать своих избирателей, так как «уровень поддержки их действий станет достоянием обществу» [5]. И также, опубликованные оценки создали бы объективную картину для граждан на будущих выборах, избирателям легче было бы понять, насколько оправдал тот или иной кандидат их ожидания, и в конечном итоге, можно было бы понять, стоит ли доверять ему повторный мандат.

Законопроект, к сожалению, получил отрицательную оценку со стороны Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, в решении которого было указано, что выявлено несоответствие законопроекта требованиям части третьей статьи 104 Конституции Российской Федерации и статьи 105 Регламента Государственной Думы. Был отправлен на доработку.

Еще одна законодательная инициатива в отношении избирательного права, на этот раз успешная, касающаяся пассивного избирательного аспекта. Еще в 2021 году был подписан закон об ограничении пассивного избирательного права причастных к деятельности экстремистских или террористических организаций лиц [6]. «Не имеют права быть избранными граждане РФ, причастные к деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, в отношении

которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности» [6]. Напомним, что в статье 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» есть ограничение пассивного избирательного права: «право быть избранными не имеют граждане, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений» [2]. Выдвинутый новый Законопроект № 1034862-8 от 08.10.2025 года [7], предложенный депутатами от политической партии «Новые люди», предполагает полный запрет избираться гражданам, осужденным за совершение любых преступлений, предусмотренных главой 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. В этой главе речь идет о преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [8].

Указанное ограничение должно будет действовать независимо от вида назначенного наказания по данным преступлениям, это может быть и штраф, и лишение свободы. Также интересно то, что ограничения, касающиеся право быть избранным, будут действовать и в период неснятой или непогашенной судимости, и в течение нескольких лет после ее снятия или погашения. Многие региональные законодательные органы активно поддержали этот законопроект, например, Московская областная дума, Рязанская областная дума, Народный совет Луганской народной республики [9].

Законопроект пока не принят, но рассмотрен в первом чтении, получено положительное заключение Правового управления Государственной Думы, думается, что принятие его осуществится в скором времени.

Существует разные мнения по поводу ограничения как пассивного, так и активного избирательного права. Одна точка зрения, что такие ограничения не отвечают конституционным принципам и международным стандартам выборов. Другая точка зрения, поддержанная в 2022 году Конституционным Судом РФ, обосновывает правомерность некоторых ограничений, например, запрета баллотироваться осужденным за тяжкие и особо тяжкие преступления, необходимостью обеспечить доверие к власти и предохранить ее от криминализации. Более того, есть примеры, когда Конституционный Суд РФ подтвердил правомерность десятилетнего ограничения пассивного избирательного права с момента погашения судимости за тяжкое преступление при том, что установлено оно было приговором украинского суда. Конституционный суд не нашел противоречий Основному закону страны в ограничении пассивного избирательного права за тяжкие преступления, даже если они установлены приговором иностранного суда (случай с жителем Севастополя Дмитрием Блоха, дважды судимым Буденновским районным судом Донецка, чье пассивное избирательное право ограничили до 2028 года) [10].

Мы придерживаемся точки зрения, высказанной авторами Кондрашевым А.А. и Сидоровой Н.А., что «установление большого числа избирательных цензов в российском избирательном законодательстве, а равно и дополнительных ограничений избирательного права, приводит к исключению участия в реализации конституционного принципа народовластия миллионы россий-

ских граждан. Список конституционных цензов, представленных в статье 32 Конституции, представляется наиболее справедливым и юридически корректно определенным, чем постоянное введение все новых цензов и ограничений пассивного избирательного права российским законодателем» [11, с.16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция РФ. — Москва: Проспект. 2022. — 64с.
2. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 N 67-ФЗ // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения 09.02.2026)
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» от 06.10.2003 N 131-ФЗ // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения 08.02.2026)
4. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20.03.2025 N 33-ФЗ // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения 01.02.2026)
5. Законопроект № № 787068-8 от 04.12.2025 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/787068-8> (дата обращения 06.02.2026)
6. Федеральный закон от 04.06.2021 N 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386199/ (дата обращения 10.02.2026)
7. Законопроект № 1034862-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1034862-8> (дата обращения 11.02.2026).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 11.02.2026).
9. Постановление Народного совета Луганской народной республики № 1587 от 04.12.2025 «Об отзыве на проект федерального закона № 1034862-8 «О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа. https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya_baza/27280/. (дата обращения 11.02.2026). Постановление Московской областной думы от 20.11.2025 № 48/123-П «О согласовании проектов федеральных законов» // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MOB&n=442206#PdmopAViUHVSapPt> (дата обращения 11.02.2026). Постановление Рязанской областной Думы от 27 ноября 2025 года № 148-VIII РОД «Об отзывах на проекты федеральных законов, внесенные на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://rznoblduma.ru/upload/iblock/bd4/> (дата обращения 11.02.2026).
10. Газета Коммерсантъ. Конституционный суд разрешил избиркомам учитывать иностранную судимость кандидатов 16.12.2025. // [Электронный ресурс]. Режим доступа. <https://www.kommersant.ru/doc/8293505>
11. Кондрашев А.А., Сидорова Н.А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России // Правоприменение. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izbiratelnye-tsenzy-i-ogranicheniya-passivnogo-izbiratel'nogo-prava-na-vyborah-v-rossii> (дата обращения: 09.02.2026).

© Куликова Юлия Альбертовна (jumar66@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ СВОБОДЫ ТРУДА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Курочкина Анастасия Николаевна

Соискатель,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва;

Ассистент, Северо-Западный институт (филиал)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда

kurochkinaan@vfmgua.ru

EVOLUTION OF FREEDOM OF LABOR WHEN CHANGING AN EMPLOYMENT CONTRACT

A. Kurochkina

Summary. This article identifies patterns in the transformation of the principle of freedom of labor when employment contracts are amended in Russian law. It is demonstrated that freedom of labor in this area is dynamic and is implemented through a system of legal mechanisms reflecting the balance of interests of the employee, employer, and society. An analysis of Soviet and post-Soviet legislation establishes that initially, freedom of labor functioned as a derivative assumption within the model of the universal obligation to work and was consistently limited in the interests of a planned economy and industrial discipline. It is established that the modern model of freedom of labor is expressed not in the absolute stability of contractual terms, but in the employee's right to informed consent or refusal to continue working when they are changed. A conclusion is formulated regarding the compromise nature of freedom of labor and freedom of employment contract, which allow for normatively determined restrictions that do not eliminate, but rather transform the essence of the principle.

Keywords: freedom of labor, employment contract, employee consent, change of employment contract terms, principle of universality of labor, transfer to another job.

Аннотация. В статье выявлены закономерности трансформации принципа свободы труда при изменении трудового договора в российском праве. Показано, что свобода труда в данной сфере носит динамический характер и реализуется через систему юридических механизмов, отражающих баланс интересов работника, работодателя и общества. На основе анализа советского и постсоветского законодательства установлено, что первоначально свобода труда функционировала как производное допущение внутри модели всеобщей обязанности трудиться и последовательно ограничивалась в интересах планового хозяйства и производственной дисциплины. Установлено, что современная модель свободы труда выражается не в абсолютной стабильности условий договора, а в праве работника на осознанное согласие либо отказ от продолжения работы при их изменении. Сформулирован вывод о компромиссном характере свободы труда и свободы трудового договора, которые допускают нормативно обусловленные ограничения, не устраняющие, а трансформирующие содержание принципа.

Ключевые слова: свобода труда, трудовой договор, согласие работника, изменение условий трудового договора, принцип всеобщности труда, перевод на другую работу.

Свобода труда традиционно рассматривается как базовое начало трудового права, обеспечивающее автономию личности в выборе вида деятельности, формы занятости и условий участия в трудовых отношениях. Свобода проявляется не только на стадии заключения трудового договора, но и в процессе его динамики, прежде всего при изменении согласованных условий труда. Именно в этой плоскости свобода труда приобретает сложный, многослойный характер, затрагивающий вопросы реального баланса интересов работника и работодателя.

Эволюция свободы труда при изменении трудового договора отражает трансформацию самого трудового права — от жёсткого централизованного регулирования, минимизирующего автономию воли сторон, к модели, допускающей дифференциацию условий труда и расширение договорных начал. Изменение трудового договора становится своеобразным индикатором того, в какой мере свобода труда сохраняет своё содержание

в условиях организационной зависимости работника и управленческих полномочий работодателя.

В условиях нерыночной экономики действовал принцип всеобщности труда, заключающийся в обязанности каждого гражданина работать, что закреплялось в ст. 12 Конституции СССР 1936 г.: «Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест» [1]. Данный принцип не означал существование всеобщей трудовой повинности как формы принудительного привлечения к труду, которая существовала в период военного коммунизма и действия Кодекса законов о труде РСФСР 1918 года [2], однако, предполагал нормативное закрепление социальной обязанности трудиться. Труд рассматривался как необходимое условие участия лица в системе общественных благ и социального признания. В этой связи обязанность трудиться должна была иметь не карательный, а социально-организующий характер, обеспечивая функционирование плановой экономики

и реализацию принципа социальной справедливости в его тогдашнем понимании.

Именно в рамках такой модели формировалось представление о свободе труда. Так, по мнению Н.Г. Александрова, свобода труда находила некоторое своё отражение в свободе трудового договора, заключавшейся, в «строгой добровольности поступления на работу, свободе перехода на другую работу и свободу оставления работы по желанию рабочего или служащего», не исключая при этом, «возможности применения мер административного принуждения к тем отдельным лицам, которые, уклоняясь от общественно полезного труда... занимаются запрещённой предпринимательской деятельностью...» [3, С. 59]. На наш взгляд, теперь можно сказать, что такой подход демонстрировал внутреннюю противоречивость советской доктрины труда, в которой элементы свободы труда существовали не как самостоятельная конституционная ценность, а как производное допущение внутри императивной модели социальной обязанности трудиться. Позиция, сформулированная учёным, фактически отражала попытку доктринального примирения публично-правовой обязанности трудиться с частноправовыми началами регулирования трудовых отношений.

По Кодексу законов о труде РСФСР 1922 г. [4] изменение рода работы рассматривалось как затрагивающее основное содержание договорённости между сторонами, в связи с чем статьи 36 и 37 связывали допустимость такого изменения с обязательным согласием работника. Вместе с тем последующее развитие законодательства привело к пересмотру данного подхода. В 1931 году Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР [5] в кодекс была введена специальная норма (ст. 37.1), закрепившая возможность перевода работника на иную работу по мотивам производственной необходимости без получения его согласия. Таким образом, свобода трудового договора могла быть ограничена в интересах хозяйственного строительства.

Кодекс законов о труде РСФСР 1971 г. (далее — КЗоТ 1971 г.) [6] закреплял модель свободы труда, соответствующую условиям развитого социалистического общества, не отходя, однако, от концепции принципа всеобщности труда. «...В условиях социализма свобода труда выражается прежде всего во всеобщности труда, в признании последнего существенным элементом человеческой деятельности... в полной занятости, самодисциплине...», — отмечали А.И. Ставцева и О.С. Хохрякова [7, С. 7]. «Свобода труда заключается прежде всего в том, что каждый выбирает себе работу, отвечающую его возможностям, интересам и стремлениям... На свободе труда базируется... основной принцип социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду... Свобода труда получает правовое опосредование в трудовом договоре», — писал Р.З. Лившиц [8, С. 25].

Некоторое противоречие было замечено в науке. Так, Л.Ю. Бугров считал, что трудовой договор, «будучи ранее прогрессивным в противопоставлении принудительным формам привлечения к труду по КЗоТ 1918 г., ...стал противодействием свободе труда», поскольку являлся «единственной юридической формой реализации рабочими и служащими права на труд» [9, С. 92]. Данное наблюдение позволяет выявить принципиальную трансформацию функционального назначения трудового договора в советской системе правового регулирования труда. Если на первоначальном этапе становления трудовой договор действительно выступал правовым инструментом преодоления принуждения к труду и закреплял элемент договорной свободы в условиях новой экономической политики, то в последующем он утратил эту роль и был включён в механизм обязательного вовлечения граждан в сферу наёмного труда. В результате можно констатировать, что договорная форма перестала служить абсолютной гарантией свободы труда и стала юридическим фильтром доступа к реализации права на труд.

Перевод на другую работу был более детально регламентирован и системно связан с понятием трудовой функции. Общее правило о недопустимости перевода без согласия работника сохранялось, но сопровождалось развернутым перечнем исключений, позволяющих работодателю переводить работника, что было закреплено в статьях 26 и 27 КЗоТ 1971 г. Это отражало приоритет интересов социалистического производства над индивидуальной автономией работника. Свобода трудового договора в данном случае понималась не как свобода усмотрения, а как гарантированная включённость работника в коллективный трудовой процесс, в рамках которого допустимы перераспределение рабочей силы и изменение трудовой функции.

Статья 135 КЗоТ 1971 г. в первоначальной редакции устанавливала перевод на нижеоплачиваемую работу в качестве меры дисциплинарного взыскания. Такое решение законодателя имело двойственный эффект. С одной стороны, формальное включение перевода в систему дисциплинарных взысканий усиливало правовую определённость и ограничивало усмотрение администрации: такой перевод допускался не произвольно, а лишь как реакция на виновное поведение работника и в рамках дисциплинарной процедуры. С другой стороны, сама возможность понижения в оплате труда и трудовой функции в качестве наказания означала прямое и сознательное отступление от принципа свободы трудового договора внутри трудового правоотношения. Добровольность труда здесь уступала место задаче поддержания дисциплины и управляемости трудового коллектива.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 05 февраля 1988 г. «О внесении изменений и допол-

нений в Кодекс законов о труде РСФСР» [10] в 25-ю статью кодекса были внесены поправки, которые повлекли значительные перемены в регулировании изменения условий труда по инициативе работодателя и во многом предвосхитили ту модель, которая впоследствии была воспроизведена в постсоветском трудовом законодательстве. Эти изменения в законодательстве были обусловлены переходом к хозяйственной самостоятельности предприятий и ослаблением централизованного планирования, что потребовало расширения управленческой автономии работодателя. Поправки ввели качественно иной механизм изменения договора — теперь допускалась возможность изменения существенных условий труда по инициативе администрации «в связи с изменениями в организации производства и труда» [10]. Тем самым законодательно было установлено, что сохранение прежних условий труда не является безусловной гарантией и может быть поставлено в зависимость от экономического состояния и структуры предприятия, так как интересы работодателя по закону тоже защищаются, как и интересы работника (ст. 1 кодекса): рыночная экономика диктует свои правила, да и результативная работа собственников организаций совсем не безразлична государству. Свобода трудового договора в этой модели трансформировалась: она больше не обеспечивалась через стабильность условий, а реализовывалась через право работника выразить согласие либо отказаться от продолжения работы в изменённых условиях, и тогда это влекло за собой прекращение трудового договора (п. 6 ч. 1 ст. 29 КЗоТ 1971 г.).

Законодательное установление принципа свободы труда в российском праве произошло с принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина, двадцать третья статья которой провозгласила право каждого «на труд, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается, а также право распоряжаться своими способностями к труду и выбирать профессию и род занятий» [11]. Данные установления были внесены и в статью 53 Основного закона РСФСР [12] — законом РФ от 21.04.1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» [13]. Однако непосредственно свобода труда путём прямого провозглашения была установлена в статье 37 Конституции Российской Федерации [14].

Переход к рыночным отношениям ознаменовал провозглашение права свободного распоряжения своими способностями к труду не только в собственно трудовой, но и в иной, незапрещённой экономической деятельности, а также возможности вовсе не трудиться. Это был качественный сдвиг в правовой парадигме. Труд перестал рассматриваться как обязанность перед государством и был определён, как сфера реализации личной свободы, экономической инициативы и профессионального

самоопределения всех субъектов. В этой связи свобода трудового договора получила самостоятельное значение как правовой механизм, обеспечивающий реальность свободы труда, а не её декларативность.

Важным шагом в укреплении принципа свободы труда стало принятие Закона РФ от 25 сентября 1992 года № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» [15], которым было устранено отнесение перевода на нижеоплачиваемую работу либо назначения на нижестоящую должность к мерам дисциплинарной ответственности.

Законодательное признание свободы труда в статье 2 Трудового кодекса РФ [16] не исчерпывает содержания данного принципа. Он представляет собой не абстрактную правовую установку, а систему взаимосвязанных юридических средств, посредством которых обеспечивается возможность свободного осуществления трудовой деятельности. Указанный принцип обеспечивает возможность реального выбора профессиональной деятельности и условий её осуществления. Практическое наполнение свободы труда проявляется в регламентации круга трудовых и связанных с ними отношений, закреплённых в части 2 статьи 1 ТК РФ. Как отмечал Ю.П. Орловский, основополагающий принцип свободы труда «реализуется в различных правовых нормах: начиная с возникновения трудового отношения и кончая его прекращением» [17, С. 19].

Таким образом, принцип свободы труда — это сложно устроенный механизм, подкреплённый системой взаимных обязательств.

Определение правовой природы, объёма и функционального значения принципа свободы труда продолжает оставаться предметом острых научных дискуссий в трудовом праве [18, С. 128–131, 19, С. 94–107, 20, С. 28–41].

По мнению С.П. Маврина, принцип свободы труда «адресуется фактически только работникам и не относится в полной мере к работодателю, который в силу социальной функции трудового права ограничивается в своих правах «хозяина» труда работника» [21, С. 25]. Это значит, что принцип свободы труда ориентируется преимущественно на правовую автономию работника. Его содержание проявляется через юридически значимые действия работника, сопровождающие все стадии существования трудового договора. Речь идёт не о формальном наборе прав, а о способности влиять на параметры трудового договора на всём протяжении его существования, включая момент его возникновения, трансформацию договорных условий с его согласия и завершение трудовых отношений по воле и желанию работника. Тем самым свобода труда выступает не только принципом трудового права, но и системообразую-

щим фактором, определяющим пределы допустимого вмешательства работодателя в содержание и динамику трудового правоотношения.

Принципиально важно разграничивать «желание» и «согласие» работника. В вопросе изменения трудового договора согласие всегда выражается как ответ на инициативу работодателя, оформленную в виде предложения об изменении условий труда. Желание же может существовать автономно и не находить отклика со стороны работодателя. Это разграничение имеет существенное значение для оценки правомерности изменения трудового договора: правовое значение приобретает именно согласие, выраженное в установленной законом форме, а не субъективное стремление работника.

Таким образом, изменение трудового договора в рамках действия принципа свободы труда должно подчиняться тем же правилам, что и заключение — с согласия работника — это общее правило, которое и презюмируется в ст. 72 ТК РФ и которому подчиняется порядок перевода на другую работу.

Однако действующее трудовое законодательство предусматривает и отступления от принципа свободы труда, что свидетельствует о его относительном, а не абсолютном характере. Так, статья 74 Трудового кодекса РФ допускает изменение определённых сторонами условий трудового договора по инициативе работодателя без согласия работника при наличии организационных или технологических изменений условий труда. В этом случае воля работника подменяется императивным нормативным регулированием, а свобода труда ограничивается необходимостью сохранения стабильности хозяйственной деятельности работодателя. Свобода труда здесь не устраняется, а трансформируется: она сохраняется в виде права на согласие либо на осознанный отказ работника от работы в новых условиях.

Ограничение свободы прослеживается и в нормах о временном переводе без согласия работника в экстраординарных случаях (ст. 72.2 ТК РФ). Здесь наблюдается прямая связь с принципом запрета принудительного труда. Указанная статья соотносится с положениями Конвенции МОТ № 29 «Относительно принудительного или обязательного труда», которая не относит к принудительному труду, в частности, «всякую работу или службу, требуемую в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть в случаях войны или бедствия или угрозы бедствия, как-то: пожары, наводнения, голод, землетрясения, сильные эпидемии или эпизоотии, нашествия вредных животных, насекомых или паразитов растений и вообще обстоятельства, ставящие под угрозу или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения» [22]. Свобода труда

не отрицается, но подвергается функциональному сужению, обусловленному необходимостью предотвращения более значительного вреда. Ограничение свободы труда по международно-правовому стандарту исходит из приоритета защиты общественных интересов в условиях чрезвычайных ситуаций. Отказ от такого перевода признается нарушением трудовой дисциплины, вследствие чего к работнику могут быть применены меры дисциплинарного воздействия [23].

Отстранение от работы (ст. 76 ТК РФ) занимает особое место в системе правовых средств воздействия на трудовые отношения. Отстранение не предполагает модификации содержания трудовой функции и не прекращает трудовое правоотношение, однако временно блокирует его фактическое осуществление.

Статья 76 ТК РФ исходит из презумпции приоритета охраняемых публичных и частных интересов — жизни и здоровья работников и третьих лиц, безопасности производства. Основания отстранения носят закрытый характер и не зависят от усмотрения работодателя. С позиции свободы труда отстранение представляет собой вынужденное и строго ограниченное по целям вмешательство в реализацию права на труд. При этом правовая природа отстранения заключается в его превентивном характере, поскольку оно направлено на предотвращение возможного вреда. Само по себе отстранение не опровергает свободу труда как базовый принцип трудового права, а, напротив, демонстрирует механизм её соразмерного ограничения в целях защиты более значимых общественных ценностей.

Анализ свободы труда при изменении трудового договора свидетельствует о её сложной и неоднозначной трансформации от формально декларируемого принципа к многоуровневой правовой конструкции. Свобода труда при изменении трудового договора предстаёт не статичным принципом, а динамической категорией, эволюция которой обусловлена изменением социально-экономических условий, модели регулирования труда и представлений о социальной функции трудового права.

Принцип свободы труда и производная от него свобода трудового договора в российском трудовом праве носят компромиссный характер. С одной стороны, они выступают фундаментальной гарантией автономии работника, с другой — систематически корректируются законодателем в целях защиты публичных и социально значимых интересов. Нарушение свободы договора в контексте изменения его условий не является дефектом правового регулирования, а представляет собой осознанный инструмент балансирования интересов работника, работодателя и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
2. Кодекс законов о труде (принят ВЦИК) (вместе с «Правилами о порядке установления нетрудоспособности», «Правилами о выдаче пособий трудящимся во время их болезни», «Правилами о безработных и о выдаче им пособий», «Правилами о трудовых книжках», «Правилами об еженедельном отдыхе и о праздничных днях») // СУ РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.
3. Александров Н.Г. Советское трудовое право. — М., 1963. — 414 с.
4. Постановление ВЦИК от 09.11.1922 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1922 г.» (вместе с «Кодексом Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
5. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.09.1931 «Об изменении законодательства РСФСР в связи с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 3 июня 1931 года «О некоторых изменениях трудового законодательства» // СУ РСФСР. 1931. № 56. Ст. 415.
6. Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) // Ведомости ВС РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.
7. Ставцева А.И., Хохрякова О.С. Трудовой договор. — М., 1983. — 176 с.
8. Лившиц Р.З. Трудовое законодательство: настоящее и будущее. — М., 1989. — 192 с.
9. Бугров Л.Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. — Пермь, 1992. — 236 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 05 февраля 1988 г. «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 6. Ст. 168.
11. Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
12. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
13. Закон РФ от 21.04.1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики // Российская газета. 1992. 16 мая.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, 06 декабря 2022.
15. Закон РФ от 25 сентября 1992 года № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992 г. № 41. Ст. 2254.
16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
17. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Ю.П. Орловский. 6-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт; Инфра — М., 2014. — 1680 с.
18. Мазуренко С.В. «О природе принципов российского трудового права» // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. — 2019. — № 7 (175). — С. 128–131.
19. Ахметьянов Д.В. Понимание свободы труда в советской и российской науке трудового права // Российский юридический журнал. 2022. — № 1. — С. 94–107.
20. Сагандыков М.С. Конституционная аксиология свободы труда // Журнал российского права. — 2024. — № 2. — С. 28–41.
21. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / [Головина С.Ю. и др.]; отв. ред.: А.М. Куренной, С.П. Маврин, Е.Б. Хохлов. — 3-е изд., доп. — М., 2015. — 848 с.
22. Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда» (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Ведомости ВС СССР. 2 июля 1956 г. № 13. Ст. 279.
23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 2 от 17 марта 2004 года. П. 19 // Российская газета. 08.04.2004. № 72.

© Курочкина Анастасия Николаевна (kurochkinaan@vfmgu.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

Морозова София Юрьевна

аспирант, Институт государства и права
Российской академии наук
sofia1706@bk.ru

THE SYSTEM OF PREPARATION OF AN ADMINISTRATIVE CASE FOR TRIAL

S. Morozova

Summary. The article examines the system of preparing an administrative case for trial as a holistic procedural institution. It is argued that preparation is a mandatory stage, rather than an independent stage of the process, and includes four interrelated elements: the actions of the court, the parties to the case, the persons assisting the court, and other persons at the court's request. Systemic problems are identified: the normative incompleteness of Article 132 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the confusion of the stages of initiating proceedings and preparation, and the lack of recording of sole (camera) preparation. The need to establish an exhaustive list of preparation tasks and introduce a mandatory protocol for in-camera preparation is substantiated to ensure transparency and quality of justice.

Keywords: administrative proceedings, preparation of a case for trial, preparation stage, systematic approach, in-house preparation, preliminary court session, procedural boundaries, protocol, active role of the court, Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation.

Аннотация. В статье исследуется система подготовки административного дела к судебному разбирательству как целостный процессуальный институт. Обосновывается, что подготовка представляет собой обязательный этап, а не самостоятельную стадию процесса, и включает четыре взаимосвязанных элемента: действия суда, лиц, участвующих в деле, лиц, содействующих правосудию, и иных лиц по запросу суда. Выявляются системные проблемы: нормативная неполнота статьи 132 КАС РФ, смешение этапов возбуждения производства и подготовки, отсутствие протоколирования единоличной (камеральной) подготовки. Обосновывается необходимость закрепления исчерпывающего перечня задач подготовки и введения обязательного протокола камеральной подготовки для обеспечения прозрачности и качества правосудия.

Ключевые слова: административное судопроизводство, подготовка дела к судебному разбирательству, этап подготовки, системный подход, камеральная подготовка, предварительное судебное заседание, процессуальные границы, протокол, активная роль суда, Кодекс административного судопроизводства РФ.

Подготовка административного дела к судебному разбирательству представляет собой обязательный этап административного судопроизводства, призванный обеспечить не только своевременность, но и полноту, правильность рассмотрения дела при активной роли суда. Несмотря на принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году, данный институт характеризуется нормативной неполнотой: в отличие от ГПК РФ и АПК РФ, в статье 132 КАС РФ нет исчерпывающего перечня задач подготовительного этапа. Это порождает правовую неопределенность, затрудняет единообразное применение норм и снижает предсказуемость для участников процесса.

В юридической науке под системой понимается упорядоченная, логически согласованная совокупность взаимосвязанных элементов, образующих целостную структуру, в которой каждая часть выполняет определенную функцию и подчинена общей цели — эффективному регулированию общественных отношений посредством правовых норм. Применительно к процессуальному праву система представляет собой комплекс взаимодействующих институтов, процедур и действий, обеспечивающих реализацию задач судопроизводства

[1], в том числе по правильному и своевременному рассмотрению дела, что служит достижению единой цели правосудия.

Системный подход к анализу подготовки дела позволяет рассматривать данный этап не как набор разрозненных действий, а как целостный механизм, направленный на достижение конституционных целей правосудия — защиты публичных прав и интересов в разумные сроки.

Исторически подготовка дела к разбирательству не выделялась как самостоятельный этап. В дореволюционном гражданском процессе, как отмечал К.И. Малышев, слушанию дела предшествовал «обмен бумагами», носивший факультативный характер [2]. Лишь в советский период институт подготовки получил нормативное оформление: ГПК РСФСР 1964 года выделил подготовку дела в отдельную главу 14, что свидетельствовало о признании ее самостоятельной стадией гражданского процесса.

Особое значение имело Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 7 февраля 1967 г. № 35, подчеркнувшее обязательный характер подготовки дела и необходимость максимального внимания судьи к дан-

ному этапу, поскольку именно от его качества зависит правильность последующего рассмотрения спор [3]. Эта эволюция — от факультативной процедуры к обязательному этапу — отражает общую тенденцию развития российского процессуального права: стремление к повышению качества правосудия и рациональному использованию процессуальных ресурсов.

В современном административном судопроизводстве подготовительный этап призван выполнять функции, адаптированные к природе публично-правовых споров. В отличие от частноправовых конфликтов, где доминирует диспозитивность, здесь главенствует принцип состязательности при активной роли суда как гаранта объективной истины [4]. Именно на этапе подготовки закладываются основы для реализации этой роли.

Система подготовки административного дела к судебному разбирательству представляет собой многоуровневую структуру, включающую в себя четыре взаимосвязанных составляющие: действия суда, действия лиц, участвующих в деле, действия лиц, содействующих осуществлению правосудия, а также действия иных лиц, обязанных по запросу суда предоставить документы или сведения.

Действия судьи регламентированы главой 13 КАС РФ и условно делятся на четыре группы. Первая группа включает взаимодействие с участниками процесса: разъяснение прав и обязанностей, предложение представить дополнительные доказательства, направление запросов, привлечение третьих лиц, назначение экспертов и специалистов. Вторую группу составляют процессуальные действия, направленные на выявление и уточнение обстоятельств, имеющих юридическое значение для разрешения дела: определение предмета доказывания и распределение бремени доказывания, оценка достаточности доказательств, назначение экспертизы по собственной инициативе судьи, требование предоставления доказательств. Третья группа включает организационные действия: определение сроков для проведения процессуальных действий, решение о целесообразности назначения предварительного судебного заседания. Четвертая группа завершает этап, связанный с определением рассмотрения дела в суде или принятием решений о приостановлении либо прекращении производства.

Как справедливо отмечал А.Ф. Клейнман, подготовка дела представляет собой самостоятельный процессуальный институт, призванный обеспечить ускорение рассмотрения вопросов, экономию процессуальных ресурсов и повышение качества правосудия [5]. Эта позиция особенно значима для административного судопроизводства, где суд выступает не пассивным арбитром, а активным участником рассмотрения дела.

Стороны активно участвуют в подготовке административного дела к судебному разбирательству, совершая ряд процессуальных действий, связанных с формированием сути спора, доказательственной базы и круга лиц, участвующих в рассмотрении дела [6]. Административный истец является активной стороной в процессе, поскольку именно по его волеизъявлению инициируется рассмотрение административного дела [7]. Административный ответчик представляет возражения, излагает позицию по существу спора и представляет доказательства законности своих действий. При этом основная тяжесть бремени доказывания возлагается на ответчика как орган публичной власти, обладающий всеми материалами, подтверждающими законность оспариваемого акта. Такое распределение отражает специфику административного судопроизводства, где суд стремится к установлению объективной истины.

К числу лиц, содействующих осуществлению правосудия, относятся эксперт, специалист, свидетель, переводчик, помощник судьи. Помощник судьи оказывает содействие в решении организационно-процессуальных задач: подготовке проектов определений и запросов, взаимодействии с участниками процесса, направлении копий документов. Его деятельность способствует качественному процессу подготовки [8].

По каждому административному делу обязательно осуществляется подготовка к судебному разбирательству. В качестве самостоятельного этапа подготовительные действия выделяются только в суде первой инстанции — именно здесь закладывается процессуальный фундамент всего судебного разбирательства, определяющий ход рассмотрения дела в последующих инстанциях.

Этап подготовки имеет четкие процессуальные границы. Его начало оформляется определением суда, выносимым после принятия административного искового заявления к производству (ст. 133 КАС РФ). В этом документе конкретизируется перечень необходимых действий и устанавливаются сроки для их выполнения. Этап завершается вынесением определения о назначении дела к судебному разбирательству либо о приостановлении или прекращении производства. Выполнение подготовительных действий до начала этапа подготовки, пока состав участников процесса не определен окончательно и стороны не обладают полной информацией о необходимых процессуальных шагах, нарушает установленный порядок и может стать причиной для отмены судебных актов.

Некачественная подготовка приводит к вынужденному выполнению подготовительных функций уже в ходе рассмотрения дела: многочисленным переносам заседаний, вынесению определений о представлении

дополнительных доказательств, назначении экспертиз. Это не только замедляет движение дела, но и подрывает принцип разумности сроков судопроизводства. Как отмечал П.В. Логинов, незаконность и необоснованность отменяемых вышестоящими судами решений, как правило, является следствием плохой подготовки дел к слушанию [9].

В практике все чаще наблюдается смешение этапов возбуждения производства по делу и подготовки к судебному разбирательству. Еще до принятия административного искового заявления к производству, суды, совершая подготовительные действия, требуют от заявителя представить доказательства. Между тем этап возбуждения производства не предполагает проверки доказательственной базы — его цель ограничивается установлением формальных признаков, необходимых для принятия заявления к производству (ст. 127 КАС РФ).

Когда суд требует от истца представить доказательства (например, копии документов, подтверждающих факт нарушения права), а истец не может этого сделать объективно (документы находятся у ответчика или в государственном органе), заявление впоследствии возвращается как «неисправленное». Истец оказывается в безвыходном положении: он не может устранить «недостаток», который на самом деле таковым не является, поскольку обязанность по сбору доказательств и возможность заявить ходатайство об их истребовании возникают только на этапе подготовки после принятия заявления к производству.

Именно на этапе подготовки суд выясняет, имеет ли заявитель реальную возможность представить доказательства, рассматривает ходатайства об истребовании недостающих материалов и при необходимости оказывает содействие в их получении. Такой подход соответствует принципу равенства участников и специфике административного судопроизводства, где доказательства часто сосредоточены у государственных органов. На этапе возбуждения производства подобные действия нарушают логику процессуального регулирования и превращают формальную проверку в предварительное рассмотрение дела по существу.

Смешение этапов ведет к необоснованному затягиванию процесса, ограничению доступа к правосудию и повышению риска вынесения незаконных судебных актов [10]. Устранение этой проблемы требует разъяснений со стороны высших судебных инстанций и строгого соблюдения судами установленных процессуальных границ.

Научно обоснованной является позиция о существовании двух форм подготовки: совместной (как взаимодействие суда и участников процесса) и единоличной (камеральной) — как самостоятельная деятельность

судьи в упрощенных и бесспорных производствах. Как отмечает Е.В. Михайлова, сущность подготовительного этапа определяется не внешними формами его реализации (проведение заседания, вызов сторон), а функциональным назначением — обеспечением соблюдения требований закона в будущем решении суда [11]. Такое разделение особенно актуально в контексте развития упрощенных форм производства, где проведение предварительного судебного заседания может быть излишним, однако обязательная проверка судьей достаточности доказательств, законности требований и состава участников процесса сохраняет подготовку как неотъемлемый элемент стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции.

Предварительное судебное заседание, как правило, выступает завершающим элементом подготовки, однако закон допускает проведение нескольких предварительных заседаний или их отложение при необходимости истребования дополнительных документов, привлечения новых участников процесса или назначения экспертизы. Вопрос о проведении предварительного заседания оставлен на усмотрение суда с учетом сложности дела и объема представленных материалов.

Вне зависимости от формы подготовки все выполненные процессуальные действия подлежат обязательному документированию. Протокол предварительного судебного заседания фиксирует ход совместной подготовки и распорядительные действия суда. Однако единоличная (камеральная) подготовка, осуществляемая судьей без участия сторон в упрощенных формах производства, остается непроотоколированной, что создает системные риски для качества правосудия. Отсутствие фиксации подготовительных действий лишает судью инструмента процессуального самоконтроля, исключает возможность объективной проверки полноты и законности подготовки в апелляционной и кассационной инстанциях, а также нарушает принцип процессуальной прозрачности как элемента конституционной гарантии справедливого судебного разбирательства. В условиях, когда именно на этапе камеральной подготовки судья самостоятельно оценивает достаточность доказательств, устанавливает круг участников процесса и решает вопрос о возможности вынесения судебного акта без проведения заседания, отсутствие протокола делает невозможным установление того, были ли исчерпаны все процессуальные возможности для обеспечения всестороннего и объективного рассмотрения дела. Введение обязательного протокола единоличной подготовки, в котором судья фиксирует изученные материалы, направленные запросы, выявленные обстоятельства и принятые процессуальные решения, станет условием реализации принципа гласности правосудия даже в упрощенных формах производства и обеспечит эффективный контроль за соблюдением процессуаль-

ных гарантий на всех этапах административного судопроизводства.

Для устранения выявленных недостатков необходимо:

Закрепить в статье 132 КАС РФ четкий перечень задач подготовки, аналогичный положениям гражданского и арбитражного процессуального законодательства: уточнение обстоятельств дела, определение применимого закона, установление состава участников, формирование доказательственной базы.

Ввести обязательный протокол единоличной (камеральной) подготовки, в котором судья фиксирует все совершенные действия: изученные материалы, направленные запросы, установленные обстоятельства. Это обеспечит прозрачность, проверяемость и повысит качество правосудия даже в упрощенных формах производства.

Разъяснить высшими судебными инстанциями недопустимость требования доказательств от заявителя на этапе возбуждения производства по делу.

Только при реализации этих мер подготовка административного дела станет действенным инструментом обеспечения своевременного, полного и правильного рассмотрения дела, которое соответствует цели правосудия — защите публичных прав и интересов в условиях верховенства закона. Подготовка административного дела должна рассматриваться не как формальная процедура, а как самостоятельный, обязательный и содержательно насыщенный этап, имеющий четкие процессуальные границы, цели и задачи. Ее эффективность напрямую зависит от четкого разграничения этапов процесса, строгого соблюдения процессуальных границ, обязательного протоколирования совершенных действий и надлежащего исполнения судом его активной роли. Только при таком подходе можно обеспечить высокое качество правосудия и укрепить доверие граждан к судебной системе как к гаранту защиты их конституционных прав в сфере публично-правовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория процессуального права // Е.Г. Лукьянова. — Москва: НОРМА, 2003
2. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства: в 3 т. Т. 1. — СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1874. — 450 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 1967 года №35 (ред. от 6 февраля 2007 года) «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения».
4. Опалев Р.О. «Понятие публично-правового спора и его значение для толкования и совершенствования законодательства об административном судопроизводстве» // «Журнал административного судопроизводства», 2022 № 2, стр. 5–8
5. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. — М.: Издательство Московского университета, 1954.
6. Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению Юриспруденция (специалист, бакалавр, магистр) под ред. В.В. Яркова
7. Административное судопроизводство (общие положения): учеб. пособие / Ю.А. Широкопояс, Е.Г. Томбулова. — Краснодар: КубГАУ, 2018
8. Сорокопуд А.В. Правовое положение помощника судьи в гражданском и арбитражном судопроизводстве
9. Логинов П.В. Предварительная подготовка гражданских дел. М., Госюриздат, 1960
10. Решетникова И.В. Концепция подготовки дела к судебному разбирательству // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: Сб. науч. статей. Краснодар-СПб., 2004
11. Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013.

© Морозова София Юрьевна (sofia1706@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

RETURN OF PROPERTY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS AND CONTEMPORARY CHALLENGES

D. Olikhov

Summary. This article provides a comprehensive analysis of the process of restitution of religious property in contemporary Russia, examining it in the context of historical continuity and current state-church relations. The historical and legal aspects of the study cover the period of large-scale nationalization and confiscation of church property during the Soviet years, which led not only to a radical change in ownership but also to profound functional deformation of the properties, many of which were adapted for educational, healthcare, and cultural purposes. The author identifies key challenges arising in the implementation of church property restitution and proposes specific mechanisms for minimizing risks. The conclusion substantiates the conclusion that successful restitution is only possible with a systemic balance of interests between the state, the Church, and society, where property return becomes a tool for restoring historical justice without compromising the social and scientific functions of the properties.

Keywords: restitution, Russian Orthodox Church, nationalization, Federal Law No. 2 327-FZ, cultural heritage, state-church relations, property rights.

Олихов Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук, кандидат богословия,
Омская духовная семинария Омской Епархии

Русской Православной Церкви;

доцент, Омский Государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

olikhovd@inbox.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ процесса реституции имущества религиозного назначения в современной России, рассматриваемого в контексте исторической преемственности и актуальных государственно-церковных отношений. Историко-правовой аспект исследования охватывает период масштабной национализации и конфискации церковной собственности в советские годы, что придало не только радикальной смене собственника, но и к глубокой функциональной деформации объектов, многие из которых были адаптированы под нужды образования, здравоохранения и культуры. Автор выявляет ключевые вызовы, возникающие при реализации реституции церковного имущества и предлагает конкретные механизмы минимизации рисков. В заключении обосновывается вывод о том, что успешная реституция возможна лишь при условии системного баланса интересов государства, Церкви и общества, где возвращение собственности становится инструментом восстановления исторической справедливости без ущерба для социальных и научных функций объектов.

Ключевые слова: реституция, Русская Православная Церковь, национализация, Федеральный закон N 327-ФЗ, культурное наследие, государственно-церковные отношения, право собственности.

В России на протяжении веков Русская Православная церковь (далее Церковь/ РПЦ) оказывала идеологическую поддержку государству. Однако с падением самодержавия и приходом к власти большевиков это положение кардинально изменилось. С Декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. принимается «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [1] была отменена церковная собственность (п. 12 Декрета).

Как отмечает М.И. Одинцов, в дальнейшем на практике большевики перешли к борьбе за «атеистическое государство» [2, С. 162]. Церковь была лишена правосубъектности, что было сопряжено с отобранием у нее собственности. И как результат, Церковь, по сути, была поставлена в нелегальное положение [3, С. 36–40]. Однако в условиях гонения священнослужителей, а также повсеместного закрытия храмов (особенно это проявлялось в 1920–1930 гг.), Церковь проявила свое трепетное

отношение к сакральному имуществу, что способствовало его сохранности. Кроме того, вне зависимости от таких условий, Церковь не отказалась от своего служения народу. Это особенно проявилось с началом Великой Отечественной войны, что дало толчок глубокому изменению отношения между государством и РПЦ.

В начале войны митрополит Сергей, возглавлявший РПЦ, обратился к верующим с патриотическим посланием, призвав их встать на защиту Родины. Этот призыв стал сигналом к объединению народа перед лицом угрозы, а всплеск патриотизма, побудил власть скорректировать политику в отношении религии. Руководство страны осознало, что РПЦ может сыграть важную роль в консолидации общества для борьбы с врагом. Антирелигиозная пропаганда практически прекратилась: перестали выходить издания «Безбожник» и «Антирелигиозник».

Уже в марте 1942 года в Ульяновске прошел Собор РПЦ, ставший первым мероприятием за многие годы. На нем обсудили вопросы поддержки армии и народа в условиях войны, а также организацию церковной жизни. Многие священники по особому благословлению участвовали в боевых действиях, вступая в ряды Красной Армии и в партизанские отряды. Сотни из них были расстреляны немцами за помощь партизанам или за чтение в храмах патриотических воззваний митрополита Сергия. В этот период РПЦ начала восприниматься как сила, которая способствовала победе над фашизмом. Это заложило основу для более мирного сосуществования церкви и государства в послевоенный период, что изменило отношение общества и властей к Церкви, а это в свою очередь, сыграло ключевую роль в дальнейшем развитии законодательства и практики, уже в 90-е годы XX века, касающиеся религиозных объединений. Тем не менее в рассматриваемый период отношения оставались непростыми: государство сохраняло жесткий контроль над Церковью, а антирелигиозные настроения в обществе полностью не исчезли.

Тем не менее в послевоенные годы, начало происходит частичное восстановление религиозной жизни. Этот процесс продолжился в период хрущевской «оттепели», когда был создан Совет по делам религии при Совете Министров СССР [4]. Его политика по-прежнему носила сдерживающий характер [51, С. 34–37], но уже характеризовалась ослаблением контроля над религией.

Напротив, в брежневский период известный как «застой», признаваемый как время некоей стабильности и даже некоего потепления в государственно-церковных отношениях, демонстрировалась более сдержанная политика в данной сфере. Так Конституция СССР 1977 года [6], гарантирующая свободу совести (ст. 52), не изменила курс партии КПСС в отношении вероисповедования, вытесняя данный аспект из общественной жизни.

При этом в это время, с одной, стороны уже преследовалась антирелигиозная общественная пропаганда, а с другой — уделялось значительное внимание борьбе с религиозным воспитанием детей.

Только с окончанием брежневских времен наметились тенденции к возрождению церковной жизни. Смягчилась политика в отношении церковной жизни, были отменены некоторые ограничения. Церковь получила возможность активнее участвовать в общественной жизни. Эти изменения не были легкими и не изменили ситуации коренным образом, но они являлись значимым шагом к восстановлению религиозной свободы в СССР. После снятия так называемых «партийных установок» государственно-церковные отношения приобрели новое позитивное звучание.

В период перестройки в Советском Союзе начался процесс формирования нового законодательства, касающегося религиозных организаций. Важным этапом в этом процессе стало принятие в 1990 году Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (далее Закон N267-1) [7].

Названный закон не только определил принципы свободы вероисповедания, а также права религиозных объединений, в том числе их право на собственность (теперь Церковь имела право иметь в собственности движимое и недвижимое имущество), но и в его преамбуле закреплена особая роль православия в истории России, которое становится, как и прежде в истории, традиционной религией, одной из основных. Думается, что это связано с тем, что до прихода к власти большевиков, с момента принятия христианства на Руси, получив в дальнейшем свое развитие, роль Церкви в решении социальных проблем в государстве была значимой, она участвовала в благотворительной, просветительной и медицинской деятельности, она способствовала сохранению и распространению традиций, поэтому влияние Церкви на формирование на уровень национального самосознания и общественной культуры был не оспорим. Поэтому с принятием Закона N 267-1, начался процесс нормализации отношений между государством и РПЦ, что было сопряжено с возвратом (реституцией) церковного имущества, что стало необходимым шагом государства для восстановления исторической справедливости.

Следующим шагом в развитии государственно-церковных отношений стал Закон N 327-ФЗ [8] принятый в 2010 году (действующий и в настоящее время), которым был нормативно закреплён порядок передачи имущества религиозного назначения. Как указывает О.А. Чернега, с этого момента РПЦ была передана значительная часть имущества религиозного назначения. Данное обстоятельство позволяет говорить о нормализации отношений между государством и религиозными объединениями [9, С.4].

Таким образом, процесс формирования нового законодательства о религиозных организациях в России в конце XX века стал важным этапом в истории страны, который не только изменил правовой статус религиозных объединений, но и способствовал возрождению религиозной жизни и культурного наследия, а также укреплению позиции традиционных религий в обществе [10, С. 18-24; 11, С.21].

Однако реализация Закона N 327-ФЗ сталкивается с современными вызовами, связанные с возвращением собственности РПЦ, которые обусловлены правовыми коллизиями, социальным резонансом и необходимостью сохранения культурного наследия.

Прежде всего, процесс возвращения церковного имущества характеризуется выраженными правовыми коллизиями, связанными с изменением функционального назначения объектов за советский период. Основные сложности возникают при деадаптации зданий, занятых учреждениями образования, здравоохранения и культуры.

Для решения проблемы относительно зданий, подлежащих реституции в пользу РПЦ, но занятых социально значимыми учреждениями, предлагаются следующие механизмы:

1. Синхронизация программ выселения и строительства, при которой передача объекта Церкви должна быть юридически обусловлена предварительным вводом в эксплуатацию нового здания, например, для школы, больницы или архива. Это минимизирует социальные риски.
2. Законодатель также может предусмотреть договоры совместного использования, в случаях, когда немедленное перемещение учреждения невозможно. Здесь возможно применить модель «сосуществования», при которой богослужения проводятся в части помещений при сохранении административного или учебного функционала остального здания. Но при этом в городском плане на основании государственной и/или муниципальной программы, следует предусмотреть введение определенного объекта строительства для социальных нужд, соответствующего учреждения, которое подлежит выселению в связи с проведением реституционной программы.

Кроме того, современные вызовы реституции церковного имущества связано с экономическим вызовом.

Остается диспропорция между объемом передаваемого церковного имущества, часто находящегося в аварийном состоянии, и ограниченными возможностями государственного бюджета и частными пожертвованиями, что диктует необходимость не только восстановления таких объектов, но и конструктивных решений при распределении средств. Поэтому Церковь сталкивается с вызовом поиска огромных средств на восстановление и эксплуатацию объектов, что не всегда возможно за счет одних лишь пожертвований.

Решение проблемы экономического бремени, связанного с реставрацией и последующим содержанием возвращаемых объектов, требует перехода от модели стихийного финансирования к системе многоканального экономического обеспечения. Здесь стоит выделить следующие возможности решения проблем:

1. Формирование целевых фондов (использование механизмов капитала пожертвований).
2. Дифференцированный подход к праву собственности, при котором экономическое бремя может быть распределено в зависимости от юридической формы владения. Так, например, при сохранении права государственной собственности, при передаче объекта в безвозмездное пользование, при котором основная нагрузка по капитальному ремонту и реставрации остается на бюджете, в то время как религиозная организация берет на себя только эксплуатационные расходы.

Подытоживая, стоит определить, что процесс реституции в России от простого возврата имущества РПЦ перешел на следующую стадию, в связи с построением системы социально-правового партнерства с учетом соблюдения баланса частного и публичного интереса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
2. «Церковь отделяется от государства»: доклады эксперта Наркомюста М.В. Галкина 1918 г. Публикацию подготовил М.И. Одинцов // Исторический архив. М., 1993. № 6. С. 162–164.
3. Коробова Е.Г. Правовой статус Русской православной церкви в первые годы советской власти // «Общество и право», 2008, № 2. С. 36–40.
4. Маслова И.И. Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Русская православная церковь / И.И. Маслова. — 2005 // Отечественная история. — 06/2005. — № 6. — с.52–64.
5. Мартынов Б.С. Деятельность совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1965–1985 гг.: «Политика сдерживания» История государства и права. 2010. 1. С. 34–37.
6. «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) «Свод законов СССР», т. 3, с. 14, 1990 г.
7. Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. N 267-1 (в ред. от 27.01.1995) «О свободе вероисповеданий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. N 21. Ст. 240.
8. Федеральный закон от 30.11.2010 N 327-ФЗ от 22.06.2024) «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // «Собрание законодательства РФ», 06. 12.2010, N 49, ст. 6423.
9. Чернега О.А. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения. Ч. 1 // Приход. 2011. N 1. С 3–5.
10. Исаева А.А. Правовые основы религиозной безопасности в информационном пространстве российского общества // Конституционное и муниципальное право. 2019. N10. С. 16–20.
11. Мирошникова Е.М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы. М., 2007. — 180 с.

© Олихов Дмитрий Владимирович (olikhovd@inbox.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СУДОУСТРОЙСТВО И ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКОВ): ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

JUDICIAL SYSTEM AND FOUNDATIONS OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE RUSSIAN EMPIRE (LATE 18TH — EARLY 19TH CENTURIES): ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

I. Uporov

Summary. This article examines the main trends in the development of criminal procedure in the Russian Empire in the late 18th — early 19th centuries (the reigns of Catherine II, Paul I, and Alexander I). The article analyzes the relevant legal acts governing this area of public relations (imperial decrees, etc.), as well as scholarly works on the topic. It is noted that criminal proceedings were determined, firstly, by the structure of the courts that heard criminal cases, and secondly, by the pre-trial (inquiry-investigation) criminal procedural activities of police agencies. In this regard, the most significant decisions in improving criminal proceedings were the adoption of the Institution for Governance of the Provinces (1775) and the Charter of Decency and Police (1782), which took the first steps toward overcoming the previous archaism in the procedure for considering criminal cases. Subsequently, a slow but progressive development of the criminal justice sphere took place on the advanced principles of that time. A certain completion of the process of formation of the corresponding state apparatus and criminal procedural norms occurred with the creation of the Ministry of Internal Affairs in the early 19th century and the subsequent systematization of criminal procedural law in Book Two, Volume 15. Code of Laws of the Russian Empire.

Keywords: judicial system, criminal procedure law, provinces, institutions, code of laws, charter of the décor, court.

Длительное время в Московском государстве и затем в Российской империи российской монархии довлел инквизиционный (розыскной) характер судопроизводства, в том числе по уголовным делам. Такой подход нашел отражение, в частности, в петровском «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» (1715 г.), где были зафиксированы четыре вида доказательств: собственное признание, письменные доказательства, свидетельские показания и присяга [1, с. 97], при этом для получения признания могла использоваться пытка [2]. В ту же эпоху Петра I стали формироваться полицейские органы, которые получали ряд уголовно-процессуальных полномочий дознавательного харак-

Уповров Иван Владимирович
д.и.н., к.ю.н., профессор, Российская академия
естествознания, г. Краснодар
uporov@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития в Российской империи конца XVIII — начала XIX вв. (время правления Екатерины II, Павла I, Александра I) института уголовного судопроизводства. Анализируются соответствующие нормативно-правовые акты, регулировавшие данную сферу общественных отношений (императорские указы и др.), а также научные труды по заявленной теме. Отмечается, что уголовное судопроизводство определялось, во-первых, устройством и деятельностью судов, которые рассматривали уголовные дела, и во-вторых, уголовно-процессуальной досудебной (дознательно-следственной) деятельностью органов полиции. В этом отношении крупнейшим решением в совершенствовании уголовного судопроизводства стало принятие Учреждений для управления губерний (1775 г.) и Устава благочиния, и полицейского (1782 г.), которые сделали первые шаги по преодолению предшествовавшего архаизма в порядке рассмотрения уголовных дел. В дальнейшем шло медленное, но поступательное развитие уголовно-судопроизводственной сферы на передовых к тому времени началах. Определенное завершение процесса складывания соответствующего госаппарата и уголовно-процессуальных норм произошло с созданием в начале XIX в. Министерства внутренних дел и последующей систематизацией уголовно-процессуального права в Книге второй т. 15. Свод законов Российской империи.

Ключевые слова: судопростройство, уголовно-процессуальное право, губернии, учреждения, свод законов, устав благочиния, суд.

тера. Но системы уголовного судопроизводства еще не складывались.

Ситуация стала заметно меняться в период правления Екатерины II, когда в духе просвещенного абсолютизма был принят ряд законов в сфере судопроизводства и уголовного процесса. При этом нужно иметь в виду, что судопроизводственные изменения являлись составной частью реформы государственного управления в целом, в которой императрица стремилась проводить ее в духе сложившихся к тому времени европейских ценностей. Так, в именном указе 1762 г. указывалось: «Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утвержде-

нию правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам преданное святым его Писание повеление ... Мы, милость и суд в пути непорочном царствовании Нашего, Богу и народу обещали» [3].

Важнейшим актом реформы государственного управления стало издание закона под названием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» в 1775 г. [4] (далее для краткости — «Учреждения»). Согласно этому закону в губернии были установлены две судебные инстанции: низшая — в уезде, высшая — в губернском городе, что должно было приблизить суд к населению. Членами судов являлись выборные представители местных обществ. Большинство судов были сословными. Однако появились и общие для сословий судебные органы — Палаты гражданского и уголовного суда в губернии. Суды в целом оставались коллегиальными учреждениями. Устанавливались следующие местные судебные органы: губернские — Палата уголовного суда, Палата гражданского суда, Верхний земский суд, Верхняя расправа, совестный суд, Губернский магистрат, Сиротский суд, городовые старосты и судьи словесного суда губернского города (все имели местом своего пребывания губернский город); уездные — Уездный суд, Нижняя расправа, Нижний земский суд, городовые старосты и судьи словесного суда уездного города, Городовой магистрат, или Ратуша, Городовой сиротский суд (их местонахождение было в уездном городе). Судьи городского и губернского магистрата избирались из мещан сроком на три года [5, с. 38]. Кроме того, в С.-Петербурге и Москве учреждались суды, территориальная подсудность которых являлась исключительной и распространялась лишь на дела обеих столиц — Верхний и Нижний надворные суды [6, с. 101]. В соответствии с сословным принципом организации суда для дворян были созданы Уездный и Верхний земские суды.

В итоге, согласно «Учреждениям», предусматривалось, что в каждой губернии создавались по две судебные инстанции (уездной и губернской) для каждого из трех сословий, то есть процесс законодательного оформления и закрепления сословного строя сопровождался созданием сословной юстиции. Третьей инстанцией для каждой категории сословных судов был губернский общесословный судебный орган — Палата уголовного и Палата гражданского суда. Вышестоящим по отношению к ним звеном инстанцией стал высший судебный орган в империи — Сенат. Помимо сословных и всесословных общих судебных органов судебная система империи была дополнена судами «особенными». К ним в первую очередь относился совестный суд, который сочетал в себе функции суда по малозначительным делам, третьей инстанции и отчасти прокуратуры [7].

При этом нужно также иметь в виду, что отрегулированное «Учреждениями» новое судоустройство опре-

деленным образом стало улучшать взаимодействие с органами, занимавшимися досудебным расследованием по совершаемым преступлениям, и которые стали функционировать после принятия спустя несколько лет Устава благочиния, или полицейского (1782 г.) [8] (далее — Устав благочиния). Этот закон имел существенное значение в регулировании административных и уголовно-процессуальных правоотношений в сфере деятельности полиции в дореформенной России, в том числе в части предварительного следствия, и справедливо оценивается как «яркий образец законотворческой деятельности» [9, с. 46]. В историко-правовой литературе этот акт детально проанализирован (в числе авторов Г.О. Бабкова, Ю.В. Сидоркин, Д.В. Орлов, С.В. Кодан, И.Ю. Поляков, Н.В. Стус, И.А. Коновалов, Б.Б. Шиманис, М.И. Сизиков, И.А. Облицов, Е.Н. Анучин, А.В. Борисов и др.).

В этом контексте недостаточно внимания уделяется тому, что и до Устава благочиния имело определенное развитие полицейского права, часть норм которого, собственно, и стали в последующем основой Устава благочиния. И здесь вновь придется обратиться к «Учреждениям», в которых система организации полиции была безусловно усовершенствована. При этом следует особо подчеркнуть, что в процессе этого усовершенствования более четко стали регулироваться не только организационно-правовые аспекты деятельности полиции, но и уголовно-процессуальные полномочия органов полиции. В частности, была создана сельская полиция («земская полиция, или благочиние»). В каждом уезде местные дворяне на своих собраниях выдвигали несколько кандидатур в «нижний земский суд», исполнявший административно-полицейские и судебные функции. Члены нижнего земского суда и их руководитель — земский исправник (или капитан-исправник) утверждались в своей должности губернатором. Так, земский исправник при совершении «насильства» осуществлял дознание (расследование), в том числе указывалось, что он «тотчас на месте о том изследывает без многого письменного производства, но единственно в ясность приводит, учинился ли такой-то случай или нет, и свидетелей допрашивает, и буде у кого что отнято, и оно налицо находится, тотчас велит возвратить, и даст о том знать уездному суду, к которому прозбу производить дозволяется тем, кои доказать могут, что земский исправник пристрастно или несправедливо поступил» [4]. В городах аналогичные функции налагались на городничего (при отсутствии такового — на коменданта города). Кроме того, за ходом следствия могли наблюдать — в рамках общего надзора — губернские прокуроры и губернские, земские и уездные стряпчие. Здесь же нельзя не отметить губернатора, имевший среди прочих и некоторые процессуальные полномочия, в частности, ему через губернское правление подчинялся нижний земский суд, состоящий из 3–4 заседателей и капитана-исправника.

В каждом уездном городе, где не было коменданта, определялся городничий. «Учреждения», однако, не предусматривали регулирования городского полицейского аппарата, и это было проблемой, учитывая новые условия городской жизни: развитие промышленности, торговли, увеличение притока оброчных крестьян в города, рост купеческого сословия, выдвигавшего свои требования и т.п. — во многом именно эти обстоятельства послужили причиной разработки и издания Устава благочиния. Помимо этого, «Учреждения» определяли компетенцию полиции, так, в ст. 224 указывалось: «Нижний земский суд долженствует, во-первых, иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок; во-вторых, чтобы предписанное законами, полезное повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было; в случае же нарушения оных, нижний земский суд, по состоянию дела, несмотря ни на какое лицо, всякого должен принудить к исполнению предписанного законом; в-третьих, нижний земский суд один в уезде право имеет приводить в действие повеления правления, решения палат верхних и уездных судов и чинить отказы» [4].

В результате реформ, проведенных на основе «Учреждений», в Российской империи укрепился государственный аппарат, которому были предоставлены возможности для более успешного выполнения административных функций, в том числе полицейских. Созданные тогда правоохранительные органы, уже с учетом Устава благочиния, в большей мере обеспечивали реализацию правоохранительных функций, прежде всего, в интересах двух привилегированных сословий — дворян и горожан [10, с. 63]. Нужно еще отметить, что в целом судебная система времен Екатерины II представляли собой компромисс между стремлением отделить суд от администрации, создать отдельный суд для каждого сословия и сделать из начальника губернии око и ухо государя, «надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни». Кроме того, судебные органы, несмотря на определенную организационную обособленность, так и не были вычленены из системы исполнительных органов, то есть, окончательно так и не были отделены от администрации и, как отмечалось, пусть не непосредственно, но все же подчинялись в своей деятельности губернаторам (суд будет отделен от администрации только в рамках судебной реформы 1864 г.).

В дальнейшем система правоохранительных органов, некоторым образом, хотя и непринципиально, изменялась. Так, с приходом к власти Павла I были осуществлены меры по сокращению числа существовавших в империи судебных инстанций путем упразднения верхних и нижних расправ. Правительство Павла I полагало, что общая судебная система России, состоявшая из четырех инстанций (нижняя расправа, верхняя расправа, палаты уголовного и гражданского суда, Пра-

вительствующий сенат) является громоздкой и многоступенчатой, в результате чего нижние суды оказались лишними, поскольку обладали незначительной компетенцией. Реформы Павла I коснулись и Сената, административные департаменты Сената были преобразованы в судебные [11, с. 294]. Вступивший на престол Александр I также привнес некоторые изменения, в основном управленческого характера. Так, при учреждении министерств в компетенцию Министерства (далее — МЮ) входило, в частности, следующие функции: принятие участия в разработке и обсуждении законопроектов, составление отзывов на проекты законов, подготовленных в других ведомствах, участие в кодификации и систематизации законодательства, издание циркулярных и частных предписаний о порядке применения законов подведомственными органами и по другим вопросам, разработка мероприятий по улучшению организации делопроизводства в Сенате и местных судебных органах [12, с. 388–390]. А Рескриптом от 5 августа 1816 г. (по аналогии с екатерининским указом) за МЮ был закреплен надзор за правосудием: «...Поручаю вам усугубить надзор, дабы дела как в Правительствующем Сенате, так и во всех подчиненных ему местах, имели успешнейшее течение, чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизменно, чтобы бедные и угнетаемые находили в Судах защиту и покровительство, чтобы правосудие не было помрачено ни пристрастиями к лицам, ни мерзким лихоимством, Богу противным и Мне ненавистным, и чтоб обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были в службе и преследуемы всей строгостью законов» [13]. Этот акт отражает также и наличие, выражаясь современным языком, коррупционной составляющей в деятельности судов [14].

Как указывалось выше, с судебной системой непосредственно были связаны уголовно-процессуальные действия, осуществляемые при совершении общественно опасных деяний. И уголовный процесс также находил активное развитие, при этом уже сопровождаемое осмыслением этих вопросов в общественных публикациях. Немалый вклад в дальнейшее развитие института уголовно-процессуального права внес А.Н. Радищев в период его работы в комиссии по составлению законов (после возвращения из ссылки решением императора Павла I). Так, в своем сочинении «Грамота российскому народу» А.Н. Радищев выдвигал смелые утверждения, о которых можно говорить как об уголовно-процессуальных гарантиях подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, в частности, он полагал, что никто не имеет права нарушить личную безопасность российского подданного и лишить его свободы, если это не предусмотрено законом; взятому под стражу или посаженному в тюрьму в трехдневный срок должны сообщить причины его задержания; если в течение трех дней обвиняемый не будет представлен в суд, то он должен быть немедленно освобожден; освобожденный имеет

право предъявить иск к лицу, незаконно взявшему его под стражу; все лица, взятые под стражу, должны быть освобождены под поручительство, кроме обвиняемых в тяжких государственных преступлениях, умышленном убийстве, разбое, подделке монет; отказ в освобождении под поручительство может последовать только на основании постановления суда, признавшего совершение обвиняемым умышленного преступления [15, с. 17–19].

В этой же связи нужно заметить, что с рубежа XVIII–XIX вв. началось целенаправленное научное обсуждение рассматриваемой проблематики. Так, еще до Радищева появилось несколько серьезных имен, занимавшихся правовыми вопросами. Среди них прежде всего следует назвать В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, С.Е. Десницкого. Эти ученые предлагали, в частности, составить новое уложение — взамен Соборного уложения 1649 г., причем подчеркивалось, что новое уложение должно быть написано более ясным, понятным народу языком, считали необходимым ограничить применение смертной казни. Я.П. Козельский, как и Радищев, выступал, в частности, за раскрепощение личности и защиту ее прав и свобод, независимо от сословной принадлежности, отмену телесных наказаний [16, с. 362]. Однако в то время (начало XIX в.) эти идеи не получили поддержки.

Тем не менее нельзя не видеть хотя и медленного, но поступательного движения по внедрению в российский уголовный процесс передовых начал того времени. Об этом свидетельствует, в частности, Указ Сената от 31 октября 1823 г., которым предписывалось, что следствие «должно быть производимо с соблюдением установленного обряда и форм, с представлением подсудимому всех способов к оправданию: поелику сколь ни было бы сильно подозрение противу подсудимого, сколь ни убедительны доводы, его обвиняющие, все сие не может основать справедливого приговора, если обряды и формы были нарушены. Сии формы и обряды, ограждая подсудимого, как невинных, так и виновных, одни только могут дать правосудию его необходимое и священное достоинство» [17]. Но только с введением в действие Свода законов 1832 г. можно говорить об определенной системности уголовно-процессуального права во взаимодействии с устройством судебных органов, в которых рассматривались уголовные дела. Речь идет прежде всего о т.15 Свода законов Российской империи, которых состоял из Свода законов уголовных, а этот свод включал в себя две книги, и вот Вторая Книга («О судопроизводстве по преступлениям») т.15 как раз и была посвящена уголовно-процессуальным аспектам. Так, система мер пресечения включала: содержание в тюрьме и при полиции; домашний арест; полицейский надзор; отдача на поруки. Избрание той или иной меры пресечения зависело от тяжести обвинения, силы улик и звания обвиняемого, то есть учитывалась сословная

принадлежность обвиняемого. Однако основной мерой пресечения и в этот период было содержание под стражей. Полицейский надзор не применялся, хотя был назван в законе. Домашний арест, при котором в доме арестованного должен был находиться полицейский или жандарм, применялся крайне редко. Из мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, имело место по-прежнему лишь поручительство или отдача на поруки. Оно не было связано с материальной ответственностью, но требовались поручители [18, с. 63]. Закон запрещал применять пристрастные допросы, истязания и мучения, но в то же время предписывал «стараться побуждать истину через тщательный расспрос и внимательное наблюдение и соображение слов и действий подсудимого» [19, с. 111]. Допросы могли проводиться по несколько раз. При этом, поскольку данное следственное действие проводили органы полиции, где имела проблема с профессиональными следователями (в том числе это касалось выделения объекта преступления, учитывая громоздкость уголовного законодательства того времени [20]); законность при допросах соблюдалась далеко не всегда — в этом отношении ситуация стала меняться к лучшему только после реформы 1860 г., когда был введен институт судебных следователей.

С изменениями в сфере уголовного процесса в начале XIX в. связана также крупная реформа государственного управления в 1802 г. — создание министерств, в числе вновь образованных новых органов центрального управления было образовано Министерство внутренних дел, в которое среди прочих включался Департамент внутренних дел, состоящий из четырех «экспедиций». Руководство полицией сосредотачивалось во второй экспедиции Департамента — экспедиции спокойствия и благочиния, состоявшей из двух отделений: первому отделению подчинялась сельская, второму — городская полиция. На первое отделение возлагались сбор ведомостей о происшествиях, предотвращение «ложных слухов», ересей, а главное — наблюдение «за неповиновением крестьян законной власти». Второе отделение, руководившее городской полицией, занималось, по существу, контролем за соблюдением Устава благочиния, а также за состоянием и содержанием полицейских и пожарных команд.

Можно констатировать, что указанные выше решения определили своеобразный остов системного регулирования уголовного судопроизводства в совокупности создания, конкретизации и уточнения судов по рассмотрению уголовных дел, и органов полиции, занимавшихся в уголовно-процессуальном плане следственной (дознательной) деятельностью перед передачей материалов суд. В дальнейшем на этой основе в Российской империи в данной сфере общественных отношений будут осуществлены Следственная реформа 1860 г. и Судебная реформа 1864 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Н.В. Развитие российского процессуального права в IX — первой четверти XVIII вв.: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 95–99.
2. Минниес И.В. Становление уголовного и полицейского процесса в российском праве XVIII — начала XIX века // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3. С. 400–410.
3. Именной указ от 18.07.1762 г. «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» // ПСЗ-I. N 11616.
4. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11.1775 г. // ПСЗ-I. N 14392.
5. Конин В.В. Суд присяжных как одна из форм разрешения уголовного дела по существу по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Администратор суда. 2010. N 2. С. 36–40.
6. Полещенко Д.А. Государственная власть и местное самоуправление в Российской империи и Российской Федерации // Журнал российского права. 2010. N 11. С. 100–103.
7. Ефремова Н.Н. Изменения в судебной системе России во второй половине XVIII в. (Аспекты английского влияния) // Историко-правовые исследования: Россия и Англия. М., 1990. С. 23–34.
8. Устав благочиния, или полицейский от 08.04.1782 г. // ПСЗ-I. № 15379.
9. Кулебакина А.А. Средства выражения императивности в тексте «Устава Благочиния» 1782 года // Уч. зап. Петрозаводского гос.ун-та. 2023. № 4. С. 42–48.
10. Желудкова Т.И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного порядка. М., 1977.
11. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: В 6 т. Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. Т. 2.
12. Карпов В.Ю. Министерство полиции в правоохранительной системе России: 1810–1819 гг.: дис. . . . канд. юрид. наук. М., 2000.
13. Высочайший рескрипт от 05.08. 1816 г. «Об охранении правосудия и о прекращении лихоимства» // ПСЗ-1. № 26387.
14. Упоров И. От понятия «мздоимство» к понятию «взятка» // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 65.
15. Радищев А.Н. Грамота российскому народу // Сочинения. Т. 1. М.: АН СССР, 1941.
16. История политических и правовых учений / Под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1990.
17. Указ Сенатский от 31.10.1823 г. «О предписании всем присутственным местам, что указ 1776 г. 8 декабря, за изданными впоследствии узаконениями, силы и действия имтьт и в основание решений приводим быть не может» // ПСЗ-1. № 29642.
18. Кутуев Э.К., Мустафаев Н.М. Развитие института принуждения в уголовном процессе в России в XVIII — первой половине XIX в. // История государства и права. 2007. N 10. С. 59–64
19. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841.
20. Упоров И., Хун А. Объект уголовно-правовых отношений: содержание и различие со сходными понятиями // Уголовное право. 2003. № 4.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

Фатьянов Егор Владимирович

аспирант, Среднерусский институт управления —
филиал РАНХиГС, г.Орел,
donyaron01@gmail.com

EVOLUTION OF CONSTITUTIONAL MODELS OF THE RIGHT TO EDUCATION

E. Fatyanov

Summary. The article examines the evolution of constitutional and legal regulation of the right to education in Russia during the Soviet and early post-Soviet periods (1917–1993). The subject of the study is the legal models for the implementation of the right to education, understood as stable systems of interrelated elements: constitutional formulation, legislative provision of guarantees, access mechanisms, and the goal-setting of state educational policy. The aim of the research is to identify, typologize, and provide a comprehensive analysis of the models of the right to education. The methodological framework comprises historical-legal, comparative-legal, formal-dogmatic, and systemic methods. Three models for the implementation of the right to education are identified and characterized: «right as a task» (1917–1930s), «right as a guarantee» (1936–1980s), and «right as access» (1992). The research findings can be applied in rule-making activities for improving educational legislation. The novelty of the work is determined by the author's typology of models for the implementation of the right to education, proposed on the basis of a systemic criterion (the correlation between constitutional declaration, the scope of guarantees, and access mechanisms). The evolution of the constitutional and legal regulation of the right to education in Russia was non-linear and cannot be described in terms of progressive advancement.

Keywords: right to education, constitutional law, Soviet educational law, implementation of law, models of legal implementation.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция конституционно-правового регулирования права на образование в России в советский и ранний постсоветский период (1917–1993 гг.). Предметом выступают правовые модели реализации права на образование, понимаемые как устойчивые системы взаимосвязанных элементов: конституционного формулирования, законодательного обеспечения гарантий, механизмов доступа и целеполагания государственной образовательной политики. Цель исследования — выявление, типологизация и комплексный анализ моделей права на образование. Методологическую основу составили: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы. Выделены и охарактеризованы три модели реализации права на образование: «право-задача» (1917–1930-е гг.), «право-гарантия» (1936–1980-е гг.), «право-доступ» (1992 г.). Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности при совершенствовании образовательного законодательства. Новизна работы определяется авторской типологией моделей реализации права на образование, предложенной на основе системного критерия (соотношение конституционной декларации, объема гарантий и механизмов доступа). Эволюция конституционно-правового регулирования права на образование в России носила нелинейный характер и не может быть описана в терминах поступательного прогресса. Эволюция носила нелинейный характер.

Ключевые слова: право на образование, конституционное право, советское образовательное право, реализация права, модели реализации права.

Эволюцию права на образование в советский и ранний постсоветский период можно рассматривать как смену доминирующих правовых моделей его реализации. Под моделью реализации понимается устойчивая система взаимосвязанных элементов: конституционного формулирования права, законодательного обеспечения гарантий, механизмов доступа и целеполагания образовательной политики.

Модель «право-задача» (1917 — середина 1930-х гг.)

В первые два десятилетия советской власти формирование права на образование осуществлялось в рамках модели, характеризующейся декларативностью конституционных положений, классовым характером регулирования и доминированием мобилизационных механизмов реализации.

Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» установлено, что «школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений... не допускается». Данное положение конституировано в ст. 13 Конституции РСФСР 1918 г. Статья 17 Конституции провозглашала: «...Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование» [8]. Государство не гарантировало субъективное право на образование, но декларировало его как перспективную политическую задачу. С.А. Баранова отмечает: субъектный состав права ограничивался рабочими и беднейшим крестьянством, отсутствовала конституционная дифференциация образовательных уровней [1]. Право приобрело светский характер и реализовывалось на началах совместного обучения [2].

Декретом от 16 октября 1918 г. «Об единой трудовой школе РСФСР» введена двухступенчатая система: первая ступень (8–13 лет, 5 лет), вторая (13–17 лет, 4 года). Посещение являлось обязательным и бесплатным [4]. Декрет от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности в РСФСР» устанавливал обязанность граждан 8–50 лет обучаться грамоте; ст. 8 предусматривала уголовную ответственность за уклонение [3]. В 1919 г. учреждены рабочие факультеты (рабфаки); к концу восстановительного периода их выпускники составляли половину принятых в вузы. В 1920 г. введена учебная профессионально-техническая повинность для работников до 40 лет.

Устав единой трудовой школы 1923 г. закрепил возраст обучения 7–17 лет, совместное обучение, порядок управления и приоритет при приёме для детей трудящихся [5].

Конституция РСФСР 1925 г. в ст. 8 определила субъектов права обобщённо — «трудящиеся» [9]. Постановление СНК РСФСР от 22 апреля 1927 г. ввело обязательное начальное образование на территориях, обладавших необходимыми условиями [17].

Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» с 1930–1931 учебного года установило всеобщее обязательное обучение детей 8–10 лет в объёме четырёхлетнего курса; для детей 11–15 лет — двухгодичное ускоренное обучение; в промышленных городах — семилетнее обучение [16]. В 1932 г. введены единые десятилетние трудовые школы; к концу года охвачено 98 % детей 8–11 лет [13]. Постановлением ЦИК и СНК СССР 1935 г. отменены ограничения по социальному происхождению и полу при приёме в вузы.

Характеристики модели «права-задачи»: 1) трактовка права как политического инструмента для определённых социальных групп; 2) декларативно-целевая форма конституционного закрепления (не право, а «задача» государства); 3) приоритет императивных, мобилизационных норм (повинности); 4) инструментализация образования (ликвидация неграмотности, подготовка кадров); 5) отсутствие конституционной дифференциации уровней, фрагментарность отраслевого регулирования; 6) сочетание прогрессивных принципов (светскость, совместное обучение) с классовыми ограничениями и принудительными практиками. К середине 1930-х гг. модель исчерпала потенциал.

Принципиальный перелом связан с Конституцией СССР 1936 г. Статья 121 закрепляла: «Граждане СССР имеют право на образование. Это право обеспечивается всеобщим обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляюще-

му большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке...» [12]. Термин «обеспечивается» свидетельствует о принятии государством обязанности по созданию системы гарантий. Право признавалось за гражданами, что при формальном расширении субъектного состава сохраняло цензовый характер. Ст. 122 закрепляла равенство мужчины и женщины.

Редакция ст. 121 от 14 июля 1956 г. гарантировала «всеобщее-обязательное семилетнее образование, широкое развитие среднего образования, бесплатность всех видов образования... систему государственных стипендий отличившимся учащимся» [11].

Законом СССР от 25 декабря 1958 г. ст. 121 изложена в новой редакции: «всеобщее-обязательное восьмилетнее образование, широкое развитие среднего общего политехнического образования, профессионально-технического образования, среднего специального и высшего образования... всемерное развитие вечернего и заочного образования...» [7]. Закон установил систему учебных заведений: школы рабочей и сельской молодежи, средние политехнические школы с производственным обучением, техникумы; учреждены городские и сельские профессионально-технические училища. Приём в вузы производился на основе характеристик с преимуществом для имеющих стаж [15].

В 1961 г. утверждено Положение «О профессионально-технических училищах» [18]. Сложилась иерархия уровней образования: дошкольное; три ступени общего (начальное, семи-/восьмилетнее, среднее); три ступени профессионального (низшее, среднее, высшее). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1964 г. профессиональная подготовка в средней школе стала факультативной; корректировка закона подзаконным актом свидетельствовала о нечеткости иерархии источников [19].

Принятие 19 июля 1973 г. Основ законодательства СССР и союзных республик о народном образовании — рамочного кодифицированного акта — стало новым этапом [6]. Ст. 17 закрепляла обязанность молодежи реализовывать право на всеобщее среднее образование. В 1974–1976 гг. приняты республиканские законы; Закон РСФСР 1974 г. в ст. 3 закреплял бесплатную выдачу учебников, обучение на родном языке, условия для самообразования [6].

Вершина модели — Конституция СССР 1977 г. (ст. 45) и Конституция РСФСР 1978 г. Право на образование обеспечивалось бесплатностью всех видов образования, всеобщим обязательным средним образованием, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, развитием вечернего и заочного образования, системой стипен-

дий и льгот, бесплатной выдачей учебников, обучением на родном языке, созданием условий для самообразования [10]. По оценке В.А. Масленникова, содержание права «стало многообразнее и представляло собой гарантированную государством возможность бесплатного получения гражданином любого из видов образования» [14].

Характеристики модели «права-гарантии»: 1) конституционализация права как универсального (для граждан) субъективного права, обеспеченного обязанностью государства; 2) развернутая система законодательных гарантий, систематизированных в кодифицированных актах; 3) иерархическая система источников (конституция — основы — республиканские законы — подзаконные акты) и централизованная вертикаль управления; 4) инструментализация права для решения народно-хозяйственных задач при сохранении идеологической функции; 5) накопление противоречий между формальными гарантиями и дискриминационной подзаконной практикой (преимущества для имеющих стаж, ограничения по социальному происхождению и национальному признаку, запрет второго высшего образования), что к концу 1980-х гг. обусловило кризис легитимности модели.

Кризис советской системы и попытки гармонизации с международными стандартами выявили противоречия образовательного права. Исследователи отмечали, что подзаконные акты (правила приема в вузы 1990 г.) содержали дискриминацию по полу, месту жительства, социальному происхождению.

Конституционная реформа 1992 г. закрепила радикальный разрыв с предшествующей моделью. Статья 57 Конституции РФ — России 1992 г. устанавливала: «Каждый имеет право на образование. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении».

Характеристики модели «права-доступа»: 1) минимализация конституционных гарантий — исключены обязательность среднего образования, детализированный перечень социальных гарантий (стипендии, льготы, обучение на родном языке, самообразование), бесплатная выдача учебников; бесплатность высшего образования поставлена в зависимость от конкурса и ограничена рамками госстандарта; 2) универсализация субъекта («каждый») при сужении содержания права — расширение круга субъектов не компенсировано механизмами фактической реализации для социально уязвимых категорий; 3) доминанта конкурсного механизма — замена идеолого-классовых и производственных критериев формализованным конкурсом, трактовка образования как индивидуального конкурентного блага; 4) легитимация остаточного принципа финансирования и коммерциализации — конституционное ограничение бесплатности «пределами госстандарта» создало основу для платных образовательных услуг.

Проведённое исследование позволяет заключить, что эволюция конституционно-правового регулирования права на образование в России в советский и ранний постсоветский период носила нелинейный характер и выражалась в смене трёх качественно различных правовых моделей. Модель «права-задачи» (1917–1930-е гг.) представляла декларативно-классовую конструкцию с мобилизационными механизмами реализации. Модель «права-гарантии» (1936–1980-е гг.) ознаменовала конституционализацию субъективного права, формирование развернутой системы законодательных гарантий и кодификацию образовательного законодательства, однако обнаружила внутренние противоречия между формальными гарантиями и дискриминационной подзаконной практикой. Модель «права-доступа» (1992 г.) закрепила минимализацию государственных обязательств, универсализацию субъекта при сужении содержания права и доминирование конкурсного механизма, что ознаменовало радикальный разрыв с советской традицией гарантированности образования и переход к либерально-минималистской парадигме, легитимировавшей коммерциализацию образовательной сферы и формализацию равенства возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, С.А. Проблемы конституционно-правовой природы и правовой регламентации права на высшее образование в России и Германии [Текст] / С.А. Баранова. — М.: Креативная экономика, 2017. — С. 16.
2. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах [Текст] // Декреты советской власти : сб. док. : в 18 т. Т. 1 : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. / подгот. С.Н. Валк [и др.]. — М.: Политиздат, 1957–1997. — С. 371–374.
3. Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР от 26 декабря 1919 г. [Текст] // Известия. — 1919. — 30 дек. (№ 294).
4. Декрет СНК РСФСР от 16.10.1918 «О единой трудовой школе РСФСР» [Текст] // Собрание узаконений РСФСР. — 1918. — № 74. — Ст. 812.
5. Декрет Совета Народных Комиссаров. Устав единой трудовой школы: утвержден 18 декабря 1923 г. [Текст] // Известия ЦИК и ВЦИК. — 1923. — 28 дек. (№ 296).
6. Закон РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании» [Текст] // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1974. — № 32. — Ст. 850.

7. Закон СССР от 25.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1959. — № 1. — Ст. 7.
8. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 [Текст] // Собрание узаконений РСФСР. — 1918. — № 51. — Ст. 582.
9. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята Постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. [Текст] // Собрание узаконений РСФСР. — 1925. — № 30. — Ст. 218.
10. Конституция (Основной Закон) СССР 1977 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.
11. Конституция СССР 1936 г.: в ред. от 14.07.1956 [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1956. — № 15. — Ст. 312.
12. Конституция СССР 1936 г.: в ред. от 14.07.1956 [Текст] // Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. — М.: РОИИП, 2010.
13. Культурное строительство СССР. М., 1940. С. 112–113.
14. Масленников, В.А. Конституционное право граждан СССР на образование [Текст] / В.А. Масленников. — М.: Юрид. лит., 1982. — С. 28.
15. Народное образование в СССР [Текст]: сб. документов. 1917–1973 гг. — М.: [б. и.], 1974. — С. 45.
16. О контингенте приема в высшие учебные заведения, техникумы и на рабочие факультеты в 1930–1931 г. [Текст]: постановление Совета Народных Комиссаров от 26 июня 1930 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 г. Ч. 2. — М., 1931.
17. О порядке введения всеобщего обязательного начального обучения в РСФСР [Текст]: постановление Совета Народных Комиссаров от 22 апреля 1927 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. — 1927. — № 1–54.
18. Положение о профессионально-технических училищах [Текст]: утв. Постановлением Совета Министров СССР от 02.08.1961 // Собрание постановлений Правительства СССР. — 1961. — № 12. — Ст. 96.
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1964 г. «О внесении частичных изменений в статью 4 Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР»» [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1966. — № 12. — Ст. 169.

© Фатьянов Егор Владимирович (donyapon01@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЭПОХУ ОНЛАЙН-ПЛАТФОРМ И ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN THE ERA OF ONLINE PLATFORMS AND GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROBLEMS OF QUALIFICATION OF VIOLATIONS AND ALLOCATION OF RESPONSIBILITY

F. Hamidullina

Summary. The article analyzes the problems of intellectual property rights protection in the context of the development of online platforms and the use of generative artificial intelligence. The difficulties of qualifying copyright violations and the distribution of civil liability between users, platforms and AI providers are considered. Based on the norms of Part four of the Civil Code of the Russian Federation, the doctrinal positions and practice of the Intellectual Property Rights Court, key areas of legal uncertainty related to the training of generative models, the status of the generation result and the application of the liability regime of information intermediaries are identified.

Keywords: intellectual rights, online platforms, copyright, artificial intelligence, responsibility, neural networks.

Хамидуллина Фарида Ильдаровна

доктор юридических наук, профессор, ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»
89196873238@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем защиты интеллектуальных прав в условиях развития онлайн-платформ и применения генеративного искусственного интеллекта. Рассматриваются трудности квалификации нарушений авторских прав и распределения гражданско-правовой ответственности между пользователями, платформами и провайдерами ИИ. На основе норм части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, доктринальных позиций и практики Суда по интеллектуальным правам выявляются ключевые зоны правовой неопределённости, связанные с обучением генеративных моделей, статусом результата генерации и применением режима ответственности информационных посредников.

Ключевые слова: интеллектуальные права, онлайн-платформы, авторское право, искусственный интеллект, ответственность, нейросети.

В условиях быстрого развития онлайн-платформ и широкого внедрения генеративного искусственного интеллекта (далее — ИИ) защита интеллектуальных прав приобретает принципиально иное содержание, поскольку трансформация затрагивает как скорость и масштаб распространения охраняемых объектов, так и технологические механизмы их создания, переработки и доведения до всеобщего сведения, вследствие чего применение традиционных юридических конструкций, закреплённых в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, при квалификации нарушений и распределении ответственности между участниками цифровых отношений объективно усложняется. Одновременно цифровая среда изменила структуру оборота результатов интеллектуальной деятельности, поскольку масштабируемость копирования, мгновенность распространения и фактическая неограниченность воспроизведения через пользовательские интерфейсы привели к трансформации охраны исключительных прав, пред-

усмотренных ст. 1229 и 1270 ГК РФ, из разового реагирования в постоянный процесс управления рисками, ориентированный на предотвращение воспроизводимых сценариев неправомерного использования, усиливаемых сетевыми эффектами и алгоритмами распространения, что в доктрине объясняется тем, что «право интеллектуальной собственности уже фактически стало самостоятельной отраслью законодательства» [17, с. 3], отражая объективную потребность в уточнении его инструментов применительно к цифровой среде.

Основной особенностью платформенной экономики является то, что онлайн-платформы перестали выполнять лишь вспомогательную функцию информационного посредника и фактически стали активными участниками оборота контента, поскольку именно они определяют условия доступа, правила модерации, способы продвижения и модели монетизации, тем самым влияя на реализацию исключительных прав, предус-

мотренных ст. 1229 ГК РФ. Участие платформ в обороте контента реализуется не только через алгоритмическое распространение, но и посредством договорных и лицензионных механизмов, заранее задающих правовой режим использования произведений, вследствие чего платформа смещается из позиции пассивного посредника в сторону активного организатора оборота, что подчёркивается в научной литературе, где указывается, что «все предоставляемые работы лицензируются заранее, а сборы согласуются каждой платформой с правообладателями индивидуально или коллективно» [12, с. 169].

Существенной особенностью цифровой среды является разрыв между формально-правовым режимом охраны произведений и фактическими моделями пользовательского поведения, что приводит к систематическому воспроизводству нарушений и снижению превентивного эффекта гражданско-правовых запретов; в литературе данный разрыв объясняется спецификой восприятия цифрового контента, поскольку «скопировать чужую работу довольно просто, и у пользователей создаётся ложное впечатление, что контент находится в их полном распоряжении» [18]. В этих условиях защита интеллектуальных прав не может сводиться исключительно к ответственности конечных пользователей и объективно требует системного применения ст. 1253.1 ГК РФ, поскольку основное условие надлежащего поведения информационного посредника прямо сформулировано законодателем как обязанность «своевременно принять необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав» [4], что делает принципиальными критерии своевременности, достаточности мер и прослеживаемости действий платформы, включая фиксацию момента получения уведомления, объёма ограничения доступа и предотвращения повторной загрузки идентичного материала.

Особую сложность для правоприменения создаёт генеративный ИИ, юридически значимый не только как средство создания внешне «нового» контента, но и как технология массовой переработки культурных массивов, основанная на анализе больших данных и выявлении закономерностей, позволяющих воспроизводить стилистические и композиционные элементы, характерные для объектов авторского права [8]. При этом «пользователь лишь задаёт параметры генерации через текстовые промпты» [2, с. 2], тогда как формирование результата осуществляется алгоритмически, что ставит под сомнение возможность прямого применения критериев авторства и охраноспособности произведений, закреплённых в ст. 1228 ГК РФ.

В этой связи в правовой плоскости квалификационная проблема возникает уже на стадии обучения генеративных моделей, поскольку, как отмечается в литературе, «правовая квалификация процесса машинного

обучения как воспроизведения произведений в смысле авторского права остается дискуссионной» [2, с. 3], при том что машинное обучение являет собой совокупность технически неоднородных действий — от сбора и структурирования данных до статистической обработки и формирования параметров модели, каждое из которых требует самостоятельной правовой оценки с точки зрения того, образуют ли они «использование произведения» в формах воспроизведения или переработки либо должны рассматриваться как допустимый технологический процесс. Отсутствие однозначного ответа на данный вопрос дополнительно подкрепляется тем, что «Гражданский кодекс РФ не содержит специальных норм об авторских правах на произведения, созданные с использованием ИИ... что создает правовую неопределенность» [2, с. 3], вследствие чего правоприменительные выводы во многом зависят от конкретных фактических обстоятельств дела и складывающейся судебной практики.

С позиции риск-менеджмента правообладателя принципиальное значение имеет то обстоятельство, что «правообладатели зачастую не давали согласия на такое использование своих произведений» [2, с. 4], а также то, что «пока нейросеть будет обучаться на произведениях других авторов, авторские права на оригинальные произведения будут нарушаться» [9, с. 128], в связи с чем правовая конструкция, ориентированная исключительно на выявление прямого копирования на стадии использования результата генерации, оказывается методологически недостаточной, поскольку экономическая ценность извлекается уже на стадии «входа» — через использование охраняемого контента в составе обучающих выборок, что требует уточнения границ допустимости такого использования и определения правовых последствий нарушений именно на стадии обучения [3].

В рамках доктринальной дискуссии формируется позиция о допустимости легализации обучения генеративных моделей через механизм исключений, причём в специализированной литературе прямо высказывается тезис о том, что «обучение генеративного искусственного интеллекта следует считать новым случаем свободного использования произведения» [11, с. 74], при этом фокус обсуждения смещается на правовой режим входных данных, поскольку в качестве самостоятельного проблемного узла обозначается «обучения нейронной сети с использованием охраняемых произведений без согласия их правообладателей» [11, с. 74], тогда как практическая реализуемость подобной модели должна соотноситься с базовой презумпцией исключительного права, согласно которой «Отсутствие запрета не считается согласием (разрешением)» [4], а значит, параметры исключения неизбежно будут зависеть от целей и объёма использования, характера заимствования, наличия коммерческого интереса и реальной возможности

правообладателя воздействовать на состав обучающих датасетов.

Вторая линия конфликтов связана с правовой судьбой результата генерации, поскольку нормативная «точка сборки» персональной природы авторства закреплена законодателем через правило о том, что «автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [4], вследствие чего в доктрине воспроизводится акцент на человеческом творческом вкладе и подчёркивается, что «авторские права возникают только на интеллектуальные труды, созданные человеком в процессе его творчества» [2, с. 67], из чего следует практическая развилка, при которой результат генерации либо квалифицируется как неохранный при недоканности творческого вклада человека, либо охрана возникает постольку, поскольку установимы действия пользователя, выходящие за пределы технической задачи и выражающиеся в замысле, творческом отборе, существенной переработке и редактировании результата. При этом в доктрине представлена и более жёсткая концепция неохраноспособности результатов генерации, в рамках которой заявляется, что «эти объекты по аналогии с фольклором должны быть признаны неохранными» [11, с. 74], однако даже при принятии такого подхода сохраняется проблема стилистической имитации и реконструкции охраняемых элементов, что переводит спор в плоскость оценки того, не имеет ли место переработка охраняемого материала, поскольку «под переработкой произведения понимается создание производного произведения» [5].

В современной цифровой среде распределение гражданско-правовой ответственности должно опираться не на формальный статус участника цифровых отношений, а на анализ его фактического участия в обороте результата интеллектуальной деятельности, прежде всего на том этапе, где контент приобретает юридически значимые последствия для правообладателя и третьих лиц, и именно поэтому в доктрине акцент переносится на момент включения результата генерации в хозяйственный и информационный оборот, поскольку «нарушение исключительного права образует не их создание, а их использование без согласия правообладателя» [11, с. 78], а квалификация противоправного поведения в результате закономерно смещается к действиям по публикации, распространению и иной эксплуатации контента в смысле ст. 1270 ГК РФ. Вместе с тем разработчик либо владелец генеративной модели может подлежать привлечению к ответственности в тех случаях, когда противоправный риск формируется на стадии обучения и выражается в организованном использовании охраняемых массивов данных без надлежащих правовых оснований, поскольку включение произведений в состав обучающих выборок затрагивает исключительные правомочия

правообладателя, в связи с чем в доктрине обоснованно отмечается, что «включение произведений в датасет... технологически предполагает их воспроизведение..., составляющее прерогативу правообладателя» [11, с. 78], а потому юридически значимым становится соблюдение требований добросовестности и предварительной правовой проверки источников данных при формировании обучающих массивов и настройке функционирования модели.

Отдельной оценки требует роль онлайн-платформы в механизме пресечения нарушений, поскольку объём её обязанностей и пределы гражданско-правовой ответственности зависят от того, к какой нормативной категории она относится в цепочке цифрового оборота, при этом законодатель закрепляет расширительное понимание информационного посредничества, включая в него «лицо, осуществляющее передачу материала...», «лицо, предоставляющее возможность размещения материала...» и «лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу...» [4].

Нормативной опорой для оценки поведения посредника выступает ст. 1253.1 ГК РФ, поскольку освобождение от ответственности связывается с проверяемым стандартом реагирования на заявление правообладателя — посредник освобождается, если «...в случае получения... заявления правообладателя... своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения интеллектуальных прав» [4], однако в практике Суда по интеллектуальным правам критерий «своевременности» наполняется содержанием через оценку фактического интервала реакции: так, по делу № А41-25531/2022 в постановлении от 16.06.2023 № С01-921/2023 [15] в качестве своевременного поведения фиксировалась реакция в пределах 1–2 недель, тогда как по делу № А40-277047/2023 в постановлении от 03.12.2024 № С01-2107/2024 [13] несвоевременность связывалась с тем, что меры принимались лишь после подачи иска либо спустя длительный период с момента получения претензии. Дополнительно СИП указывает на юридическую значимость «обычных» каналов направления уведомлений, поскольку само по себе наличие у платформы внутренней формы/процедуры не превращает её в единственный допустимый способ уведомления: «то обстоятельство, что общество использует... разработанный им механизм обмена информацией, не свидетельствует об обязанности иных участников рынка использовать исключительно данный... механизм обмена корреспонденцией» [16]. Существенно и то, что даже при наличии условий освобождения от ответственности законодатель прямо допускает предъявление требований «...не связанных с применением мер гражданско-правовой ответственности, в том числе об удалении информации... или об ограничении доступа к ней» [4], вследствие чего для правообладателя и суда ключевыми

становятся доказуемость момента получения уведомления, полнота и скорость реакции, а также воспроизводимость мер по предотвращению повторного размещения.

В рамках оценки распределения гражданско-правовой ответственности за использование результатов генерации принципиальным является установление лица, действия которого привели к использованию объекта в гражданском обороте и обусловили наступление правовых последствий, при этом в доктрине обоснован вывод о том, что «субъектом ответственности... следует считать фактически использовавшее его лицо» [11, с. 74], однако в научных и сравнительно-правовых исследованиях одновременно развивается дифференцированный подход, учитывающий многостадийность функционирования систем искусственного интеллекта и сложность установления причинной связи между поведением различных участников и результатом, вследствие чего

допускается возложение ответственности на субъект, фактически управляющий применением системы, включая модель «смещения ответственности в сторону контролирующего профессионального пользователя» [10, с. 51].

На основании выявленных особенностей цифрового оборота и анализа действующего законодательства были систематизированы ключевые проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием генеративных технологий в сфере интеллектуальной собственности, а также определены основные направления их нормативного и правоприменительного разрешения (таблица 1).

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие онлайн-платформ и генеративного искусственного интеллекта выявляет пределы

Таблица 1.

Основные проблемы правового регулирования и направления их разрешения

Проблема	Рекомендация (направление совершенствования)
1) Квалификация операций машинного обучения как «использования произведения» (ст. 1270 ГК РФ): обучение технически состоит из серии копирований (загрузка/запись в память ЭВМ, кэширование, индексирование, векторизация, хранение промежуточных массивов), однако право не даёт устойчивого критерия, где заканчивается воспроизведение и начинается нейтральный технологический процесс, при этом легальная опора есть только через определение воспроизведения, включая запись в память ЭВМ (ГК РФ, ст. 1270, п. 2).	Нормативно закрепить квалификацию обучения через ст. 1270 ГК РФ: а) разграничить временные технологические копии и устойчивые копии, используемые для обучения/дообучения; б) задать проверяемые критерии разграничения «технологического процесса» и экономически значимого использования; в) отдельно описать правовое значение операций индексирования/векторизации как стадий извлечения ценности из охраняемого контента.
2) Риск нелегального обучения как системный («вход» важнее «выхода») — модель, ориентированная на поиск совпадений в результате генерации, не покрывает извлечение ценности на стадии формирования параметров модели. Закон исходит из того, что отсутствие возражений со стороны правообладателя не может рассматриваться как согласие на использование произведения (любое использование допустимо только при наличии прямого правового основания).	Закрепить правовые основания правомерности обучения и режим датасетов: а) предусмотреть договорные/лицензионные модели для обучения, в т.ч. массовые; б) развести режимы лицензирования и коллективного управления для типовых категорий контента; в) при введении исключения/ограничения — закрепить условия применимости (цель, объём, коммерческий контекст, проверяемость) и гарантии правообладателя.
3) Персоналистская модель авторства требует творческого труда гражданина (ГК РФ, ст. 1228, п. 1), однако фактическая модель взаимодействия с ИИ часто сводится к постановке запроса, что затрудняет вывод об охраноспособности и создает неединообразие квалификации.	Закрепить признаки творческого руководства (замысел, творческий отбор, композиция, существенная переработка/редактура, интеграция в сложный объект). Отдельно обозначить, что формальная подача промпта сама по себе не презюмирует авторство без подтверждённой творческой работы.
4) Непредсказуемость распределения гражданско-правовой ответственности в платформенно-алгоритмической среде, обусловленная множественностью участников цифрового оборота и алгоритмическим распространением контента, что усложняет установление формы использования произведения и причинно-следственной связи. При этом ответственность информационного посредника зависит от оценки принятия им «необходимых и достаточных мер» (ГК РФ, ст. 1253.1, п. 3, пп. 2), а требования об удалении или ограничении доступа допустимы и при освобождении от ответственности (ГК РФ, ст. 1253.1, п. 4).	Конкретизировать критерии своевременности/достаточности мер с учётом алгоритмизованного продвижения. Установить обязанность предотвращения повторной загрузки идентичного материала при валидном уведомлении и обеспечить фиксацию ключевых цифровых следов (момент выявления, получение уведомления, объём ограничения доступа).

применимости традиционных конструкций авторского права и гражданско-правовой ответственности, сформированных для линейных моделей оборота результатов интеллектуальной деятельности. Основные трудности обусловлены не дефицитом правовой охраны, а недостаточной адаптированностью действующих квалификационных критериев к многостадийным и алгоритмизованным процессам обучения и генерации, вследствие чего в правоприменительной практике сохраняется неопределённость в вопросах правового статуса результата генерации и распределения ответственности

между пользователем, оператором онлайн-платформы и провайдером генеративной технологии. В этой связи дальнейшее развитие правового регулирования требует не пересмотра базовых принципов авторского права, а их нормативного уточнения и системного применения с учётом особенностей цифрового оборота, прежде всего в части определения условий использования произведений и критериев привлечения участников цифровых правоотношений к гражданско-правовой ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирова М.Г., Абакарова Б.Г. Регулирование генеративного ИС: авторские права на контент, созданный нейросетями // *Human Progress*. — 2025. — Т. 11. — № 5. — С. 1–7.
2. Бабенко А.А. Авторско-правовые проблемы использования генеративного искусственного интеллекта в процессе создания видеоигр // *Вопросы российской юстиции*. — 2024. — № 34. — С. 57–71.
3. Горина Н.В. К вопросу об охране авторских прав в сети Интернет // *Юридическая наука и практика*. — 2023. — Т. 19. — № 1. — С. 39–45.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.08.2025) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 11.10.2025).
5. Драгунова С.А. Охрана авторских прав в сети «Интернет»: международно-правовой аспект // *Проблемы экономики и юридической практики*. — 2020. — № 3. — С. 146–149.
6. Идрышева С.К. Информационные посредники и их роль в авторских правоотношениях в цифровую эпоху // *Цифровой репозиторий Университета КАЗ-ГЮУ*. — 2024. — С. 22–30.
7. Как обеспечивается защита авторских прав в интернете? // *Союзпатент: официальный сайт*. — URL: <https://unionpatent.com/kak-obespechivaetsya-zashhita-avtorskih-prav-v-internete/> (дата обращения: 20.01.2026).
8. Карцхия А.А. Распределение гражданско-правовой ответственности между провайдером и пользователем нейросети при генерации контента, нарушающего исключительное право на произведение // *Интеллектуальная собственность. Патентное право*. — 2025. — № 4. — С. 15–27.
9. Лукашова А.В. Авторское право и произведения, сгенерированные нейросетью // *Вопросы российской юстиции*. — 2023. — № 28. — С. 122–132.
10. Мельникова Е.Н. Наднациональное правовое регулирование искусственного интеллекта как инструмент распределения ответственности за причиненный вред (опыт Евросоюза) // *Российский юридический журнал*. — 2024. — № 2(155). — С. 38–54.
11. Овчинников И.В. Генеративный искусственный интеллект и авторское право // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. — 2025. — № 1. — С. 74–82.
12. Орлова Т.Е. Основные проблемы авторского права в экономике цифровых платформ. европейский опыт // *Вопросы российской юстиции*. — 2023. — № 25. — С. 167–177.
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2024 № C01-2107/2024 по делу № A40-277047/2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/411076218/> (дата обращения: 20.01.2026).
14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.07.2025 № C01-593/2025 по делу № A40-133715/2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=143928#Ss9Tr8VqgpX3kNV5> (дата обращения: 20.01.2026).
15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.06.2023 № C01-921/2023 по делу № A41-25531/2022 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=112116#1zaTr8VqGgxhpUPW> (дата обращения: 20.01.2026).
16. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.08.2024 № C01-1420/2024 по делу № A41-102093/2023 [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/409593727/> (дата обращения: 20.01.2026).
17. Рожкова М.А. Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: коллективная монография. — М.: ГАУГН Пресс, 2023. — 220 с.
18. Союзпатент. Как обеспечивается защита авторских прав в интернете? // *Союзпатент: официальный сайт*. — URL: <https://sojuzpatent.com/ru/Prochee/Detail/267> (дата обращения: 19.01.2026).

© Хамидуллина Фариды Ильдаровны (89196873238@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СССР КАК ЭЛЕМЕНТ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА

STATE CONTROL IN THE USSR AS AN ELEMENT OF GOAL-SETTING IN THE STATE MECHANISM

*E. Shabalina
A. Legkodimov*

Summary. The article explores the phenomenon of state control in the Soviet Union through the lens of its development, not as a narrow supervisory function, but as a system-forming element of the state mechanism, directly related to the processes of goal-setting and the implementation of large-scale socio-economic tasks. It analyzes its role in creating a closed cycle of «setting goals, mobilizing resources, monitoring implementation, and adjusting goals».

Keywords: USSR, state control, goal setting, planned economy, state mechanism, mobilization model.

Шабалина Евгения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Легкодимов Артем Алексеевич

Аспирант, Автономная некоммерческая
организация высшего образования
Белгородский университет кооперации,
экономики и права

Аннотация. В статье исследуется феномен государственного контроля в Советском Союзе, через призму его становления, не как узкой надзорной функции, а как системообразующего элемента механизма государства, напрямую связанного с процессами целеполагания и реализации масштабных социально-экономических задач. Анализируется его роль в создании замкнутого цикла «постановка цели — мобилизация ресурсов — контроль исполнения — корректировка целей».

Ключевые слова: СССР, государственный контроль, целеполагание, плановая экономика, механизм государства, мобилизационная модель.

Исследование государственного контроля в СССР сквозь призму целеполагания позволяет выявить уникальную модель управления, где контрольные механизмы не просто обеспечивали законность, а служили инструментом реализации стратегических задач государства. В отличие от западных моделей, где контроль преимущественно выполнял охранительную функцию, в советской системе он был встроен в планово-целевой механизм управления.

Государственный контроль периода становления советского государства целесообразно рассматривать в рамках сложившейся в советской юридической литературе триады:

- конституционный контроль;
- надведомственный контроль;
- ведомственный контроль.

Контроль как вид управленческой деятельности устанавливается Декретом «О полноте власти Советов» от 26 октября 1917 г II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства [1, С. 20–21], в соответствии с которым основная роль в осуществлении государственного контроля принадлежала представительным органам государственной власти — Советам, как единственным органам государственной власти в стране.

В виду отсутствия основного закона страны — Конституции, де-юре отсутствовал конституционный контроль, де-факто он осуществлялся Всероссийским съездом Советов и Всероссийской Центральной исполнительно-комиссией (далее — ВЦИК). Как справедливо отмечает А.Е. Лунев в своей статье «Контрольные полномочия Советов депутатов трудящихся», контрольная деятельность высших органов различалась по своей продолжительности: если контроль высших представительных органов проводился только во время съездов, то контрольная деятельность ВЦИК в силу характера его организации осуществлялась постоянно. Контрольная деятельность высших органов власти имела два направления:

- контроль за деятельностью центральных органов управления;
- контроль за деятельностью нижестоящих советов и их исполнительных аппаратов [2, С. 22].

Объем контрольных функций Советов наращивался по мере упразднения иных органов государственной и местной власти. Ступенями в этом процессе стали: роспуск Учредительного собрания [3], земских и городских органов самоуправления [4], а позднее — упразднение комбедов, объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов [5, С. 51].

На этом этапе государственного строительства происходило совершенствование форм осуществления контроля, а именно: велась работа по расширению организационной деятельности Советов, принимались меры к установлению регулярной отчетности исполнительных комитетов, их президиумов и отделов на пленарных заседаниях, включая регулярную отчетность перед избирателями; совершенствовалась внутренняя структура Советов: создавались секции и постоянные комиссии, в задачи которых входил контроль за работой подчиненных конкретному Совету предприятий и учреждений [5, С. 53–54].

Параллельно контрольной деятельности Советов шел процесс формирования специальных органов государственного надведомственного контроля, деятельность которых была направлена на совершенствование государственного аппарата, путем выявления недостатков и их устранения в функционировании органов государственной власти.

Всероссийский Совет Рабочего Контроля вырабатывал общие планы Рабочего Контроля, инструкции, издавал обязательные постановления, регулировал взаимоотношения районных Советов Рабочего Контроля и являлся высшей инстанцией для всех дел, связанных с Рабочим Контролем.

Позицию советских исследователей о процессе становления контроля в советском государстве наиболее полно, на наш взгляд, отразил И.П. Козлитин: «Ломка учреждений старого государственного контроля и создание органов нового, социалистического государственного контроля, как и многих других звеньев государственного аппарата, произошли не сразу. Реорганизация государственного контроля затянулась до апреля 1919 г. Первые мероприятия по созданию социалистического государственного контроля были намечены декретом Совета Народных Комиссаров от 18 января 1918 г.» [6, С. 12].

К этому моменту к существующим системам контроля добавляется еще один элемент, теперь структурно контроль выглядел следующим образом: Наркомат государственного контроля, ведомственные контрольные органы и рабочие контрольные инспекции.

Анализ нормативно-правовой базы и отчета о деятельности Народного комиссариата Государственного контроля позволяют утверждать, что государственный контроль занимал особое место в системе государственного управления. Это не орган распорядительно-управления, а орган наблюдения за правильностью, целесообразностью, хозяйственностью и соответствием закону деятельности распорядительных управлений. Поэтому в процессе социальных преобразований

НКГК принимал участие исключительно как орган наблюдения, имевший своей целью инструктирование неопытных работников новых учреждений; обнаружение и устранение в первое время уклонения от прямого смысла декретов и оберегать народную казну от излишних необоснованных расходов и злоупотреблений, а также вносить в дело социального преобразования точку зрения общегосударственного единства и плановости [7, С. 52–59].

Становление системы государственного контроля основывалось, в том числе и на партийных директивах, в той или иной вариации, содержавшие указание на необходимость привлечения «народных масс» к осуществлению контроля и систематического информационного сопровождения деятельности РКИ. Так, XIII съезд партии четко указал на необходимость установления тесной связи между органами партийно-государственного контроля и общественного контроля путем взаимного содействия ЦКК — РКИ и органов профессиональных союзов [8, С. 30]. Задача информационного сопровождения решалась путем отчетов работников РКИ на различных собраниях, конференциях, совещаниях трудящихся, а также установлением тесной связи с рабселькоровскими и селькоровскими организациями [9, С. 78–80], со средствами массовой информации [10, С. 94–96].

В условиях НЭПа акцент контрольных мероприятий смещается в сторону экономии средств для скорейшей индустриализации страны и повышения культурного уровня. В связи с чем, в резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК от 9 августа 1927 г., неоднократно подчеркивалось, что РКИ усиливает и развивает работу в области контроля над проверкой партийных и правительственных решений в области капитального строительства, в области снижения торговых и производственных накладных расходов, в области обеспечения осуществления пролетарской советской демократии, а именно: оживление Советов, выборность, право отзыва, взаимоотношения партийных органов с органами советскими и профессиональными, выдвижение рабочих и крестьян на государственную работу и др. [11, С. 486–492]

В 1930 г. компетенция по проверке фактического исполнения директив правительства и укрепления дисциплины во всех государственных органах, организациях и учреждениях была передана Комиссии исполнения при СНК СССР [12], с этого периода начинает снижаться значимость РКИ как органа государственной власти, обладавшего компетенцией во всех сферах государственной жизни.

В контексте понимания направления развития системы контрольных органов и контроля как формы государственной деятельности научный интерес пред-

ставляет статья наркома РКИ Я.Э. Рудзутака «О партийном и советском контроле в новых условиях», в которой отмечалось, что трансформация контрольной деятельности являлась следствием изменений хозяйственной и политической обстановки в стране, соответственно необходимо было изыскивать новые формы управления хозяйством, обеспечивавшие максимальную конкретность и оперативность системы контроля [13, С. 2–6].

В 1934 г. связка ЦКК — РКИ ликвидируется. В целях усиления контроля как формы государственной деятельности XVII съезд ВКП(б) 26 января — 10 февраля 1934 г. признал необходимым реорганизовать существовавшую систему контроля, разделив партийный и государственный контроль, что нашло отражение в резолюции XVII съезд ВКП(б) по отчету ЦКК — РКИ от 1 февраля 1934 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об образовании Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров Союза ССР» от 11 февраля 1934 г. НК РКИ СССР, НК союзных республик и местные органы РКИ были упразднены [14], а ЦКК партии трансформируется в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) [15].

Контрольная деятельность в исследуемый период развивалась в рамках финансово-экономического контроля и контроля за совершенствованием государственного аппарата, включая контроль за исполнением постановлений и распоряжений партии и правительства.

В зависимости от особенностей развития политической и экономической ситуации в СССР, задач, стоящих перед системой управления, правовое и организационное обеспечение государственного контроля, который всегда оставался важным и сильным инструментом государственного управления, претерпевало различные изменения [16, С. 281]. Как справедливо отмечает А.М. Тарасов, государственный контроль — категория историческая. Его возникновение и развитие связано с общественным процессом труда и управления. Исследование вопроса правового и организационного обеспечения государственного контроля невозможно без применения исторического метода. Изучение истории формирования и развития государственного контроля в России свидетельствует, что контроль (контрольная деятельность) уходит своими корнями в глубокое прошлое [17, С. 99].

С принятием Конституции СССР 1936 года [18] была установлена правовая основа, закрепившая систему контроля Советов. В соответствии со ст. 42 и ст. 65 Конституции СССР 1936 года, подотчетность и ответственность СНК СССР перед Верховным Советом СССР, ст. 14 и ст. 49 определили контрольные полномочия Президиума Верховного Совета СССР [18].

На основании резолюции XVIII съезда ВКП(б) от 20 марта 1939 года в Устав ВКП(б) были внесены из-

менения, в соответствии с которыми устанавливалось, что «Комиссия советского контроля намечается съездом партии, ... формирование Комиссии советского контроля должно относиться к компетенции советских органов», а «для повышения роли первичных партийных организаций производственных предприятий, в том числе совхозов, колхозов и МТС, и их ответственности за состояние работы предприятий этим организациям предоставляется право контроля деятельности администрации предприятия. Наркоматские партийные организации, которые, в силу особых условий работы советских учреждений, функциями контроля пользоваться не могут, обязаны сигнализировать о недочетах в работе учреждений, отмечать недостатки в работе наркомата и его отдельных работников и направлять свои материалы и соображения в ЦК ВКП(б) и руководителям наркомата» [19, С. 375, 379].

В 1940 году Комиссия советского контроля была преобразована в Народный Комиссариат государственного контроля СССР указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1940 года [20].

После XX съезда КПСС, ознаменовавшего собой изменения в организационных формах управления экономикой, потребовалось изменить организацию контрольной деятельности в СССР в сторону расширения прав союзных республик. Следовательно, в сложившихся условиях существовавшая организация контроля за исполнением решений партии и правительства, содержание и методы органов государственного контроля не отвечали новым задачам управления народным хозяйством и требовали модернизации. Модернизация и оптимизация управленческой деятельности привели к упразднению союзно-республиканского министерства государственного контроля СССР и образованию Комиссии советского контроля Совета министров СССР и комиссий советского контроля министров союзных республик [20].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1957 года была образована Комиссия советского контроля Совета Министров СССР [20].

Государственный контроль организационно выстраивался по вертикали властеотношений следующим образом: Комиссии советского контроля СССР соответствовали аналогичные комиссии союзных республик, но без прямого подчинения (в Положении о Комиссии речь идет о координации и о помощи — п. 5). Со временем самостоятельность республиканских комиссий в вопросах государственного контроля, привела к обособленности комиссий друг от друга, что повлекло за собой размывание контрольного аппарата СССР и отсутствие возможности по выработке и использованию единых форм и методов деятельности [21, С. 26]. Данная прак-

тика породила дуализм в государственном управлении, что влияло на эффективность работы государственного аппарата по всей вертикали власти.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1961 года была создана Комиссия государственного контроля Совета Министров СССР (Госконтроль СССР), функционировавшая в тесной связи с советскими, партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями, опираясь на общественный контроль предприятий, учреждений и организаций, привлекая к проверкам рабочих, колхозников и служащих [22]. Указ, в свою очередь утверждался Законом СССР от 8 декабря 1961 года «Об утверждении указов Президиума Верховного Совета СССР Об образовании всесоюзного объединения Совета Министров СССР «Союзсельхозтехника», О преобразовании Комиссии советского контроля и Об образовании и преобразовании государственных комитетов Совета Министров СССР и о внесении изменений и дополнений в статью 70 Конституции (основного закона) СССР» [23].

Существенные изменения в партийном, государственном и общественном контроле устанавливались в Постановлении Пленума ЦК КПСС «О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством», в соответствии с которым осуществлению новых мер по улучшению партийного руководства народным хозяйством, совершенствованию хозяйственного управления в промышленности и строительстве будет способствовать создание единого партийно-государственного контроля [24, С. 390, 394].

Начиная с 1962 года государственный контроль в СССР трансформировался в партийно-государственный контроль с соответствующим нормативным закреплением.

Контроль обеспечивал иерархию целей:

- стратегические (построение коммунизма) — через партийные решения;
- тактические (пяtilетки) — через Госплан и контрольные органы;
- оперативные (квартальные задания) — через министерства и предприятия.

Цели в СССР носили тотальный и обязательный характер. Они формулировались на съездах КПСС, в пятилетних планах (пяtilетках), постановлениях ЦК и Совета Министров. Эти цели были:

- идеологически детерминированы (построение бесклассового общества);
- мобилизационны (догнать и перегнать капиталистические страны, освоить целину);
- количественно измеримы (тонны стали, киловатты электроэнергии, метры жилья).

Государственный механизм был «заточен» под достижение этих целей. Однако в условиях отсутствия рыночных регуляторов (конкуренции, прибыли как главного критерия) требовался иной инструмент, обеспечивающий движение системы в заданном направлении. Таким инструментом и стал всепроникающий контроль.

Роль контроля в цикле целеполагания проявлялась в нескольких аспектах:

- обратная связь и корректировка целей. Данные контроля (срывы сроков, дефицит ресурсов, технологические проблемы) позволяли центру оценить реалистичность поставленных задач. На практике это часто вело не к отказу от цели, а к экстренной мобилизации ресурсов, кадровым перестановкам или ужесточению дисциплины.
- обеспечение единства интерпретации цели. В условиях иерархии ведомственных интересов (министерств, предприятий) контроль был призван не допускать «местничества» — стремления выполнить план любой ценой, но в ущерб смежникам или качеству. Он должен был гарантировать, что все звенья работают на общую, централизованно заданную цель.
- мобилизация и дисциплинирование. Контроль создавал атмосферу постоянной проверки, что было мощным дисциплинирующим фактором. Угроза партийной, административной или даже уголовной ответственности за «срыв плана» заставляла аппарат и управленцев работать в режиме перманентного напряжения.

Несмотря на внешнюю всеохватность, система контроля страдала от внутренних противоречий, которые в конечном итоге подрывали эффективность целеполагания:

- приоритет формального выполнения плана над реальным результатом. Контроль часто фиксировал количественные показатели («вал»), игнорируя качество, расточительство и долгосрочные последствия. Это порождало приписки, выпуск неликвидной продукции и культуру «показухи».
- сращивание контролирующих и контролируемых органов. Номенклатурная однородность, круговая порука и личные связи ослабляли объективность контроля.
- подавление инициативы. Всепроникающий контроль карал за ошибки и отклонения от инструкции, но не поощрял самостоятельность и инновации, необходимые для сложного развития.
- информационные искажения. Страх перед наказанием заставлял нижние уровни власти скрывать реальные проблемы и приукрашивать отчетность, что лишало центр адекватной информации для корректного целеполагания.

Государственный контроль в СССР был не просто технической функцией, а «системообразующим нервом» всего механизма государства. Он служил главным инструментом, призванным преодолеть разрыв между грандиозными, волюнтаристски поставленными целями и инертной, бюрократизированной реальностью. Через контроль государство пыталось поддерживать динамику мобилизационного развития, дисциплинировать аппарат и создавать видимость обратной связи с обществом.

Однако, будучи встроенным в авторитарную, неконкурентную систему, контроль сам подвергся бюрократическому перерождению. Он все чаще работал на поддержание видимости функционирования и стабильности номенклатуры, а не на эффективное достижение качественных общественных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декреты Советской власти. Т. I. — Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. — 640 с.
2. Лунев А.Е. Контрольные полномочия Советов депутатов трудящихся // Правоведение, 1963. — № 4. — С. 22–31.
3. О роспуске Учредительного собрания: Декрет ВЦИК от 06.01.1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 15. — Ст. 216.
4. Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1917–1929 гг.) — Москва: Госюриздат, 1957. — 304 с.
5. Государственный и общественный контроль в СССР / под ред. В.И. Туровцева. — Москва: Наука, 1970. — 332 с.
6. Козлитин И.П. Из истории государственного социалистического контроля (1919–1922 гг.) // Вопросы истории. — 1954. — № 12. — С. 11–25.
7. Краткий отчет Народного комиссариата Государственного контроля о деятельности с 25 октября 1917 г. по 1 сентября 1918 г. — Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975). Сборник документов. — Москва: Политиздат, 1975. — С. 52–59.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 4 т. Т. 2. — Москва: Госполитиздат, 1954. — 676 с.
9. Циркуляр ЦК РКП(б) о связи КК — РКИ с рабселькоровскими и селькоровскими организациями от 27.01.1925 г. — Справочник работника КК-РКИ [Текст]: Руководящие материалы и директивы о работе органов КК-РКИ / ВКП(б). ЦКК ВКП(б) — НК-РКИ СССР. — Москва; Ленинград: Техника управления, 1931. — С. 78–196 с.
10. Об освещении работы ЦКК — РКИ в прессе: Приказ НК РКИ СССР от 13.07.1925 г, которым устанавливался обязательный порядок участия всех инспекций, секций и отделов НК РКИ СССР и РСФСР в коммуникации со СМИ. — Деятельность органов партийно-государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата [Текст]: (От XII до XVI съезда партии): Сборник документов / Центр. гос. архив Октябрьской революции, высш. органов гос. власти и органов гос. управления СССР. Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории советского общества. — Москва: Мысль, 1964. — 335 с.
11. О работе ЦКК — РКИ: Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК от 09.08.1927 г. — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 4 т. Т. 3. — Москва: Госполитиздат, 1954. — 692 с.
12. Об организации Комиссии исполнения при Совете Народных Комиссаров Союза ССР: Постановление ЦИК и СНК СССР от 24.12.1930 г. // СЗ СССР. — 1931. — № 2. — Ст. 18.
13. Рудзутак Я.Э. О партийном и советском контроле в новых условиях // За темпы, качество, проверку. — 1934. — № 2. — С. 2–6.
14. Об образовании Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров Союза ССР: Постановление ЦИК и СНК СССР от 11.02.1934 г. // СЗ СССР. — 1934. — № 9. — Ст. 58.
15. Резолюция XVII съезд ВКП(б) по отчету ЦКК — РКИ от 1 февраля 1934 г. — Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971) [Текст]. — 8-е изд., испр. и доп. — Москва: [б. и.], 1970. — Т. 5. — 1971. — 479 с.
16. Тарасов А.М. Государственный контроль в советский период: его сущность и этапы развития // Записки горного института. — 2003. — Том 154. — С. 281–287.
17. Тарасов А.М. Становление государственного контроля в Советской России // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 4 (48). — С. 98–107.
18. Конституция (основной закон) 1936 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. — 1936. — 6 декабря. — № 283.
19. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971) [Текст]. — 8-е изд., испр. и доп. — Москва: [б. и.], 1970. — Т. 5: 1931–1941. Т. 5. — 1971. — 479 с.
20. Об образовании Народного комиссариата Государственного контроля СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 06.09.1940 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1940. — № 31.
21. Афонин М.А. Государственный и общественный контроль на современном этапе // Советское государство и право. — 1961. — № 11. — С. 23–34.
22. О преобразовании Комиссии советского контроля Совета Министров СССР в союзно-республиканский орган СССР — Комиссию государственного контроля Совета Министров СССР (Госконтроль СССР): Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.07.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1961. — № 30. — Ст. 321.
23. Об утверждении указов Президиума Верховного Совета СССР Об образовании всесоюзного объединения Совета Министров СССР «Союзсельхозтехника», О преобразовании Комиссии советского контроля и Об образовании и преобразовании государственных комитетов Совета Министров СССР и о внесении изменений и дополнений в статью 70 Конституции (основного закона) СССР: Закон СССР от 08.12.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1961. — № 50. — Ст. 507.
24. О развитии экономики СССР и перестройке партийного руководства народным хозяйством: Постановлении Пленума ЦК КПСС 19–23 ноября 1962 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971) [Текст]. — 8-е изд., испр. и доп. — Москва: [б. и.], 1970. — Т. 8: 1959–1965. Т. 8. — 1972. — 566 с.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИОННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МЕНЕДЖЕРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

SPECIFICS OF MANAGERIAL COMMUNICATION COMPETENCIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION

**N. Pisarevskaya
I. Tolmacheva
V. Kozhina**

Summary. This article examines the evolution of leadership communication competencies in the context of rapid digital transformation. The authors analyze the challenges posed by the digital environment, such as information overload, the need to communicate information through multiple channels, and remote interactions. They identify competencies of the modern manager, including digital literacy, adaptive communication, emotional intelligence, team attention management, and trust-building in the digital environment. They conclude that traditional leadership communication models need to be transformed and integrated with new competencies needed to optimize interactions in the digital space. The authors also present the results of a survey of managers on the relevance of optimizing and developing the communication competencies of modern leaders in the context of digitalization.

Keywords: communication competencies, manager, digital transformation, communication, remote interaction, digital literacy, hybrid format.

Писаревская Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
АНОВО «Московский международный университет»
n-pisarevsk@mail.ru

Толмачева Ирина Вильевна

кандидат экономических наук, доцент,
АНОВО «Московский международный университет»
i.tolmacheva@mtu.ru

Кожина Вероника Олеговна

кандидат экономических наук, доцент,
АНОВО «Московский международный университет»
v.kozhina@mtu.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция коммуникационных компетенций лидера в контексте стремительных цифровых трансформаций. Авторы проводят анализ вызовов, порождаемых цифровой средой, таких как информационная перегрузка, необходимость в трансляции информации посредством различных каналов, дистанционный формат взаимодействия и т.д. Выделяются компетенции современного менеджера, к которым относятся цифровая грамотность, адаптивность коммуникации, эмоциональный интеллект, управление вниманием коллектива и построение доверия в цифровой среде. Делается вывод о необходимости трансформации классических моделей коммуникации лидера и их синтезе с новыми компетенциями, необходимыми для оптимизации взаимодействия в цифровом пространстве. Приводятся результаты опроса менеджеров об актуальности оптимизации и развития коммуникационных компетенций современного руководителя в условиях цифровизации.

Ключевые слова: коммуникационные компетенции, менеджер, цифровые трансформации, коммуникация, дистанционное взаимодействие, цифровая грамотность, гибридный формат.

Цифровая трансформация, понимаемая как интеграция цифровых технологий во все сферы и процессы общественной жизни, ведет к кардинальным изменениям подходов к осуществлению бизнес-процессов и оптимизации систем управления. Данные процессы напрямую связаны с таким феноменом, как «цифровая экономика», под которым понимается деятельность, «в которой ключевыми факторами производства являются данные, представленные в цифровом виде, а их обработка и использование в больших объемах, в том числе их образование, позволяет по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность, качество и производительность в различных видах производства при хранении, продаже, доставке и потреблении товаров и услуг» [1]. В основе цифровой экономики лежат инновационные и коммуникационные технологии такие, как большие данные,

искусственный интеллект, и т.д., а цифровизация бизнес-процессов становится определяющим фактором существования и конкурентоспособности в экономическом пространстве. Подобные трансформации обуславливают необходимость в оптимизации бизнес-процессов на всех уровнях от операционной деятельности и стратегического планирования до подходов к управлению человеческими ресурсами.

В традиционном понимании эффективные менеджеры способны мотивировать сотрудников, выстраивать доверительные отношения внутри команды и вне ее, своевременно выявлять риски и возможности цифровой среды, способствуя повышению конкурентоспособности организации. Однако в условиях цифровых трансформаций одним из основных факторов успешной адаптации организаций к новым условиям наряду

с адаптивностью к изменениям и развитием цифровых навыков, становятся коммуникационные компетенции ее лидеров. Именно развитие навыков межличностной коммуникации, эмоционального интеллекта и эффективного взаимодействия в цифровом пространстве позволяют менеджеру оптимизировать процессы успешного внедрения инноваций, повышения организационной гибкости и эффективного развития бизнеса.

Исследователи указывают, что для менеджмента в цифровой экономике характерно то, что в основе принятия управленческих решений лежит управление на основе обработки больших данных, быстрого анализа и расчета, экспериментирование в больших масштабах. Если в традиционной модели лидерства взаимодействие осуществлялось вертикально, в соответствии с иерархией, т.е. взаимодействие между различными сегментами организации осуществлялось через их руководителей, то с приходом цифровых технологий взаимодействие осуществляется горизонтально, т.е. сотрудники взаимодействуют напрямую друг с другом и с руководителем. При этом основной ценностью становится смысл деятельности, вовлеченность в осуществляемые процессы и свободное выражение мнения [2]. Зарубежные исследователи указывают, что «способность руководить организациями в преодолении трудностей, связанных с интеграцией новых цифровых технологий в бизнес-системы, является ключевым компонентом лидерства в сфере цифровой трансформации компетенции менеджера» [6]. В этих условиях возрастает роль коммуникации как основного инструмента влияния, координации и мотивации. Изменяется и суть коммуникации вследствие смещения временных рамок, увеличения каналов взаимодействия, преобладания публичности при трансляции информации, сокращения границ между внутренней и внешней аудиторией. Однако традиционные компетенции руководителей, заключающиеся в навыках публичных выступлений, ораторского мастерства и выстраивания непосредственного межличностного взаимодействия сегодня оказываются недостаточными, а «успех в сфере цифровой коммуникации требует адаптации к быстро меняющимся технологическим трендам, постоянного улучшения качества контента и обеспечения согласованности при взаимодействии на различных онлайн-платформах, эффективный менеджмент коммуникации является ключевым фактором функционирования современной организации в digital-пространстве» [4, с. 194].

Распространение дистанционного и гибридного форматов осуществления деятельности обуславливает необходимость в обеспечении вовлеченности коллектива в реализуемые процессы, трансляции основ организационной культуры и минимизации ощущения изолированности у сотрудников, для чего современному лидеру необходимо обладать навыками взаимодействия на различных платформах и в различных форматах, например,

общение в мессенджерах, организация внутрикорпоративных видеоконференций и т.д. Большое значение для современного менеджмента имеет понимание мультимедийности коммуникации, т.е. навык адаптации тона, длины и стиля сообщения под конкретный цифровой канал и целевую аудиторию. Так, например, сообщение о смене приоритетов компании может быть представлено как краткий тезис в системе автоматизации бизнес-процессов, как структурированное разъясняющее письмо в электронной почте или как вдохновляющее видеообращение к сотрудникам. Также следует учитывать, что в деловой коммуникации происходит переход от монологических, формальных сообщений к диалогическим, неформальным и визуально насыщенным форматам взаимодействия, повышающим уровень вовлеченности в коммуникацию и предполагающим получение обратной связи от собеседников. Так, создается новая гибридная модель коммуникации, включающая синтез классического общения в коллективе и интеграцию во взаимодействие цифровых технологий. Данные аспекты непосредственно воздействуют на построение цифрового доверия, т.е. доверия к цифровым ресурсам, безопасности совершаемых действий, конфиденциальности распространяемых данных и т.д. посредством прозрачности, последовательности, надежности и человечности лидера, проявляющихся в готовности делиться информацией, обсуждать сложности, неудачи в режиме, приближенном к реальному времени для сокращения возможности искажения информации и распространения фейков.

В условиях ограниченности невербальных коммуникаций при цифровом общении от лидера требуется способность распознавать и адекватно реагировать на эмоциональное состояние собеседников. Например, понимание тональности текстовых сообщений, распознавание признаков стресса, усталости, демотивации по голосу и мимике при видео звонке и т.д., а также способность проявлять эмпатию в ходе осуществления цифрового взаимодействия. Вследствие необходимости создания и поддержания цифровой репутации и имиджа организации, менеджеру следует учитывать, что любое его высказывание, размещенное в цифровой среде, может быть растиражировано, сохранено, вырвано из контекста и представлено в новом свете, что повышает необходимость в осознанности, постоянном контроле и точности формулировок каждой фразы и отказ от импульсивных и эмоционально заряженных публикаций или ответов, которые могут нанести ущерб его репутации или климату в команде, как в ходе осуществления внешней, так и внутренней коммуникации. Как отмечают зарубежные авторы, условиях стремительного технологического прогресса, усиления конкуренции и меняющихся ожиданий потребителей, внутренняя коммуникация становится важнейшим рычагом для преодоления этих вызовов и обеспечения долгосрочного успеха [5].

Сегодня вследствие трансформаций, происходящих в организациях изменяются и стратегии менеджмента, например, в рамках проектной деятельности может использоваться Agile-модель управления командой, также следует учитывать, что «модель цифровой трансформации управления человеческими ресурсами в организации основана на управлении развитием человеческими ресурсами, управлении коммуникационными процессами, анализе результатов деятельности и направлена на повышение компетентности работников, ускорение процесса обмена информацией и повышение результативности» [3, с. 143]. Так посредством цифровых ресурсов происходит оптимизация взаимодействия в коллективе, как в соответствии с установленной иерархией, так и по горизонтали между сотрудниками, реализующих общие задачи. В подобных условиях использование четких и мотивирующих коммуникационных стратегий способствует повышению лояльности сотрудников, эффективности их деятельности, постоянному самосовершенствованию и, как следствие, формированию адаптивной и инновационной рабочей среды.

Таким образом, цифровые трансформации коммуникационной сферы приводят к изменениям делового взаимодействия и, как следствие, обуславливают необходимость развития менеджерами традиционных навыков, таких как эмоциональный интеллект, эмпатия, управление вниманием аудитории и т.д. и их дополнения новыми цифровыми компетенциями.

Для подтверждения значимости исследования и проверки теоретических положений нами был проведен опрос, в котором приняли участие 30 менеджеров (12 мужчин, 18 женщин) разного уровня, осуществляющих деятельность в различных сферах.

При ответе на вопрос о формате осуществления профессиональной деятельности большинство респондентов (60 %) указали, что осуществляют свою деятельность в гибридном формате, 27 % работают в офисе с использованием цифровых технологий, таких как электронная почта, мессенджеры, видеоконференции и т.д., 13 % — удаленно, что указывает на то, что при любом формате осуществления трудовой деятельности сегодня для коммуникации в коллективе задействуются цифровые технологии.

При этом респонденты отмечают изменение требований к коммуникации менеджера. Так, большинство (47 %) опрошенных указали на существенные трансформации, требующие адаптации старых подходов к взаимодействию, 43 % подчеркнули необходимость развития новых компетенций, 10 % указали только на необходимость адаптации к изменению каналов коммуникации, что указывает на понимание менеджерами необходимости не только осуществления коммуникации в циф-

ровой среде, но и освоения новых компетенций, связанных с осуществлением взаимодействия в цифровом пространстве.

При ответе на вопрос о способах повышения эффективности трансляции сообщений, содержащих сложную информацию, респонденты указали, что разъясняют суть вопроса на офлайн-встрече и дополняют ее рассылкой электронных писем (45 %), 40 % используют рассылку электронного письма с включением видео презентации, 10 % используют только электронные письма от имени руководителя, а 6 % делегируют разъяснение сложных вопросов специалисту по конкретному вопросу.

Обратную связь менеджеры предпочитают давать сотрудникам в чате или при помощи голосовых сообщений (40 %), на еженедельных встречах (33 %), публично в общем чате (17 %), только в рамках очных встреч (10 %). При получении обратной связи от коллектива респонденты в первую очередь ориентируются на точность и детальность информации (33 %), скорость реакции (30 %), формальное соблюдение регламента (27 %), тон и эмоциональный посыл (10 %). Таким образом, менеджеры отдают предпочтение эффективности и оперативности коммуникации с сотрудниками и соблюдению регламентов взаимодействия посредством цифровых каналов.

При ответе на вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа об основных коммуникационных вызовах респонденты указали необходимость поддержания вовлеченности и мотивации коллектива дистанционно (80 %), управление эмоциональным фоном команды при отсутствии личного контакта (63 %), освоение инновационных технологий взаимодействия (63 %), эффективное проведение онлайн-встреч (57 %), дистанционное выстраивание личных связей и доверия (40 %), дистанционная трансляция корпоративной культуры и организационных ценностей (33 %). В своей способности понимать эмоции команды в ходе дистанционного взаимодействия уверены только 13 % респондентов, 17 % признаются, что совершенно не понимают чувств собеседника при подобном формате коммуникации, а 70 % указали средний уровень цифрового эмоционального интеллекта.

Таким образом, основными коммуникационными вызовами наравне с использованием цифровых ресурсов, становятся социально-психологические аспекты взаимодействия, включающие навыки эмоционального лидерства и построение корпоративной культуры в цифровом пространстве. Культуру цифрового общения в команде менеджеры формируют различными способами: посредством регламентирования коммуникации и договоренности о правилах взаимодействия (40 %), личным примером уважительного отношения ко вре-

мени делового взаимодействия (35 %). При этом 20 % опрошенных не регламентируют взаимодействие, а 5 % пресекают неформальное общение на корпоративных цифровых ресурсах. Так, успешное выстраивание корпоративной культуры в цифровой среде требует от менеджеров комплексного подхода, в котором органично сочетаются установление регламентов взаимодействия и социально-психологические аспекты деловой коммуникации, а также соблюдается их баланс.

При ответе на вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа о способах развития навыков цифрового взаимодействия, респонденты указали следующее: проведение гибридных встреч со смешанным форматом присутствия участников (93 %), определение эмоций собеседников и адаптация стиля общения при взаимодействии с использованием видео (83 %), создание коротких мотивирующих видеообращений (73 %), публичные онлайн выступления (60 %), написание вдохновляющих текстов (47 %), ведение асинхронной коммуникации (40 %).

Для развития навыков взаимодействия в цифровой среде 49 % респондентов предпочли посещение практических мастер-классов, 27 % разбор кейсов и лучших практик, 17 % — обмен опытом с коллегами, 7 % — использование гайдов, чек-листов. Таким образом, респонденты демонстрируют четкое понимание необходимости развития компетенций для использования в своей деятельности цифровых инструментов и форматов. При этом наиболее эффективными для развития цифровых компетенций управления респонденты считают практико-ориентированный подход освоения навыков, таких как управление вовлеченностью коллектива

при гибридном формате взаимодействия, развитие эмоционального интеллекта в цифровой среде и навыков воздействия при коммуникации посредством каналов, транслирующих контент различных форматов.

Таким образом, цифровые инструменты коммуникации стали неотъемлемой частью осуществления деятельности современного коллектива. Как следствие, с переходом взаимодействия в цифровую среду трансформируются и требования к профессиональным компетенциям менеджера. Если к технической эксплуатации цифровых каналов коммуникации современные управленцы адаптировались, то сложности в управлении социально-психологической динамикой коллектива, эмоциональной составляющей и вовлеченностью в гибридной коммуникационной среде требуют развития и поддержания необходимых коммуникационных компетенций и навыков цифрового лидерства. Так, современному менеджеру необходимо органично входить в цифровую среду, развивать навыки работы с цифровыми данными, обладать критичностью мышления, корректно выбирать каналы коммуникации (электронные письма, мессенджеры и т.д.), развивать навыки подготовки текстовых материалов, соответствующих решению задач и целей коммуникации, создавать смыслы и управлять вниманием коллектива в условиях информационной перегрузки, а также выстраивать и поддерживать авторитет посредством внутренних и внешних цифровых каналов взаимодействия и т.д. Таким образом, эффективность современного лидера определяется органичным сочетанием традиционных управленческих навыков и цифровых компетенций, а также корректным использованием инструментов и тона взаимодействия, как в рамках внутренней, так и внешней коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ (дата обращения 10.11.2024)
2. Губанова, А.В. Цифровое лидерство как инструмент управления в цифровой экономике // *Экономические системы*. — 2021. — Т. 14, № 4. — С. 69–78.
3. Кравченко, Е.Ю. Выявление взаимосвязи стратегии управления человеческими ресурсами и цифровой трансформации организаций / Е. Ю. Кравченко, И.С. Болотова, М.М. Крутиков // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. — 2025. — № 3(112). — С. 137–146.
4. Писаревская, Н.С. Эффективный менеджмент коммуникации в digital пространстве / Н.С. Писаревская, И.В. Толмачева, В.О. Кожина // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. — 2024. — № 11. — С. 191–194.
5. Bukola L. Oloba, Toyosi M. Olola, Amina C. Ijiga, *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 2024, 23(03), 2020–2040. URL: <https://wjarr.com/sites/default/files/WJARR-2024-2689.pdf> (Дата обращения: 17.01.2026)
6. Sacavém, A.; de Bem Machado, A.; dos Santos, J.R.; Palma-Moreira, A.; Belchior-Rocha, H.; Au-Yong-Oliveira, M. *Leading in the Digital Age: The Role of Leadership in Organizational Digital Transformation*. *Adm. Sci.* 2025, 15, 43. URL: <https://www.mdpi.com/2076-3387/15/2/43> (Дата обращения: 17.01.2026)

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru); Толмачева Ирина Вильевна (i.tolmacheva@mmu.ru); Кожина Вероника Олеговна (v.kozhina@mmu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ УПРАВЛЯЕМОГО ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

Рубцова Анна Васильевна

Соискатель, Санкт-Петербургский университет
rubcovaanna42@gmail.com

Рубцова Мария Владимировна

Д.с.н., профессор, Санкт-Петербургский университет
abc33@yandex.ru

THE CONCEPT OF MANAGEABLE SPACE IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

**A. Rubtsova
M. Rubtsova**

Summary. This article explores the concept of governed space in the sociology of governance as a specific configuration of social interactions within which actors agree on and implement shared goals. Governed space is understood not geographically, but as a specific area of possible interactions and meanings. Drawing on E. Goffman's ideas on the «order of interaction», P. Sztompka's concept of social practices, and D. Riesmann's typology of society, the connection between personal governed spaces and macrosocial forms of governance is substantiated. It is argued that, in the context of digitalization and the development of algorithmic systems, governed spaces are becoming hybrid and fragmented, enhancing the theoretical and practical significance of analyzing governed space as a social category describing the stability and transformation of social systems.

Keywords: managed space; sociology of management; social interaction; social practices; personal managed space; digitalization; algorithmic management; social manageability.

Аннотация. В статье раскрывается понятие управляемого пространства в социологии управления как особой конфигурации социальных взаимодействий, в рамках которой субъекты согласуют и реализуют совместные цели. Управляемое пространство понимается не географически, а как специфическая область возможных взаимодействий и смыслов. На основе идей Э. Гоффмана о «порядке взаимодействия», концепции социальных практик П. Штомпки и типологии общества Д. Рисмана обосновывается связь между личными управляемыми пространствами и макросоциальными формами управления. Аргументируется, что в условиях цифровизации и развития алгоритмических систем управляемые пространства становятся гибридными и фрагментированными, что усиливает теоретическую и практическую значимость анализа управляемого пространства как социальной категории, описывающей устойчивость и трансформацию социальных систем.

Ключевые слова: управляемое пространство; социология управления; социальное взаимодействие; социальные практики; личное управляемое пространство; цифровизация; алгоритмическое управление; социальная управляемость.

Современная социология управления активно переосмысливает категории, связывающие индивидуальные и институциональные формы управления. Одним из таких понятий становится управляемое пространство. В социологическом контексте пространство понимается не географически, а как специфическая область возможных взаимодействий и смыслов. Каждый человек может рассматриваться как субъект управления, действующий в рамках собственного управляемого пространства как особой конфигурации возможных взаимодействий «здесь и сейчас»¹.

Понятие управляемого пространства основывается на идее, что социальное управление не сводится к административным или институциональным процедурам, но пронизывает все уровни общественной системы — от микроуровня межличностных связей до макроструктурных форм организации общества. Управляемое пространство не представляет собой простую совокуп-

ность институциональных форм. Оно возникает и воспроизводится в повседневных практиках, когда субъект управления, анализируя исходные данные, инициирует управленческие решения, стремясь смягчить непредсказуемость многосубъектной социальной среды и сохранить управляемость социальных взаимодействий. При этом его объектом управления является форма и содержание социального взаимодействия. Управляемость актуализируется только во взаимодействии, однако субъекты стремятся создать свое управляемое пространство, закрепляя способы его организации и функционирования через систему социальных норм².

Субъект управления действует не в изолированном «внутреннем мире», а в «порядке взаимодействия», структурированном ожиданиями, взаимным наблюдением и координацией действий участников. Взаимная наблюдаемость и способность «читать» реакции других позволяют участникам поддерживать непрерывность

¹ Goffman E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address // American Sociological Review, 1983, 48(1), 1–17. <https://doi.org/10.2307/2095141>

² Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // ЖССА. 2013. №2. С. 49–64.

и предсказуемость совместного действия, превращая управляемое пространство в результат их совместного конструирования, а не индивидуального произвола. Через процессы выработки общего основания (common ground) участники создают совместно разделяемое понимание ситуации, которое и задаёт рамки управляемости³.

Возникновение личного управляемого пространства субъекта неразрывно связано с многообразием практик, формирующихся как в повседневной жизни, так и в управленческой деятельности. Эти практики создают своеобразную «ткань» социального взаимодействия, в которой индивидуальные действия сопрягаются с институциональными структурами и культурными нормами. По определению П. Штомпки, практика представляет собой особое пространство — «место встречи» операций и действий, где осуществляется диалектический синтез между тем, что происходит в обществе, и тем, что делают его участники⁴. В этом смысле практика выступает не просто способом деятельности, но и механизмом конструирования социального пространства субъекта. Таким образом, социальная среда может быть осмыслена как совокупность множественных и пересекающихся пространств, каждое из которых раскрывается через определённые типы практик — трудовых, коммуникативных, управленческих, повседневных⁵. Эти пространства формируют контуры личного управления и самоорганизации, в которых человек не только действует, но и конструирует собственную социальную реальность.

Практики управляемого взаимодействия порождают феномен личных управляемых пространств субъектов. В современном обществе люди выстраивают личный бренд, осуществляя коммуникативное управление своей аудиторией⁶. Личное управляемое пространство можно определить как форму включенности субъекта в социальное пространство, основанную на реальных субъект-субъектных взаимодействиях в повседневной жизни и сохраняющую потенциал управляемости этих взаимодействий. Такое пространство становится операциональным контуром социальной активности индивида, где актуализируется управление собственной деятельностью, опирающееся на опыт предшествующих социальных контактов и практик.

Возникновение личных управляемых пространств неразрывно связано с более широкими процессами

³ Goffman E. *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. — Chicago: Aldine Publishing Company, 1967. — 270 p

⁴ Штомпка П. *Социология социальных изменений*. М., 1996. С. 272.

⁵ Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // *ЖССА*. 2013. №2. С. 49–64.

⁶ Гавра Д.П., Цыпкин А.Е. Коммуникация личного бренда в социологических теориях // *Коммуникология*. 2025. 13(4). С. 87.

трансформации общества. В этом контексте показательной является теория Д. Рисмана, раскрывающая переход от традиционного общества к обществу внутреннего, а затем внешнего управления. Подход Рисмана интересен тем, что он связывает особенности общественной динамики с двумя ключевыми измерениями — культурным (специфика норм, ценностей и форм поведения) и демографическим (изменение структуры населения под влиянием социально-экономических факторов).

Прогресс науки в XVIII веке, прежде всего естественных дисциплин, привёл к значительным улучшениям в областях здравоохранения, питания и быта, изменив динамику общественного развития. На основании этого критерия Рисман выделяет три типа общества:

Традиционное общество, в котором поведение индивидов регулируется устойчивыми моделями поведения. Здесь преобладают аграрные отношения, профессия наследуется, а свобода выбора крайне ограничена.

Общество, «управляемое изнутри», формируется с процессами индустриализации и роста социальной мобильности. Здесь индивид опирается на внутренние ценности, выработанные в процессе социализации, и проявляет большую самостоятельность в принятии решений.

Общество, «управляемое извне», характерно для постиндустриальной стадии, в которой преобладают сфера услуг, маркетинг и коммуникационные практики. Деятельность человека в значительной степени ориентируется на мнение «других» — коллег, друзей, профессиональных или референтных групп, представляющих внешние источники оценки.

В обществе, «управляемом извне», успех и адаптация индивида требуют постоянной переквалификации и освоения новых инструментов взаимодействия. Появляются многослойные механизмы приспособления к динамичной социальной среде. Индивид вынужден выстраивать новые модели поведения, учитывая ожидания значимых групп и общественные нормы, поставляемые извне (по отношению к нему)⁷. Следует отметить, что этот современный тип общества существенно ограничивает свободу индивида и сужает его управляемое пространство, так как он вынужден постоянно ориентироваться на меняющееся мнение «других»

В этой перспективе личное управляемое пространство выступает как форма компенсации внешней зависимости современного субъекта. Оно становится условием его автономии в обществе, где внешние регу-

⁷ Riesman D., Glazer N., Denney R. *The Lonely crowd: a study of the changing American character*. Yale University Press., 2001.

ляторы поведения множатся и становятся всё более размытыми. Таким образом, типология Д. Рисмана позволяет объяснить не только историческую эволюцию форм управляемых пространств, но и современную актуализацию концепции «личного пространства» как инструмента саморегуляции и самоидентификации в изменчивом социальном контексте.

Анализ управляемости позволяет выделить несколько уровней управляемых пространств, каждый из которых обладает определенной логикой функционирования: *институциональное пространство* включает формальные структуры, например, системы государственного и корпоративного управления, а также механизмы их нормативно-правового регулирования; *коммуникативное пространство*, которое реализуется через процессы обмена информацией, согласования интересов и коллективного принятия решений, в том числе в сетевых и цифровых форматах; *личное пространство*, которое отражает способность индивида к саморегуляции и стратегическому управлению собственным поведением, опираясь на опыт социальных взаимодействий и интериоризацию социальных норм. Такая типология позволяет рассматривать управляемое пространство как многоуровневую систему, в которой индивидуальные и коллективные практики взаимно структурируют друг друга, а границы между уровнями подвижны и зависят от контекста. Это делает «управляемое пространство» понятием, которое можно использовать, описывая как формальное, так и неформальное управление в современных обществах.

В условиях цифровизации и распространения сетевых форм коммуникации управляемые пространства становятся более нечеткими и фрагментированными. Управленческие функции передаются не только множеству субъектов (от крупных государственных струк-

тур и корпораций до мало заметных операторов), но и множеству технических объектов — алгоритмическим системам и платформам, что усиливает значимость анализа гибридных форм управляемости, сочетающих человеческое и машинное принятие решений.

Подводя итог, отметим, что в социологии управления управляемое пространство, в целом, определяется как арена действия субъектов, на которой они достигают совместно согласованных целей⁸. Это понятие связано с идеей создания субъектами личных управляемых пространств, которые в совокупности формируют совместные управляемые пространства, заполняющие социальное пространство.

Понятие управляемого пространства в социологии управления позволяет системно описывать процессы координации, власти и самоорганизации в современном обществе. Оно фиксирует переход от статичных, иерархически организованных моделей к динамическим, сетевым и рефлексивным формам управляемости. Управляемое пространство может быть понято не как статичная, а как процессуальная категория, отражающая способность социальных систем и субъектов поддерживать устойчивость и воспроизводство при постоянных изменениях социальных условий и технологий коммуникации. Но проблематичность сохранения человеческой субъектности в цифровом обществе с его доминированием сетей, алгоритмов и искусственного интеллекта, может изменить социальные технологии конструирования управляемых пространств в будущем.

⁸ См. близкую концепцию публичных арен в Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Хрестоматия. Сост. Н.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. С. 18–53.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавра Д.П., Цыпкин А.Е. Коммуникация личного бренда в социологических теориях // Коммуникология. 2025. 13(4). С. 86–96. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2025-13-4-86-96>
2. Иванов О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // ЖССА. 2013. №2. С. 49–64.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
4. Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Хрестоматия. Сост. Н.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. С. 18–53.
5. Goffman E. The Interaction Order: American Sociological Association, 1982 Presidential Address // American Sociological Review, 1983, 48(1), 1–17. <https://doi.org/10.2307/2095141>
6. Goffman E. Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior. — Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.
7. Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely crowd; a study of the changing American character. New Haven, 2001.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ И СУЖДЕНИЯ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Барнаульская духовная семинария
sverhtitan@rambler.ru

TRADITIONAL VALUES OF THE YOUNG GENERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL SOCIOCULTURAL CHANGES: SCIENTIFIC APPROACHES AND JUDGMENTS

V. Skopa

Summary. This article examines key aspects of the formation of civic identity among modern youth through the lens of traditional value systems. It analyzes factors influencing the development of the younger generation's worldview in an era of social transformations and information uncertainty. The theoretical novelty of this work lies in its comprehensive approach to studying transformation processes among young people, where traditional values are reinterpreted and adapted to contemporary realities. The research methodology is based on an interdisciplinary approach using sociological, psychological, and cultural methods of analysis. The main findings emphasize the need to create flexible social mechanisms to support young people in the process of civic identity formation.

Keywords: civic identity, social institutions, society, sociocultural transformations, youth.

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты формирования гражданской идентичности современной молодежи через призму традиционных ценностных установок. Анализируются факторы, влияющие на становление мировоззрения молодого поколения в эпоху социальных трансформаций и информационной неопределенности. Теоретическая новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению трансформационных процессов в молодежной среде, где традиционные ценности переосмысляются и адаптируются к современным реалиям. Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе с использованием социологических, психологических и культурологических методов анализа. Основные выводы подчеркивают необходимость создания гибких социальных механизмов поддержки молодежи в процессе формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, социальные институты, общество, социокультурные трансформации, молодежь.

Молодое поколение является наиболее восприимчивой социальной группой к изменениям культурных парадигм и формированию новых социальных норм. Благодаря своим возрастным особенностям и гибкому мировоззрению, молодежь значительно быстрее адаптирует и интегрирует современные ценностные ориентиры. В отличие от других возрастных когорт, представители молодежной среды демонстрируют более динамичное и открытое отношение к трансформациям в культурном пространстве, легко усваивая новые традиции и модели поведения [3, 4]. Существенные различия в способах восприятия и освоения культурных норм между молодежью и другими социальными группами обусловлены их мировоззренческими установками и социальным опытом. Заявленная проблема затрагивает важный аспект воспитания подрастающего поколения — связь между культурным наследием, системой ценностей и осознанием своей принадлежности к обществу и государству [1].

Современные социокультурные условия характеризуются глобализацией, изменением общественных ориентиров и ростом информационного влияния. В этих условиях важно сохранить духовно-нравственные основы общества, где российские традиционные ценности становятся опорой для формирования у подрастающего поколения устойчивого чувства причастности к своей стране, её культуре и народу. Под традиционными ценностями понимаются устойчивые нравственные, культурные и социальные установки, передаваемые из поколения в поколение [12]. К ним относятся: любовь к Родине и готовность служить обществу; уважение к старшим и семейным традициям; трудолюбие и ответственность; духовность и моральная устойчивость; справедливость и взаимопомощь.

Современное российское общество находится в состоянии неопределенности, что влияет на формирование и воспроизводство определённого отношения к социальной реальности. Это проявляется в таких фено-

менах, как архетипы, менталитет, привычные модели поведения, стереотипы. Именно они формируют представление человека о себе и других, создавая основу деления на «своих» и «чужих» в межличностных и общественных взаимодействиях [6, 10]. Подобные процессы оказывают заметное влияние на символическое восприятие окружающего мира и лежат в основе сложных социокультурных преобразований, происходящих на разных уровнях человеческого бытия. В связи с этим особую значимость приобретает анализ факторов социокультурного риска, формирующих идентификационные процессы в современном обществе.

Традиция в данном контексте понимается как исторически сложившаяся, устойчивая форма поведения, способ жизнедеятельности и культурная практика, передаваемые из поколения в поколение внутри определённой социальной группы или народа. Она отражает коллективный опыт предков, их ценности, обычаи и нормы, играя ключевую роль в сохранении национальной самобытности и культурной идентичности. К основным характеристикам традиции можно отнести:

- устойчивость — сохранение традиций на протяжении длительного времени благодаря преемственности поколений;
- передачу опыта — передачу накопленных знаний, навыков и нравственных ориентиров молодому поколению;
- коллективную природу — традиции существуют и поддерживаются сообществом, отражая общие представления и верования людей;
- функцию культурной идентификации — осознание принадлежности к конкретной культуре, народу или нации;
- регулирующую роль — традиции служат нормами поведения и общественными регуляторами.

Таким образом, традиция — это важная составляющая общественного сознания, способствующая формированию гармоничной личности и устойчивого, сбалансированного общества.

В соответствии с положениями нормативных документов, определяющих стратегию воспитательной работы в системе образования Российской Федерации, а также на основании междисциплинарных научных исследований, можно выделить ряд ведущих социокультурно обусловленных гражданских традиций, лежащих в основе российского общества. К ним относятся традиции верности и любви к Отчизне, семейных устоев и уважения к предкам, почитания старших, трудолюбия и профессионального мастерства, соборности и коллективизма, а также благотворительности и милосердия [5, 11]. Системообразующей среди них является традиция преданности и любви к малой Родине, которая предполагает активную личную и общественную полезность

на благо своего родного края, верность родительскому дому, знание его истории и уважение к сообществу, среди которого человек вырос.

В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» подчеркивается, что базовые национальные ценности представляют собой основополагающие моральные и нравственные установки, укоренённые в культурных, семейных, социально-исторических и религиозных традициях многонационального народа России. Эти ценности передаются из поколения в поколение, обеспечивая преемственность культурного кода и устойчивое развитие страны в современных условиях. Авторы концепции выделяют следующие базовые национальные ценности: патриотизм, гражданственность, социальную солидарность, семью, труд и творчество, науку, традиционные религии, искусство и литературу, природу и человечество.

Современные социокультурные тенденции, обусловленные процессами цифровизации, оказывают существенное воздействие на сферу ценностных ориентаций, нередко деформируя традиционные гражданские установки и ослабляя механизмы их межпоколенческой передачи [7, 13]. В педагогической среде всё чаще появляются различные идеологические направления, обозначенные как «цифровые романтики», «технократы» и «алармисты». Несмотря на внешнюю привлекательность «реформаторского» подхода, рассматривающего воспитание преимущественно через призму репутационного и инновационного капитала, данная позиция нередко нивелирует роль духовно-нравственных традиций и преемственности отечественной педагогической школы [2, 4, 5].

Между тем, стратегические ориентиры современного российского воспитания указывают на необходимость сохранения и укрепления традиционных ценностей как основы формирования гражданской идентичности и социальной стабильности. Именно они обеспечивают связь между поколениями, способствуют развитию чувства ответственности, патриотизма, исторической памяти и любви к Родине.

Актуальные идеи о значимости ценностной преемственности представлены в философии И.А. Ильина. В работе «О русской идее» мыслитель констатировал кризис преемственности духовных и нравственных ориентиров, что ведёт к системному деформационному изменению общественного сознания [8]. По мнению Ильина, образование не может выполнять свою подлинную функцию без воспитательного компонента. Знания, не подкреплённые нравственными принципами, не делают человека полноценной личностью и гражданином. Приоритетом системы образования, по его убеждению, должно стать воспитание духовной культуры, внутрен-

него достоинства, чести, совести, патриотизма и способности различать добро и зло. Без этого невозможно устойчивое развитие страны и её народа. Таким образом, перед современной Россией стоит ответственная задача — выстраивание системы образования, способной воспитывать поколение граждан, осознающих свою ответственность перед Родиной и живущих в соответствии с духовными и культурными традициями своего народа. От успешного решения этой задачи зависит будущее государства и его место в мировом сообществе.

Ценности, по определению Т.А. Ромм, являются интегративными характеристиками коллективных представлений, сложившихся в ходе социокультурного и исторического развития общества. Они служат эталоном должного и отражают общественные идеалы, регулирующие социальное поведение людей [11]. Согласно С.О. Буранок, в структуре ценностного сознания можно выделить три взаимосвязанные группы феноменов: общественно признанные идеалы; их объективацию в конкретных действиях и результатах человеческой деятельности; а также личностные мотивации, побуждающие индивида реализовывать данные ценности в повседневной жизни [1]. Наиболее значимой для научного анализа является именно последняя группа, так как она раскрывает механизмы формирования личной мотивации и поведения.

Ценности выполняют роль своеобразного критерия, на основании которого человек принимает решения и оценивает окружающую действительность. Они выступают фундаментом системы мотивации, охватывая базисные моральные установки, нормы, предпочтения и убеждения. Ценности определяют восприятие реальности, служат внутренними ориентирами и формируют образ желаемого поведения, становясь мощным регулятором личной и общественной активности.

В современных научных исследованиях традиционные ценности рассматриваются как стабилизирующая основа общества и фактор защиты национального культурного кода. Володина Л.А. связывает их происхождение с историческими, природно-климатическими и социально-экономическими условиями жизни русского народа [2]. Гилязова О.С. считает, что традиционные ценности адаптируются в зависимости от исторического контекста, оставаясь при этом инструментом противодействия глобализационным процессам и утрате культурной идентичности [3]. Грохольская О.Г. подчёркивает, что традиционные духовно-нравственные ценности обеспечивают преемственность поколений, выступая хранителями исторической памяти и духовного потенциала общества.

Современные исследователи трактуют понятие традиционных ценностей через различные социокультур-

ные и педагогические аспекты. Так, Кузьмина определяет их как культурные и семейные нормы, формирующие уклад жизни детских творческих коллективов в учреждениях дополнительного образования. Приобщение к этим ценностям, по её мнению, является ключевым элементом взаимодействия взрослых и детей, создавая основу для гармоничного развития личности ребёнка и укрепления межпоколенческих связей. Мочалова Н.Ю. и С.В. Ольховикова рассматривают традиционные ценности сквозь призму феномена «семейного мифа», который они понимают как механизм реконструкции и передачи нравственных ориентиров в современной семье. Семейный миф формируется на основе общих историй, воспоминаний и символов, закрепляющихся в сознании членов семьи и служащих инструментом поддержания культурной идентичности.

Сафронов Н.А. и А.В. Выходцева определяют традиционные ценности как основополагающие принципы, способствующие сохранению культурного наследия, поддержанию нравственных норм и укреплению социальных связей. По их мнению, эти ценности оказывают влияние не только на духовную, но и на экономическую сферу общества, формируя моральные основы честного труда и социальной ответственности. По интерпретации Н. В. Севрюковой, традиционные ценности России воплощаются в народных художественных традициях, таких как народная игрушка, которая используется в образовательных целях для развития творческого потенциала ребёнка, воображения и эстетического восприятия.

Яковлев С.В. обращается к философскому аспекту, определяя традиционные ценности как систему норм и ориентиров, которые передаются из поколения в поколение и служат основой для идентификации личности с обществом. По его мнению, именно традиции, язык и культура составляют основу национальной идентичности, обеспечивая преемственность и культурную устойчивость народа. В совокупности эти интерпретации отражают доминирующее понимание традиционных ценностей как системообразующего компонента духовно-нравственного и социального развития российского общества. Как отмечают О.В. Гукаленко традиционные ценности включают разнообразные сферы человеческой жизни: культурное и историческое наследие, патриотизм, гражданственность, духовно-нравственные установки, семейные и трудовые ценности, образовательные и экологические ориентиры, а также ценности научно-технологического развития и информационной культуры [5]. Эти группы ценностей образуют целостную систему, обеспечивающую стабильность общества и воспитание ответственных граждан.

Ценности, как отмечается в ряде фундаментальных исследований, представляют собой интегративные характеристики коллективного сознания, отражающие идеа-

лы общества и служащие эталоном должного поведения [9]. В соответствии с действующими нормативными документами стратегическим приоритетом современной системы образования в России является формирование российской гражданской идентичности обучающихся на основе традиционных ценностей. Это положение закреплено в Концепции воспитания и развития личности гражданина России в системе образования, Стратегии развития воспитания в Российской Федерации.

Сущность традиционных ценностей логично рассматривать через функциональный подход, в рамках которого они выполняют три ключевые функции:

преемственность (передача культурных норм и моделей поведения между поколениями),

объединение (консолидация общества вокруг общих идей и нравственных ориентиров)

сохранение идентичности (укрепление культурного кода и исторической памяти).

Такой подход позволяет снять идеологическую нагрузку с самого понятия «традиционные ценности» и рассматривать его как социокультурный инструмент функционирования общества.

В масштабных социокультурных изменениях принципиально важна тенденция, заключающаяся в том, что традиционные нормы представляют собой не статичный артефакт исторического наследия, а динамичный

инструмент духовной самоидентификации и консолидации общества. Они применяют гибкий механизм культурного кода, который не только сохраняет накопленный опыт поколений, но и адаптивно реагирует на современные вызовы, обеспечивая преемственность и целостность национального мировоззрения. Традиционные ценности это ничто иное, как живой, развивающийся организм, который трансформируется, но при этом сохраняет свою сущностную природу, являющуюся фундаментальной духовной самоорганизацией народа. Они (ценности) выступают не застывшим историческим наследием, а гибким механизмом духовной преемственности, который обеспечивает целостность культурного пространства. Молодежь в этом контексте выступает ключевым агентом трансформации и одновременно хранителем культурного кода. Саморазвивающаяся природа традиционных ценностей находит свое наиболее яркое воплощение именно через призму восприятия и интерпретации молодого поколения, которое не только наследует, но и переосмысливает культурные парадигмы.

Таким образом, традиционные ценности выступают не просто как результат исторического опыта, но и как механизм духовной самоорганизации нации. Их симуляция или подмена — создание внешне схожих, но лишённых аутентичного содержания форм представляет серьёзную угрозу культурному наследию и нравственному здоровью общества. Подлинные ценности, сформированные историей и опытом поколений, служат духовным ориентиром, обеспечивающим устойчивость социума и развитие государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буранок С.О. Гражданская идентичность и история: результаты всероссийского опроса школьников // *Перспективы науки и образования*. 2022. № 2 (56). — С. 272–287.
2. Володина Л.А. Традиционные ценности семейного воспитания — культурный генофонд России // *Ценности и смыслы*. 2024. № 6 (94). — С. 95–111.
3. Гилязова О.С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // *Социально-политические исследования*. 2024. № 2 (23). — С. 27–45.
4. Гинятуллин И.Д. Традиционные семейные ценности в современной системе образования // *Тенденции развития науки и образования*. — 2024. № 114-1. С. 26–29.
5. Гукаленко О.В. Методология воспитания патриотизма и социальной ответственности обучающихся на основе приобщения к традиционным российским ценностям // *Высшее образование сегодня*. 2024. № 4. — С. 2–9.
6. Друзина О.С. Значение традиционных российских духовно-нравственных ценностей в воспитании отношения к труду и профессии у школьников // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки*. 2024. № 1. — С. 46–52.
7. Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. — 296 с.
8. Ильин И.А. О русской идее // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2007. № 4 (5). — С. 103–107.
9. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 1998. — 314 с.
10. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. — 347 с.
11. Ромм Т.А. Трансформация воспитания в системе высшего образования в интересах сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей // *Сообщение Т. А. Ромм на заседании Бюро Отделения философии образования и теоретической педагогики 29 апреля 2025 г.* — URL: <https://us06web.zoom.us/j/87535054803?pwd=6jhPIf5EDYDIa4atdbuRecXrGIpyvL.1> (дата обращения 15.01.2026).
12. Скопа В.А. Подходы к формированию традиционных ценностей у детей и подростков: социально-педагогический аспект / В.А. Скопа, А. В. Маланичева // *Вестник педагогических наук*. 2024. № 2. — С. 255–260.
13. Тихонова С.В. Ценности, формирующие российскую цивилизационную идентичность: риски и угрозы в области традиционных ценностей // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 3. — С. 37–40.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Adiatullin R. — Head of the Second Department for the investigation of particularly important cases of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan (Kazan)

Baldanov R. — Ph.D. in Law, Urals State Law University; Junior Associate, EPAM Law Firm, Moscow

Belyanina I. — Candidate of Economic Sciences, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education «Moscow International University»

Danilova M. — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Law Academy»

Dashevskii P. — Postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations (ATISO)

Dmitrieva E. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Samara State Technical University

Fatyanov E. — Postgraduate Student, Central Russian Institute of Management — Branch of RANEPA, Orel

Gerasimov M. — St. Petersburg State University of Industrial technology and design

Grigiryants I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Gudkova O. — Doctor of Economics, Associate Professor, Witte Moscow State University (Ryazan branch)

Hamidullina F. — Doctor of Law, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University

Iontsev M. — PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); HSE University

Ivanov G. — Postgraduate, Russian New University, Moscow

Kazantsev I. — Senior lecturer, Private institution — organization of additional professional education «ASMAP Academy», Moscow, Russia; General Director, LLC «ASMAP-Service», Moscow, Russia

Kozhina V. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ANOVO «Moscow International University»

Kulikova Ju. — Candidate of Law Sciences, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of

OUR AUTHORS

the City of Moscow; «Moscow State University of Sports and Tourism» (MGUSiT)

Kulikova O. — Ph. D., associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial technology and design

Kurochkina A. — Applicant, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow; Assistant, North-West Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda

Lazarevskaya Yu. — Senior Lecturer, A.I. Kuindzhi Mariupol State University

Legkodimov A. — graduate student, Autonomous non-profit organization of higher education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Logutova T. — Doctor of Economic Sciences, Professor, A.I. Kuindzhi Mariupol State University

Maradulin A. — National Research University Higher School of Economics; Paralegal, EPAM Law Firm, Moscow

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Morozova S. — graduate student, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Nezamaikin V. — Doctor of Economics, Professor, Russian State Humanitarian University (Moscow)

Nozdrin V. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education «Moscow International University»

Nozdrina Yu. — PhD in Economics, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education «Moscow International University»

Olikhov D. — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Theology, Omsk Theological Seminary of the Omsk Diocese of the Russian Orthodox Church; Associate Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Osipovskaya A. — Candidate of Economic, Associate professor, Russian State Humanitarian University (Moscow)

Pisarevskaya N. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, ANOVO «Moscow International University»

Rubtsova A. — Applicant, St. Petersburg University

Rubtsova M. — Doctor of Science, Professor, St. Petersburg University

Salikhov B. — Russian Academy of Sciences Central Economics and Mathematics Institute, Moscow

Salikhova I. — Moscow Witte University, Moscow; Russian Academy of Sciences Central Economics and Mathematics Institute Moscow

Shabalina E. — Candidate of Law, Associate Professor, Autonomous non-profit organization of Higher Education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Shchennikova V. — Senior Lecturer, Autonomous Non-Commercial Organization of Higher Education «Moscow International University»

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Barnaul Theological Seminary

Spilnichenko V. — Russian State University for the Humanities, Moscow

Suvorova S. — Ph.D. Econ., associate professor, St. Petersburg Polytechnic University Peter the Great

Tolmacheva I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ANOVO «Moscow International University»

Uporov I. — Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar

Vanchikov S. — post-graduate student, Saint-Petersburg State University

Vaskova Yu. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor Samara State University of Economics

Yuras I. — Postgraduate, Autonomous non-profit organization of higher education «Moscow university «Synergy»

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).